

Зарубежная

фантастика

А. Нурс Р. Янг
РЕВОЛЮЦИЯ 20

Алан Нурс
Роберт Янг

РЕВОЛЮЦИЯ 20

Фантастические рассказы

Ясноград «Бригантина»

Зарубежная

фантастика

Зарубежная

фантастика

Алан Нурс
Роберт Янг

РЕВОЛЮЦИЯ 20

Фантастические рассказы

Перевод с английского

Ясноград «Бригантина» 2017

УДК 82.035
ББК 84.7
Н90

Alan E. Nourse
Robert F. Young
Short Stories

Составитель *С. В. Составитель*
Рисунок на обложке *Константин Юон*
Фронтиспис *Edward Emshwiller*

Нурс, Алан Е., Янг, Роберт Ф.

Н 90 Революция 20: Фантаст. рассказы / Алан Нурс, Роберт Янг;
[пер. с англ.]. – Ясноград: Бригантина, 2017. – 372 с., илл. – (За-
рубежная фантастика).

Сборник рассказов двух американских писателей,
плодотворно трудившихся на ниве фантастики в сере-
дине XX века.

Без объявл.

Отдел научно-фантастической прозы

© перевод, Я.Берлин, Г.Палагута, С.Василевская, Э.Кабалевская, 2017

© перевод, Н.Шумаков, В.Федоров, И.Рошаль, Н.Никонова, 2017

© перевод, В.Мисюченко, М.Нахмансон, С.Васильева, 2017

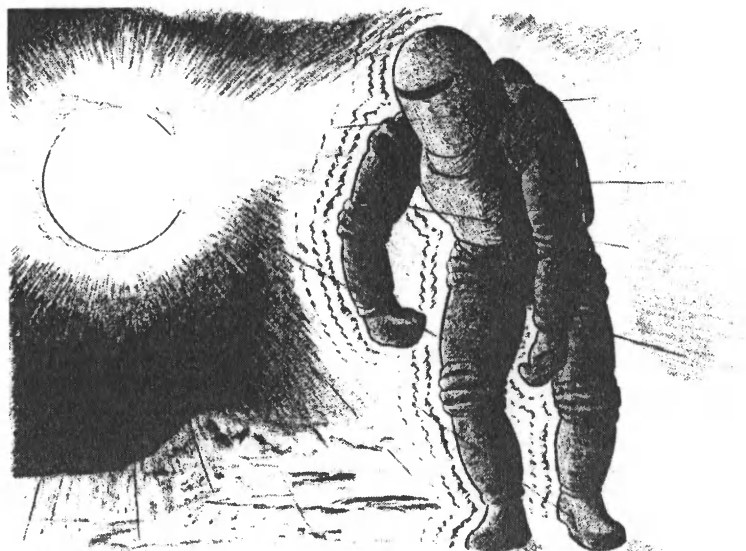
© перевод, М.Литвинова-мл., А.Петрушина, С.Гонтарев, 2017

© всё остальное, Бригантина, 2017

АЛАН НУРС

ЧЕРЕЗ СОЛНЕЧНУЮ СТОРОНУ

Войдя вечером в ресторан «Красный лев», Джеймс Бэрон не испытал особого удовольствия, когда узнал, что его кто-то спрашивал. Он никого не ожидал, ломать голову над загадками – неважно, серьезными или пустяковыми – вообще не любил, да к тому же в тот вечер у него хватало

A black and white illustration featuring a man's face, possibly a vampire or a creature with a stitched forehead, emerging from a dark, spiky, flame-like background. Above the face is a circular diagram with handwritten text. The diagram includes labels like 'SUN', 'Mars', 'Jupiter', 'Saturn', 'Uranus', 'Neptune', 'Pluto', and 'Asteroids'. Handwritten notes include 'Note: check mathematics' and '18 days 18 hrs. 18 min. 18 sec.'

A black and white illustration featuring a man's face, possibly a vampire or a creature with a stitched forehead, emerging from a dark, spiky, flame-like background. Above the face is a circular diagram with handwritten text. The diagram includes labels like 'SUN', 'Mars', 'Jupiter', 'Saturn', 'Uranus', 'Neptune', 'Pluto', and 'Asteroids'. Handwritten notes include 'Note: check mathematics' and '18 days 18 hrs. 18 min. 18 sec.'

A black and white illustration featuring a man's face, possibly a vampire or a creature with a stitched forehead, emerging from a dark, spiky, flame-like background. Above the face is a circular diagram with handwritten text. The diagram includes labels like 'SUN', 'Mars', 'Jupiter', 'Saturn', 'Uranus', 'Neptune', 'Pluto', and 'Asteroids'. Handwritten notes include 'Note: check mathematics' and '18 days 18 hrs. 18 min. 18 sec.'

A black and white illustration featuring a man's face, possibly a vampire or a creature with a stitched forehead, emerging from a dark, spiky, flame-like background. Above the face is a circular diagram with handwritten text. The diagram includes labels like 'SUN', 'Mars', 'Jupiter', 'Saturn', 'Uranus', 'Neptune', 'Pluto', and 'Asteroids'. Handwritten notes include 'Note: check mathematics' and '18 days 18 hrs. 18 min. 18 sec.'

дей, мало знакомых Бэрону. Кажется, альпинисты, покорители вершин Андов – может, не все, но двое из них точно. Ближе к двери он заметил старого Балмера – того самого, что проложил и нанес на карту первый маршрут в недра кратера Вулкан на Венере. Бэрон кивком ответил на его приветливую улыбку и, откинувшись на спинку кресла, стал нетерпеливо ждать непрошеного гостя, который потребовал его времени и внимания, не доказав своего права на них.

Вскоре в дверях показался щуплый седой человек и через весь зал направился к столику Бэрона. Он был невысок, худощав, с изможденным и чудовищно уродливым лицом. Возраст его угадать было трудно: ему могло быть и тридцать лет, и двести... На буро-коричневых, покрытых бурами щеках и лбу виднелись заметные, еще не совсем зажившие рубцы.

– Рад, что вы подождали меня, – сказал незнакомец. – Я слышал, вы собираетесь пересечь Солнечную сторону?

Бэрон пытливо глянул на него.

– Я вижу, вы смотрите телепередачи, – холодно бросил он. – Да, сообщение это соответствует истине. Мы собираемся пересечь Солнечную.

– В перигелий¹?

– Конечно. Когда же еще?

Седой человек скользнул по лицу Бэрона ничего не выражающим взглядом и неторопливо произнес:

– Боюсь, вам не удастся пересечь Солнечную...

¹ Перигелий – максимальное приближение планеты к Солнцу.

- Да кто вы такой, позвольте спросить?!
- Фамилия моя Клэни, – ответил незнакомец.
- После долгой паузы Бэрон переспросил:
- Клэни? Питер Клэни?!
- Он самый.

Гнев Бэрона как рукой сняло, глаза его взволнованно заблестели, и он воскликнул:

– Тысяча дьяволов, да где же вы прятались, старина? Мы вас разыскиваем уже несколько месяцев!

– Знаю. Надеялся, что перестанете искать и вообще откажетесь от этой затеи.

– Перестанем искать вас? – Бэрон перегнулся через стол. – Дружище, мы уже потеряли надежду, но искать все равно не перестали. Ладно, давайте-ка выпьем. Ведь вы можете так много рассказать нам...

Клэни взял бокал, и было заметно, как дрожат его пальцы.

– Ничего не могу рассказать такого, что вам хотелось бы услышать.

– Послушайте, вы просто должны сделать это. Вы же единственный человек на Земле, кто попытался пройти по Солнечной стороне и вернулся живым. То, что вы дали прессе, – чепуха. Нам нужны подробности, понимаете? Где отказало ваше снаряжение? В чем вы просчитались? Что вас подвело? – Бэрон ткнул пальцем в лицо Клэни. – Вот, например, это у вас что – эпителиома¹? Почему? Что случилось с защитным стеклом? Со светофильтрами? Нам надо

¹Эпителиома – рак кожи.

знать все. Если вы нам расскажете, мы сумеем пройти там, где вам не удалось...

– Вы хотите знать, почему нам не удалось? – спросил Клэни.

– Да, конечно! Мы обязательно должны это знать.

– Ответ простой. Нам не удалось потому, что этого нельзя сделать. Мы не смогли, и вы не сможете. Ни один человек никогда, ни сейчас, ни через сотни лет, не сможет пересечь Солнечную сторону и остаться в живых.

– Ерунда, – отмахнулся Бэрон. – Мы пройдем.

Клэни пожал плечами.

– Я был там. Я знаю, что говорю. Можете винить снаряжение, винить людей – просчеты были и в том, и в другом, – но самое-то главное: мы просто не знали, на что мы замахиваемся. Планета, сама планета, и еще Солнце – вот кто не дал нам пройти, вот кто одолел нас. И вас одолеют, если вы попытаетесь.

– А вот это вряд ли! – решительно сказал Бэрон.

И тогда Клэни буркнул:

– Хорошо, я все расскажу.

Сколько я себя помню, меня всегда интересовал Меркурий, особенно его полушарие, постоянно обращенное к Солнцу. Мне было примерно лет десять, когда Уайат и Карпентер предприняли последнюю попытку – это было, кажется, в 2082 году. Каждое известие о них я ловил, словно очередную серию телевизионного детектива. И страшно переживал, когда они исчезли.

Теперь-то я понимаю, что это были просто два идиота:

пуститься в такое путешествие без нужного снаряжения, практически не зная характера поверхности, не имея даже простейшей карты! Конечно, они и ста миль не могли пройти... Но тогда-то я всего этого не знал, и гибель их была для меня страшной трагедией. Позднее я очень заинтересовался работой Сандерсона и его лабораторией в Сумеречной зоне. К этому времени Солнечная сторона Меркурия уже так крепко засела у меня в голове, что и пушкой не вышибить.

Но мысль о переходе через Солнечную первый высказал не я, а Микута. Вы не знали Тома Микуту? Нет, наверно. Он не японец, а поляк по происхождению, но жил в Штатах. Имел чин майора Межпланетной службы, много лет там проработал, потом вышел в отставку, но чином своим все равно гордился.

В годы службы он немало работал с Армстронгом на Марсе – вел топографические съемки, картографические работы для тамошней колонии. Я с ним познакомился на Венере; мы там пробыли вместе пять лет, исследовали самые гиблые места – хуже никому не доставались, если не считать Матто Грассо. Потом Микута попробовал добратся до кратера Вулкан; и эта попытка в некотором смысле помогла Балмеру несколько лет спустя.

Майор мне всегда нравился. Это был рослый, спокойный, хладнокровный человек. Он умел заглянуть вперед дальше других и никогда не терялся в трудную минуту. В нашем деле слишком уж много людей дерзких и удачливых, но начисто не способных на трезвый расчет. Майор обладал всеми этими качествами. Он был из тех, кто способен

объединить ватагу необузданных дикарей и заставить их работать, как хорошо смазанная машина, скажем, на прокладке тысячемильной дороги в венерианских джунглях. Я любил его и верил ему.

Он разыскал меня в Нью-Йорке и поначалу ни о чем серьезном не говорил. Мы провели вечерок здесь, в «Красном льве», вспоминая о былом. Он рассказал мне, как пытался добраться до Вулкана, как летал на Меркурий, в Сумеречную лабораторию, повидаться с Сандерсоном, признался, что всегда предпочитает жару холоду, а потом вдруг спросил, чем я занимался после работы на Венере и какие у меня планы на будущее.

— Никаких особых планов, — ответил я. — А почему это вас интересует?

Он окинул меня взглядом.

— Сколько вы весите, Питер?

— Семьдесят килограммов, — ответил я.

— Вот как! Ну, все равно, сала на вас немного. Как переносите жару?

— Вы должны бы знать, — ответил я. — Венера ведь не холодильник.

— Да я не о том, я о настоящей жаре.

Тут я начал соображать, что к чему.

— Вы замышляете экспедицию!

— Совершенно верно. Горячую экспедицию, — он широко улыбнулся. — И, может быть, опасную.

— Куда?

— На Солнечную сторону Меркурия.

Я тихонько присвистнул.

– В афелий¹?

Он решительно откинул голову.

– Что толку затевать переход Солнечной в афелий? Чего ради? Четыре тысячи миль смертоносной жары – и только для того, чтобы какой-нибудь молодчик подкатил следом за вами, использовал все ваши данные и прикарманил вашу славу, проделав спустя сорок четыре дня тот же маршрут в перигелий? Нет, спасибо. Я хочу форсировать Солнечную без дураков! – Он резко придвинулся ко мне. – Я намерен преодолеть Солнечную в перигелий, и притом – по поверхности. Тот, кто это сделает, победит Меркурий. Пока еще никто не победил его. А я хочу, но мне для этого нужны помощники.

Тысячу раз я ловил себя на такой мысли, но ни разу не осмеливался подумать об этом всерьез. Никто не осмеливался после того, как исчезли Уайат и Карпентер. Как известно, Меркурий совершает оборот вокруг своей оси за то же время, что и оборот вокруг Солнца, и одно его полушарие поэтому всегда обращено к Солнцу. В перигелий это самое раскаленное место во всей нашей Солнечной системе, если не считать поверхности самого Солнца. Маршрут этот – чистое адово пекло. На себе испытали его всего несколько людей, но никто из них не вернулся, чтобы рассказать нам об этом. Да, конечно, это переход через огненный ад, и все же мне верилось, что когда-нибудь найдутся люди, которые его совершат.

И мне захотелось быть одним из них.

¹ Афелий – максимальное удаление планеты от Солнца.

Исходным пунктом явно могла быть только лаборатория в Сумеречной зоне, близ северного полюса Меркурия. Размаха тут особого не было: ракетная площадка, лабораторные помещения и жилье для людей Сандерсона глубоко в толще коры, да еще башня с солнечным телескопом, которую Сандерсон построил за десять лет до того.

Сумеречная лаборатория, естественно, не была особо заинтересована в завоевании Солнечной стороны: ведь Сандерсон занимался только Солнцем, и Меркурий ему был нужен просто как ближайшая к его любимому детищу глыба, на которой можно поставить обсерваторию. Место он выбрал, надо сказать, удачное. Температура на Солнечной стороне Меркурия достигает в перигелий плюс 410 градусов по Цельсию; а на Ночной стороне почти всегда постоянна — минус 244 градуса. Никакое сооружение, обслуживаемое людьми, при столь крайних температурах уцелеть не может. Но благодаря некоторому колебанию оси Меркурия между Солнечной и Ночной сторонами существует Сумеречная зона, где температурные условия несколько ближе к терпимым для человека.

Сандерсон построил лабораторию близ полюса, где Сумеречная зона достигает ширины шести миль и температурные колебания не превышают 25–30 градусов. Солнечный телескоп вполне стойко переносит такие скачки температуры, и из восьмидесяти восьми земных дней, составляющих меркурианский год, Сандерсон мог без затруднений наблюдать Солнце примерно в течение семидесяти дней.

Когда мы осели в лаборатории для окончательных при-

готовлений, майор рассчитывал на помощь Сандерсона, который кое-что знал о Меркурии и о Солнце.

Сандерсон действительно кое-что знал. Он считал, что мы просто сошли с ума, откровенно сказал нам об этом, но и помог нам во всем. Целую неделю он инструктировал Джека Стоуна, третьего члена нашей экспедиции, который прилетел на несколько дней раньше нас со снаряжением и припасами.

Бедный Джек встретил нас на ракетной посадочной площадке чуть не плача – такую страшную картину Солнечной стороны нарисовал ему Сандерсон.

Стоун был совсем юнец, – ему, наверно, не было и двадцати пяти, – но он ходил с майором на Вулкан и умолил взять его на этот маршрут. У меня было такое ощущение, что Джек не особенно увлекался разведкой планет; просто он взирал на Микуту, как на божество, и готов был идти за ним повсюду, словно преданный щенок.

Мне-то было все это безразлично, лишь бы он понимал, на что идет. В нашем деле не стоит особенно расспрашивать людей, зачем их сюда потянуло. Как правило, они начинают что-то смущенно болтать, и вразумительного ответа от них не добьешься.

Так или иначе, Джек взял на подмогу трех человек из лаборатории и к нашему прилету расставил все машины и разложил все снаряжение с припасами в полном порядке и готовности для проверки и опробования.

Мы с ходу занялись всем этим. Средств у нас хватало – от телевизионных компаний, да и у правительства Микута сумел кое-что заполучить, – поэтому все оснащение наше

было новенькое и отличного качества. У нас было четыре вездехода: три легких — «жуки», как мы их называли, на особых уширенных баллонах-подушках, со специальными моторами, в которых при сильном повышении наружной температуры включалось охлаждение свинцом, — и один тяжелый трактор для буксировки волокуш.

Майор проверил все до мелочей. Затем он спросил:

— Есть какие-нибудь известия от Макиверса?

— Кто это? — полюбопытствовал Стоун.

— Он идет с нами. Нужный человек. На Земле прославился как альпинист, — майор повернулся ко мне. — Вы, наверно, слышали о нем.

Я и впрямь слышал много всяких историй, героем которых был Тед Макиверс, и меня не особенно обрадовало известие, что он пойдет с нами.

— Отчаянный парень, кажется?

— Возможно. Он и удачлив, и искусен. Где провести границу? Нам ведь нужно побольше и того, и другого.

— Вы когда-нибудь с ним работали? — спросил я.

— Нет. А вам он не нравится?

— Не могу этого сказать. Просто Солнечная сторона не такое место, где можно рассчитывать на удачу.

Майор рассмеялся.

— Не думаю, что у нас есть какие-нибудь основания тревожиться насчет Макиверса. Когда я говорил с ним о нашей экспедиции, мы отлично поняли друг друга. А во время перехода мы все будем так нужны друг другу, что тут уж не до глупостей, — он снова взял в руки список припасов. — Давайте пока уточним, что мы берем с собой, и начнем упа-

ковываться. Нам придется сильно убавить груз, а время поджидает. Сандерсон говорит, что нам надо выступать через три дня.

Прошло два дня, а Макиверс все не появлялся. Майор о нем помалкивал. Стоун нервничал, и я тоже. Второй день мы потратили на изучение фотосхем Солнечной стороны. Даже лучшие из них были плохи – съемки делались со слишком большой высоты, и при увеличении все детали расплылись в мутные пятна. Разобрать на них можно было только наиболее высокие горные хребты, кратеры, провалы – и больше ничего. Все же они помогли нам наметить хотя бы общее направление нашего маршрута.

– Этот хребет, – сказал майор, стоя вместе с нами у доски со схемами, – по словам Сандерсона, почти не проявляет вулканической активности. А вот эти – южнее и восточнее – могут взбушеваться. Сейсмографические наблюдения дают основание ожидать в этой зоне высокой активности, и чем ближе к экватору, тем больше. Причем, не только вулканической, но и тектонической.

Стоун подтвердил:

– Сандерсон говорил мне, что здесь, вероятно, происходит непрерывное перемещение поверхности.

Майор пожал плечами.

– Что и говорить, тут места гиблые, это ясно. Но обойти их можно, только если мы пойдем через полюс, а это отнимет у нас еще несколько дней, причем нет ни малейшей гарантии, что на западе активность будет меньше. Вот если бы нам удалось найти проход в этом хребте и затем круто свернуть на восток, тогда другое дело...

В общем получалось, что чем больше мы ломали голову над нашей задачей, тем дальше оказывались от ее решения.

Мы знали – на Солнечной много вулканов; они есть и на Ночной стороне, хотя там поверхностная активность была заметно ниже и наблюдалась только в отдельных местах. Но на Солнечной, кроме того, приходилось думать и об атмосфере. Понимаете, там есть атмосфера, и с Солнечной на Ночную идет непрерывное движение атмосферных потоков. Толща атмосферы невелика – легкие газы достигли скорости отрыва и улетучились в космическое пространство еще миллионы лет назад, – но зато там есть углекислый газ, азот и следы других тяжелых газов. И еще в изобилии – пары серы, сероуглерод и сернистый газ.

Атмосферные потоки, попадая на Ночную сторону, конденсируются, притом они несут с собой столько вулканического пепла, что Сандерсон, исследуя пробы из его отложений, имел возможность определять глубину и характер поверхностных возмущений, происходящих на Солнечной. Вся трудность задачи и заключалась в том, чтобы найти проход, возможно дальше уводящий от зон таких возмущений. Но нам в конечном счете удалось получить только самые смутные представления о Солнечной стороне. Единственным способом узнать, что там творится, для нас оставалось отправиться туда самим.

На третий день, наконец, прилетел Макиверс – грузовой ракетой с Венеры. Он на несколько часов опоздал на корабль, который доставил к Сандерсону майора и меня, и решил махнуть на Венеру в надежде, что оттуда легче перелететь на Меркурий. Судя по всему, опоздание его ничуть не

смущало, как будто это было в порядке вещей, и он просто не понимал, с какой стати все остальные так волнуются.

Макиверс был высок и строен, в длинных вьющихся волосах его пробивалась преждевременная седина, а глаза сразу выдавали в нем профессионального альпиниста – полуприкрытые, сонливые, почти безжизненные, но способные, когда надо, мгновенно насторожиться. Состояние покоя для него было нестерпимо: он всегда был в движении – или говорил, или вышагивал из угла в угол; руки у него ни на минуту не оставались в покое.

Майор явно решил не заострять вопрос о его опоздании. Работы оставалось еще много, и спустя час мы уже принялись за окончательную проверку наших скафандров. К вечеру Стоун и Макиверс стали закадычными друзьями. Все было готово к старту, назначенному на утро. Нам оставалось только немного отдохнуть.

– Вот тут и была ваша первая большая ошибка, – сказал Бэрн, осушая свой бокал, и сделал знак официанту, чтобы тот принес еще пару.

– Макиверс? – спросил Клэни, взметнув брови.

– Конечно.

Клэни пожал плечами и окинул взглядом спокойных и молчаливых людей, сидевших за столиками вокруг.

– В подобных местах встречаешь много необычных людей, и иногда лучшие из них не покажутся с первого взгляда самыми надежными. Так или иначе, в тот момент проблема человеческих характеров не стояла у нас на первом плане. Нас тревожили, во-первых, снаряжение, во-вторых, маршруты.

Бэрон понимающе кивнул головой.

— Что представляли собой ваши скафандры?

— Лучшие теплоизолирующие костюмы, какие когда-либо видел свет, — сказал Клэни. — Внутренний слой — из особого стекловолокна (асбест слишком жесток), индивидуальная холодильная установка и баллон с кислородом на восемь часов, подзаряжаемый с волокуши. Наружный слой — отражательная обшивка из мономолекулярного хрома, так что мы сверкали, словно рождественские елки. А между этими двумя слоями — прослойка с полдюйма, заполненная воздухом под повышенным давлением. Ну и, конечно, сигнальные термопары — при температуре плюс 410 градусов немного времени надо, чтобы превратиться в головешку, если скафандр откажет.

— А «жуки»?

— Они тоже имели теплоизоляцию, но мы на них особенно не рассчитывали.

— То есть как это не рассчитывали?! — воскликнул Бэрон. — Почему?

— Потому что знали, как часто нам придется из них вылезать. Они придавали нам подвижность, везли наш груз, но мы же понимали, что нам нужно будет много ходить и разведывать путь для машин, — тут Клэни горестно усмехнулся, — а это означало, что всего только дюйм стекловолокна и полдюйма воздушной прослойки будут отделять нас от наружной среды, где свинец — жидкий, как вода, цинк — почти на точке плавления, а лужи серы в тени кипят, словно котелок с овсяной кашей над костром.

Бэрон облизал губы и машинально погладил пальцами

холодную, влажную стенку бокала.

– Продолжайте, – сказал он сдержанно. – Выступили вы точно по графику?

– О да, – ответил Клэни, – точно по графику. Мы только не совсем по графику закончили. Сейчас и пойдет речь об этом.

Он уселся поудобнее в своем кресле и продолжал рассказ.

Мы стартовали из Сумеречной зоны курсом на юго-восток с расчетом добраться за тридцать дней до центра Солнечной стороны. Если бы мы смогли делать по семьдесят миль в день, мы достигли бы центра точно в перигелий, в момент наибольшего приближения Меркурия к Солнцу, то есть оказались бы в самом раскаленном месте планеты тогда, когда оно более всего раскалено.

Солнце уже поднялось над горизонтом, когда мы тронулись в путь, – огромное, желтое, вдвое больше того, что видится с Земли. И с каждым днем нам предстояло видеть, как оно становится все огромнее, и двигаться по все более раскаленной поверхности. Но даже добравшись до центра Солнечной, мы сделали бы только полдела – нам ведь оставалось бы еще две тысячи миль до южной Сумеречной зоны. С Сандерсоном мы договорились, что он встретит нас там приблизительно через шестьдесят дней после старта.

Таков был в общих чертах наш план. Нам только нужно было проделывать ежедневно семьдесят миль, как бы жарко ни было, какой бы рельеф поверхности нам ни встретился.

А обходы – мы знали отлично, что обходы опасны и потребуют лишних затрат времени, и это само по себе могло стоить нам жизни.

Майор дал нам детальные инструкции за час до старта.

– Питер, ты возьмешь головной вездеход, один из легких, который мы специально разгрузили. Стоун и я, мы пойдем на своих машинах ярдов на сто позади слева и справа от тебя. На тебя, Макиверс, ложится задача буксировать волокуши, так что тебе придется особенно осторожно управлять машиной. Дело Питера – выбирать трассу нашего движения. Если возникнет сомнение насчет безопасности дальнейшего маршрута, мы будем разведывать путь пешком, а потом уж пускать машины. Ясно?

Макиверс и Стоун обменялись взглядами.

– Джек и я договорились поменяться. Мы прикинули, что волокуши может взять на себя он, а я получу побольше маневренности.

Майор вскинул острый взгляд на Стоуна.

– Ты согласен, Джек?

Стоун пожал плечами.

– Не возражаю. Маку очень хочется...

– Да какая разница? – Макиверс сделал нетерпеливый жест. – Я просто лучше себя чувствую, когда в движении. Не все ли равно, кому буксировать волокуши?

– Пожалуй, и то верно, – сказал майор.

– Тогда, значит, мы с тобой пойдем на флангах у Питера. Так?

– Конечно, конечно, – Макиверс подергал себя за нижнюю губу. – А кто будет вести разведку впереди?

– Похоже, что это поручено мне, – ввернул тут я. – Поэтому головной вездеход мы хотим оставить максимально облегченным.

– Совершенно верно, – подтвердил Микута. – Мы ободрали его так, что только рама да колеса остались.

Макиверс замотал головой.

– Да нет, я говорю про головную разведку. Надо же иметь кого-то впереди, по меньшей мере за четыре-пять миль, чтобы обнаружить дефекты и активные точки поверхности. – Тут он уставился на майора. – То есть я имею в виду, что мы не увидим, в какую чертову яму мы лезем, если у нас не будет разведчика впереди...

– Для этого у нас есть фотосхемы, – отрезал майор.

– Ха-ха, схемы! Я говорю о детальной разведке. Основные элементы топографии нам ясны. Погубить нас могут мелкие дефекты, которые на схемах не видно, – он нервно отшвырнул схемы. – Послушайте, разрешите-ка мне на одном из вездеходов оторваться от колонны на пять, ну, может, на десять миль и вести разведку. Я, конечно, никуда с твердого грунта не сойду, но обзор у меня будет отличный, и я буду радировать Питеру, где удобно обойти всякие провалы. Тогда...

– Без фокусов, – перебил майор.

– Да почему же? Мы сможем сэкономить столько дней!

– Плевать мне на такую экономию! Будем держаться вместе. Мне надо, чтобы до середины полушария мы добрались живыми. А для этого нужно ни на минуту не терять друг друга из виду. Уж альпинисту-то следовало бы знать, что в группе человеку всегда безопаснее, чем в одиночку, куда бы он ни попал.

Макиверс впился в майора взглядом, щеки его залились краской гнева. Наконец, он сердито мотнул головой.

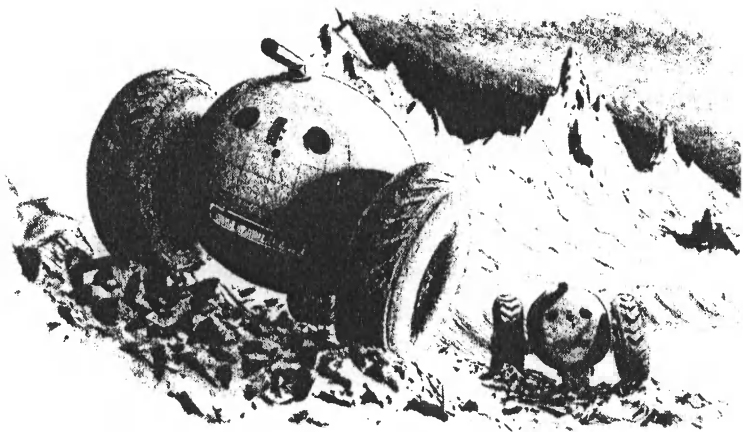
– Ладно. Раз ты так сказал.

– Да, я так сказал и не шучу. И никаких выдумок не позволю. Мы все вместе придем к центру Солнечной и вместе закончим переход. Ясно?

Макиверс мотнул головой. Микута перевел взгляд на Стоуна, затем на меня, и мы тоже ответили ему кивком.

– Ну и ладно, – медленно протянул он. – Раз мы все уладили, можно и трогаться в путь.

Нам было жарко. Даже если мне суждено забыть все события этого похода, одного я не забуду никогда – Солнца, огромного желтого Солнца, льющего на нас свой свет, не затухающий ни на мгновение, свет, с каждой милей все более и более жгучий. И, начав свой путь на юго-восток от

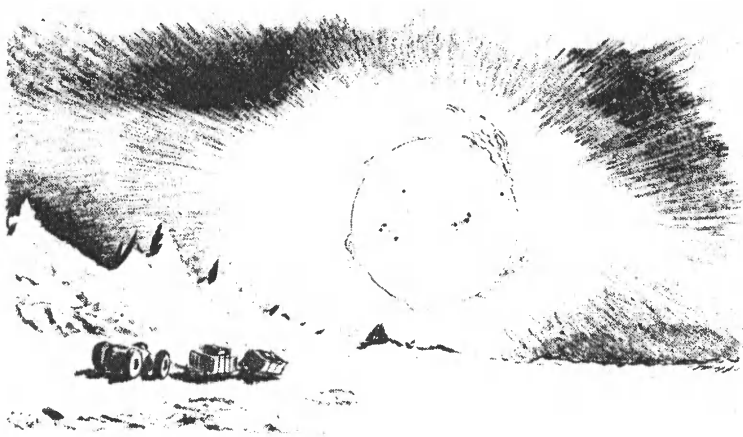

лаборатории в Сумеречной зоне по длинной узкой расщелине, мы, свежие и отдохнувшие, знали, что эти первые несколько дней будут самыми легкими.

Я тронулся первым. Оглядываясь, я видел вездеходы майора и Макиверса. Они ползли, плавно переваливаясь на своих баллонах-подушках, по изрезанной и неровной поверхности расщелины. За ними тащился трактор Стоуна с волокушами.

Хотя сила тяжести здесь составляла всего одну треть земной, мощному трактору приходилось трудно. Лыжеподобные полозья волокуш врезались в рыхлый вулканический пепел, устилавший дно расщелины. Притом первые двадцать миль мы шли все-таки по проложенной колее...

Я не отрывал глаз от здоровенного поляроидного бинокля, ловя следы, проложенные предыдущими исследовательскими партиями до ближайшего края Солнечной стороны.

Но через два часа мы миновали маленькую вышку передового обсервационного поста Сандерсоновской лаборатории, и следы исчезли. Тут еще никогда не ступала нога человека, а Солнце начало жалить все сильнее и сильнее.

В эти первые дни мы не столько ощущали зной, сколько видели его. Наши теплоизолирующие костюмы поддерживали внутри довольно приятную температуру порядка 20 градусов по Цельсию, но глаза наши видели палящее Солнце и желтые оплавившиеся скалы по сторонам, и по каким-то нервным каналам шли искаженные сигналы: нас заливал пот, словно мы сидели в жаркой печи.

Восемь часов мы шли, пять спали. Когда наступал период отдыха, мы ставили наши машины вплотную квадратом, раскидывали над ними легкий алюминиевый солнцезащитный навес и располагались под ним на покрытых пылью и пеплом камнях. Навес снижал температуру градусов на тридцать пять – сорок, только и всего. Затем мы ели (продовольствие лежало на передней волокуше), тянули из тюбиков белки, углеводы, жиры и витамины.

Майор железной рукой отмерял нам порции воды – иначе мы могли бы излишним потреблением воды за неделю довести себя до нефрита. Жажда мучила нас непрерывно, непрестанно. Спросите у физиологов или у психиатров, почему так бывает, – они приведут вам с десяток очень любопытных причин, но мы тогда знали одно и самое важное для нас – с нами было именно так.

В результате на первых нескольких привалах мы не могли спать. Никакие светофильтры не помогали, глаза жгло, головы раскалывались от страшной боли, но целебный сон

не приходил. Мы сидели в кругу и пилились друг на друга. Потом Макиверс изрекал, что вот хорошо бы сейчас бутылочку доброго пива, и тут начиналось... Право же, мы бы тогда родную бабушку променяли на бутылку пива со льда!

За несколько переходов я уже хорошо освоил машину. Мы углублялись в пустыню, по сравнению с которой Долина смерти на Земле выглядит японским розарием. Дно расщелины пересекали огромные трещины, по сторонам высились черные иззубренные утесы, атмосфера имела желтоватый оттенок от паров серы и сернистого газа.

Да, это была раскаленная, бесплодная пустыня, где человеку не место, но стремление победить ее было таким могучим, что мы ощущали его почти физически. Ни один человек до нас не пересек эту сторону и не вернулся отсюда живым. Те, кто дерзнул, были жестоко наказаны. Но огненная пустыня оставалась непобежденной, и ее надо было пройти. И не легчайшим путем, а самым трудным – по ее поверхности, преодолев все западни, которые могут оказаться на нашем пути, притом в самое трудное и опасное время.

Но мы знали и другое – эту пустыню можно было бы преодолеть и раньше, если бы не Солнце. Мы сразились с абсолютным холодом и победили. Но людям никогда еще не доводилось сражаться с такой адской жарой и победить. Страшнее была только поверхность самого Солнца.

Да, с Солнечной стороной стоило сразиться. Либо мы одолеем ее, либо она нас – таково было условие игры...

Я многое узнал о Меркурии за несколько первых переходов. Через сотню миль расщелина выклинилась, и мы вышли на склон, где цепь иззубренных кратеров тянулась на

юго-восток. Эта цепь не проявляла активности уже сорок лет со времени первой высадки на Меркурий, однако за ней высились конусообразные вершины действующих вулканов. Их кратеры непрерывно курились желтыми парами, а склоны были покрыты толстым слоем пепла.

Ветра обнаружить мы не могли, хотя знали, что над поверхностью планеты непрерывно текут раскаленные потоки сернистого газа. Скорость их, однако, была недостаточна, чтобы вызвать эрозию. Над иззубренными расщелинами высились грозные скалистые пики вулканов, усеянные обломками камней. А вокруг лежали бескрайние желтые равнины, над которыми непрестанно дымились газы, с шипением вырывавшиеся из-под коры. И на всем лежала серая пыль — силикаты и соли, пемза и вулканический пепел. Они заполняли трещины и впадины и были предательской западней для мягких подушек-баллонов наших вездеходов.

Я научился «читать» местность, распознавать перекрытый наносами провал по провисанию слоя пепла, научился определять проходимые трещины и отличать их от непроходимых разрезов. Раз за разом нам приходилось останавливать машины и идти на разведку дальнейшего маршрута пешком, связавшись друг с другом легким медным тросом, зондируя толщу отложений, передвигаясь вперед и вновь зондируя, пока мы не убеждались, что поверхность выдержит машины. Работа эта была изнурительной, мы в изнеможении сваливались и засыпали. И тем не менее поначалу все шло гладко.

Мне даже казалось — слишком гладко, и другим, видимо, казалось так же.

Непоседливость Макиверса начала действовать нам на нервы. Он слишком много болтал и в походе, и на отдыхе; его шутки, остроты, несмешные анекдоты очень скоро приелись нам. То и дело он отклонялся от заданного курса – не очень далеко, но с каждым разом все дальше.

А Джек Стоун впал в другую крайность: с каждым переходом он все больше уходил в себя, замыкался, им явно все больше овладевали страхи и сомнения. Мне это совсем не нравилось, я только надеялся, что это скоро пройдет. Мне и самому было не очень-то весело, я просто лучше умел скрывать свои опасения.

А Солнце тем временем становилось все белее, все огромнее. Все выше стояло оно в небе и жгло, жгло... Не будь у нас светофильтров и экранов для защиты от ультрафиолетового излучения, мы бы давно уже ослепли. И с ними-то боль в глазах у нас не прекращалась, а кожа на лице к концу каждого перехода горела и зудела.

Едва ли не окончательный удар по нашим и без того сдавшим нервам нанесла одна из «прогулок» Макиверса в сторону от маршрута. Он вдруг свернул в одно из ответвлений длинного ущелья, отходившего к западу от нашего маршрута, и почти скрылся из виду в облаке поднятого им пепла, когда в наушниках наших шлемов послышался душераздирающий крик.

Задышавшись от волнения, я круто развернул свою машину и сразу увидел его в бинокль – он стоял на крыше своей машины и неистово махал руками. Мы с майором рванулись к нему с максимальной скоростью, на какую были только способны наши «жуки», рисуя себе самые ужасные картины...

Он стоял неподвижно, словно оцепенев, и показывал рукой вперед, вглубь горловины. На этот раз ему не понадобилось ни одного слова. Там были обломки вездехода старинной полугусеничной модели, вышедшей из употребления много лет назад. Вездеход накрепко заклинился в расселине скалы, наполовину засев в ней; одна из осей была сломана, кузов расколот надвое. Неподалеку лежали два теплоизолирующих скафандра; в стеклопластиковых шлемах виднелись белые черепа.

Здесь закончился поход Уайата и Карпентера через Солнечную сторону...

На пятом переходе характер местности начал меняться. Все вроде бы выглядело таким же, но то здесь, то там появлялось нечто иное, новое. Однажды у меня вдруг забуксовали колеса и оглушительно завыл двигатель. Немного подальше мой «жук» внезапно резко накренился; я поддал оборотов двигателю, и все обошлось благополучно.

Однажды я въехал по ступицы колес в какую-то лужу. Тусклая серая масса пенилась вокруг колес, разлетаясь в стороны тяжелыми дымящимися брызгами. Я понял, куда я попал, только когда колеса увязли и меня выволокли из лужи трактором. То, что выглядело густой сероватой грязью, на деле было скоплением расплавленного свинца, которое коварно прикрывал слой вулканического пепла.

Я стал еще осторожнее выбирать путь. Мы вступили в зону недавней поверхностной активности; здесь поверхность была поистине предательской на каждом шагу. Я

поймал себя на мысли, что было бы совсем неплохо, если бы майор одобрил предложение Макиверса о высылке вперед разведчика. Опаснее для него, но лучше для остальных – ведь мне приходилось вести машину вслепую, и, признаюсь, я вовсе не был в восторге от этого.

Этот восьмичасовой переход сильно измотал нас, и спали мы очень плохо. После отдыха, снова забравшись в машины, мы пошли еще медленнее. Мы выползли на широкое плоскогорье и, обходя сетку зияющих поверхностных трещин, виляли то вправо, то влево, пятились назад, пытаясь не потерять плотный грунт под колесами машин. Желтые пары, вздымавшиеся из трещин, так затрудняли обзор, что я заметил впереди крутой обрыв, когда уже почти подошел к его краю. За ним была трещина, противоположный край которой лежал футов на пять ниже.

Я крикнул остальным, чтобы они остановились, и подполз чуть поближе. Трещина была глубокая и широкая. Я прошел вдоль нее ярдов пятьдесят влево, потом вправо.

Я нашел только одно место, где переход через трещину как будто был возможен – там ее перекрывала, как мостик, полоса какого-то серого вещества. Пока я его разглядывал, поверхностная корка под моей машиной проседала и сотрясалась, и серая полоска над трещиной сместилась на несколько футов в сторону.

– Ну как там, Питер? – послышался в наушниках голос майора.

– Не пойму. Кора подо мной ползет то вправо, то влево, как на роликах, – откликнулся я.

– А «мостик»?

– Что-то побаиваюсь я его, майор, – ответил я, помедлив. – Давайте лучше отойдем назад и поищем обход.

И тут в моих наушниках послышался пренебрежительный возглас Макиверса. Его «жук» внезапно рванул вперед, покатился вниз, мимо меня, набирая скорость, – я только успел заметить фигуру Макиверса, согнувшегося над штурвалом в типичной позе автогонщика, – и нацелился прямо на серый наплыв, мостиком перекрывавший трещину.

Я не успел даже крикнуть, как услышал грохочущий окрик майора:

– Мак! Остановись! Остановись, идиот!

Но вездеход Макиверса был уже на «мостике» и катил по нему, не снижая скорости. Наплыв дрогнул под колесами, на одно страшное мгновение мне показалось, что он падает, проваливается под машиной, но секундой позже машина уже перевалила на ту сторону, взметнув облако пыли, и в наушниках прозвучал полный издевательского торжества голос Макиверса:

– Вперед, эй вы, разини! Вас тоже выдержит!

В ответ послышалось нечто непечатное, и вездеход майора поравнялся с моим, а затем осторожно и медленно скатился на «мостик» и переполз на другую сторону.

– Давай теперь ты, Питер. Не торопись. Потом подсоби Джеку перетащить волокуши.

Голос его звучал напряженно, словно натянутая струна.

Не прошло и десяти минут, как все машины стояли по ту сторону трещины. Майор проверил их состояние, затем повернулся к Макиверсу и, гневно глядя на него, сказал:

– Еще один такой трюк, и я привяжу тебя к скале и бро-

шу здесь! Понял? Попробуй еще хоть раз...

Макиверс запротестовал:

– Господи, да если мы оставим впереди Клэни, нам отсюда вовек не выбраться! Любой подслеповатый болван мог бы увидеть, что этот наплыв нас выдержит.

– Я заметил, что он все время движется.

– Ну, ладно, ладно. У тебя уж больно острое зрение. Но зачем столько шума? Мы ведь перебрались, чего еще вы хотите? Я только одно скажу – нам нужно все-таки побольше дерзости; кое-где без нее не обойтись, не то мы из этой треклятой печи никогда не выберемся.

– Нам необходимо и побольше трезвости, – резко сказал майор. – Ладно, поехали дальше. Но если ты думаешь, что я шучу, попробуй еще раз отмочить такую штуку!

Он помолчал с минуту, чтобы Макиверс все прочувствовал, потом развернул своего «жука» и тронулся следом за мной уступом сзади.

На стоянке об этом инциденте никто не сказал ни слова. Но перед тем как лечь спать, майор отвел меня в сторону и шепнул:

– Питер, я очень беспокоюсь.

– Насчет Макиверса? Не тревожьтесь. Он не так уж безрассуден, как кажется. Просто нетерпеливый человек. Мы ведь на сотню миль отстали от графика, страшно медленно идем. Сегодня, например, прошли всего сорок миль...

Майор покачал головой.

– Нет, я не про Макиверса. Меня тревожит наш юнец.

– Джек? А что с ним?

– Погляди сам.

Стоун лежал на спине поодаль от нас, близ своего трактора, но он не спал. Его трясло, все его тело билось в конвульсиях. Я заметил, как он судорожно цеплялся руками за выступы скалы, чтобы сдержать дрожь.

Я подошел к нему и присел рядом.

– Ты выпил свою пайку воды? – спросил я.

Он не отвечал, его продолжало трясти.

– Эй, парень, – сказал я, – что с тобой такое?

– Жарко, – с трудом выдавил он из себя.

– Конечно, жарковато, но ты не поддавайся, друг. Мы все в отличной форме.

– Нет, нет, – тихо, но резко сказал он. – Мы в никуда не годной форме, если хочешь знать. Мы не пройдем, понимаешь? Этот помешанный, этот дурак всех нас погубит... – И вдруг он захныкал, как ребенок: – Мне страшно... Зачем меня сюда занесло?... Страшно мне... Что я хотел доказать, когда сунулся сюда, господи? Что я герой? А я просто боюсь, мне страшно, говорю тебе, страшно!

– Послушай-ка, – уговаривал я, – и Микуте страшно, и мне тоже. Что тут особенного? Мы пройдем обязательно, ты только не скисай. А героя из себя никто не корчит.

– Никто, кроме Джека Стоуна, – сказал он с горечью.

Снова содрогнувшись всем телом, он издал короткий сдавленный смешок.

– Хорош герой, а?

– Да ты не волнуйся, мы пройдем.

– Конечно, пройдем, – сказал он наконец. – Прости меня. Я соберусь.

Я откатился в сторону, но продолжал присматривать за

ним, пока он не притих и не уснул. Я тоже попытался уснуть, но мне спалось плохо — все вспоминал про тот наплыв над трещиной. Я ведь еще тогда по внешнему виду понял, что это такое. Это была цинковая пленка, о которой нас предупреждал Сандерсон. Тонкий широкий пласт почти чистого цинка, извергнутого из недр в раскаленном добела состоянии совсем недавно. Для его распада требовалось недолгое воздействие кислорода или паров серы...

Я был достаточно хорошо знаком со свойствами цинка — при таких температурах, как здесь, он становится хрупким, как стекло. Этот пласт мог переломиться под машиной Макиверса, как сухая сосновая досочка. И не его заслуга, что этого не случилось.

Через пять часов мы снова были на колесах. Нам почти не удавалось продвигаться вперед. Сильно пересеченная поверхность в сущности была непроходима. Плато было усеяно острыми обломками серой скалистой породы; наплывы проседали, едва колеса моей машины касались их; длинные пологие долины утыкались в свинцовые болота или озера расплавленной серы.

Десятки раз я вылезал из вездехода, пробовал ненадежный с виду участок, ступал на него ногами или проверял длинным стальным зондом. И неизменно Макиверс тоже вылезал, наседали на меня, забегал вперед, как мальчишка на ярмарке, потом вскарабкивался в свою машину, покраснев и тяжело дыша, и мы ползли вперед еще милую-другую.

Сроки нас сильно поджимали, и Макиверс не позволял мне ни на минуту забывать об этом. За шесть переходов мы

прошли всего около трехсот миль и отставали от графика миль на сто.

— Мы не выполним своей задачи, — сердито ворчал Макиверс. — Когда мы доберемся до центра, Солнце уже будет подходить к афелию.

— Очень сожалею, но быстрее вести вас просто не могу, — отвечал я ему.

Меня это начинало бесить. Я отлично понимал, чего он добивается, но не отваживался предоставить ему такую возможность. Мне и без того было страшно вато переползати на своем «жуке» через все эти наплывы, даже зная, что тут хоть я сам принимаю решение. А если головным поставить его, то мы и восьми часов не протянем, это было ясно. Даже если уцелеют наши машины, у нас сдадут нервы...

Джек Стоун оторвал взгляд от алюминиевых пластин, на которых были нанесены фотосхемы.

— Еще сотня миль, и мы выйдем на хорошую местность, — сказал он. — Может быть, там мы дня за два наверстаем отставание.

Майор согласился с ним, но Макиверс не мог скрыть своего нетерпения. Он все косился на Солнце, будто у него с ним были личные счeты, и тяжело шагал из угла в угол под алюминиевым навесом.

— Да, это было бы здорово, — пробурчал он, — если только, конечно, мы доберемся туда.

Разговор на этом оборвался, но когда мы сaдились в машины после привала, майор задержал меня на минуту.

— Этот парень просто лопнет от злости, если мы не пойдем побыстрее. Послушай, Питер, я не хочу пускать его го-

ловным, что бы там ни случилось. Но он по-своему прав, нам надо наверстывать время. Не теряй головы и все же будь посмелей, ладно?

– Ладно, попробую, – сказал я.

Микута просил о невозможном и сам понимал это. Мы шли по длинному пологому спуску. Поверхность вокруг нас непрерывно колыхалась, то опадая, то вздыбливаясь, как будто под тонкой корой бушевала расплавленная масса. Склон пересекали огромные трещины, кое-где перекрытые наносами пыли и цинковыми пластинами. Местность походила на колоссальный ледник из камня и металла. Наружная температура достигла плюс 285 градусов по Цельсию и продолжала расти. Неподходящее место, чтобы пускаться во всю прыть...

Но я все же пытался. Я переваливал через трясущиеся «мостики», медленно сползал на плоские цинковые пластины и перебирался на другую сторону. Поначалу это было как будто даже легко, и мы успешно продвигались вперед. Затем мы вышли на ровную гладкую поверхность и прибавили ходу. Но скоро мне пришлось изо всей силы нажать на тормоза и намертво застопорить свой вездеход, подняв густое облако пыли.

Я зарвался. Мы катили по широкой, ровной, серой площадке, с виду надежной, как вдруг уголком глаза я увидел глубокую трещину, которую она перекрывала. Площадка эта оказалась очередным «мостиком», и, когда я остановил машину, он заходил подо мной ходуном.

Макиверс тут же спросил:

– Что там еще случилось, Клэни?

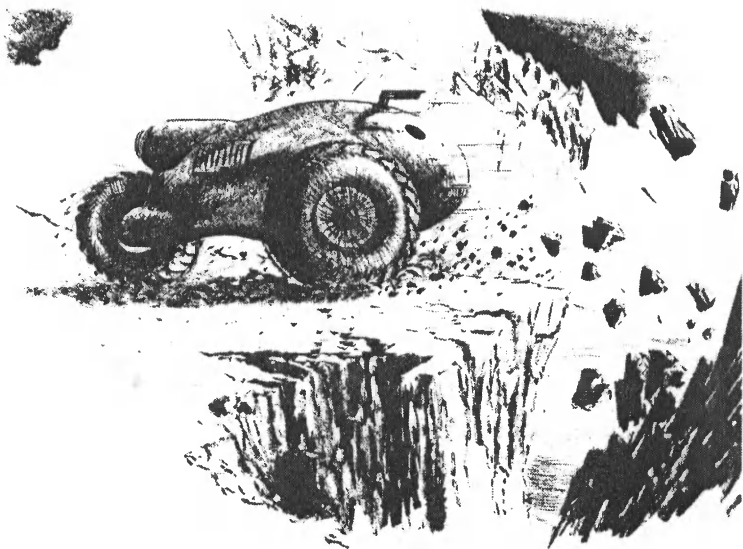
— Задний ход, — заорал я. — Это «мост», он обрушится под нами!

— Отсюда он выглядит довольно прочным.

— Не время спорить! Он сейчас рухнет, понял? Давай назад!

Я включил задний ход и начал сходить с площадки. Макиверс выругался, и тут я увидел, что его машина пошла не назад, а вперед, на «мост». Правда, на сей раз не быстро, не беспечно, а, наоборот, осторожно и медленно, вздымая невысокое легкое облачко пыли.

Я смотрел на него и чувствовал, как кровь приливает к голове. Мне стало так жарко, что я едва дышал, глядя, как он прокатил мимо меня и пошел все дальше и дальше...

Теперь мне кажется, я ощутил, как начал рушиться «мост», раньше, чем я это увидел. Внезапно моя машина резко накренилась, на серой плоскости возникла и мгновенно начала расширяться длинная черная трещина. Края плоскости поднялись, и вслед за душераздирающим криком в наушниках послышался грохот падающих обломков скалы и скрежет ломающегося металла — это машина Макиверса, задрав нос, рухнула в образовавшийся провал.

Наверно, с минуту я не мог даже пошевелиться, а только смотрел и смотрел. Из оцепенения меня вывели раздавшийся в наушниках стон Джека и взволнованный крик майора:

– Клэни, что там случилось? Мне ничего не видно!

– Макиверс провалился – вот что случилось! – рявкнул я в ответ.

Только тут я включил передачу и подъехал поближе к свежему краю провала. Передо мной зияла трещина. Машины в ней не было видно, все застилала пыль, вздымавшаяся внизу.

Мы все трое стояли на краю обрыва и пытались разглядеть, что там внизу. Сквозь щиток шлема я увидел лицо Джека Стоуна. Зрелище было не из приятных.

– Вот такие дела... – глухо сказал майор.

– Да, такие дела, – пробормотал я.

Я понимал, какими глазами смотрит на нас Стоун.

– Постойте, – вдруг сказал он. – Мне что-то послышалось.

Он был прав. И мы услышали крик – очень тихий, но его ни с чем нельзя было спутать.

– Мак! – крикнул майор. – Мак, ты меня слышишь?

– Да, да, слышу, – голос его был очень слабый.

– Ты цел?

– Не знаю. Кажется, сломал ногу. Очень... жарко... – Долгая пауза, потом: – Охладитель отказал, наверно...

Майор искоса взглянул на меня, затем, обернувшись к Стоуну, приказал:

– Достань трос со второй волокуши. Мак изжарится живо, если мы его не вытащим. Питер, ты спусти меня вниз. Включи лебедку трактора.

Я спустил майора на тросе. Он пробыл там меньше минуты. Когда я вытянул его наверх, лицо его было искажено гримасой.

– Жив еще, – сказал он, тяжело дыша, – но долго не протянет...

Он заколебался, но только на одно мгновение, и продолжал:

– Мы обязаны попытаться.

– Мне не нравится этот свес над провалом, – сказал я, – он уже дважды покачнулся с тех пор, как я отошел. Может, лучше податься назад и оттуда спустить ему трос?

– Не годится. Машина разбита, а он внутри. Нужны фонари. Мне потребуется помощь одного из вас. Питер, давай лучше ты.

– Погодите, – вмешался Стоун. Лицо у него было белое-белое. – Разрешите мне.

– Питер легче.

– Я тоже не очень тяжел. Позвольте мне с вами...

– Ладно, раз уж ты сам просишь, – и майор кинул ему фонарь. – Питер, проверь, крепки ли петли, и спускай нас помедленнее. Если заметишь что-нибудь неладное с этим свесом, – ты понял? – считай себя свободным и давай мигом задний ход отсюда. Он может рухнуть в один момент.

Я мотнул головой.

– Желаю удачи.

Они опустились через край свеса. Я медленно, полегоньку травил трос, пока на глубине двухсот футов он не дал слабину.

– Ну, как там? – крикнул я.

– Плохо, – ответил майор. – Весь этот край трещины вот-вот обрушится. Потрави трос еще немного.

Минута тянулась за минутой, но снизу не доносилось ни

звука. Я пытался немного успокоиться, но не мог. И вдруг грунт подо мной заходил, трактор резко накренился набок.

– Питер, все рушится, тащи нас и давай назад! – закричал снизу майор.

Я воткнул передачу заднего хода, трактор попятился и скатился со свеса, таща за собой трос.

И тут трос оборвался. Обрывок его взвился вверх и свернулся спиралью, как лопнувшая часовая пружина. Поверхность подо мной тряслась, содрогалась, плотными серыми облаками вздымался пепел. Потом весь свес покосился, скользнул вбок и, задержавшись в таком положении на какие-то доли секунды, с грохотом обрушился в трещину, увлекая за собой и часть ближайшей ко мне боковой стены. Я остановил трактор. Из глубины трещины взметнулись тучи пыли и языки пламени.

Погибли все трое – Макиверс, майор, Джек Стоун, – погибли, погребенные под тысячетонным слоем скальных обломков, цинка и расплавленного свинца. Их костей уж никому никогда не отыскать...

Питер Клэни откинулся на спинку кресла, допил свой бокал и, потирая ладонью изуродованное шрамами лицо, взглянул на Бэрона.

Рука Бэрона, конвульсивно сжимавшая подлокотник кресла, медленно разжалась.

– А вы вернулись, – сказал он.

– А я вернулся. У меня остался трактор с волокушами. Семь дней я шел назад под этим желтым Солнцем. Хватило времени подумать обо всем.

– Вы взяли с собой неподходящего человека, – сказал Бэрн. – В этом была ваша ошибка. Без него вы бы прошли...

– Никогда, – Клэни решительно замотал головой. – В первый день я тоже так думал – все случилось из-за Макиверса, он во всем виноват. Но это неправда. Он был смел, отважен, дерзок...

– А рассудительности не хватало!

– Хватало, да еще как! Мы действительно обязаны были соблюдать график, даже если это грозило нам гибелью, потому что срыв графика, безусловно, погубил бы нас.

– Да, но с таким человеком...

– Такой человек был просто необходим, неужели вы не понимаете? Нас погубило Солнце и еще эта поверхность. Пожалуй, мы обрекли себя на гибель уже в тот день, когда начали этот поход, – Клэни перегнулся через стол, глядя на Бэрона чуть ли не умоляюще. – Мы этого не понимали, но так было, было. Есть места, куда человек не может проникнуть, бывают условия, которых ему не выдержать. Тем суждено было погибнуть, чтобы узнать это. Мне повезло, я вернулся. И я пытаюсь внушить вам то, что я понял там, – ни один человек никогда не пройдет через Солнечную сторону.

– Мы пройдем, – сказал Бэрн. – Это не будет увеселительной прогулкой, но мы пройдем.

– Ну ладно, предположим, пройдете, – неожиданно согласился Клэни. – Предположим, я ошибаюсь, и вы пройдете. Что дальше?

– А дальше – Солнце, – ответил Бэрн.

Клэни медленно закивал головой.

– Ну да, конечно, Солнце, что же еще... – Он рассмеялся. – Всего доброго, Бэрон. Приятно поболтали, и все такое. Спасибо за внимание.

Он поднялся, собираясь уйти, но Бэрон схватил его за руку.

– Еще один вопрос, Клэни. Зачем вы пришли ко мне?

– Хотел отговорить вас от самоубийства, – ответил Клэни.

– Лжете, Клэни, – сказал Бэрон.

Клэни долго смотрел на него в упор. Потом снова плюхнулся в кресло. В его бледно-голубых глазах можно было прочесть и поражение и что-то еще, совсем иное.

– Ну?

Питер Клэни беспомощно развел руками.

– Когда вы выступаете, Бэрон? Возьмите меня с собой...

ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ

Дневник Эми Бэллэнтайн, отрывки из которого мы публикуем, никогда не был написан. Отчет о событиях и впечатлениях хранился в ее памяти в упорядоченном виде около девяти лет (она затрудняется сказать, когда начала вести его). Важно понимать, что доля неточности в публикации, предпринятой нами, неизбежна.

Вторник, 16 мая. Сегодня, около двух часов, вернулся из Бостона Лэмбертсон. Он выглядел уставшим; кажется, я никогда еще его таким не видела. Но это была не просто усталость. Может быть, злость, последствия нервного срыва? Трудно сказать. Больше всего это было похоже на поражение. Выйдя из вертолета, он сразу же пошел в свой офис, даже не заглянув в лабораторию.

И все-таки хорошо, что он вернулся! Пока его не было, я успела перевести дух. Когда Лэмбертсон уехал, его заменил Дейкин, но его, бедняжку, нельзя принимать всерьез. Так иногда хотелось поддеть его и посадить в лужу. Целую неделю я почти ничего не делала. Но вот Лэмбертсон вернулся. Он выжмет из меня все соки, но я все равно рада. Никогда бы не подумала, что так буду скучать без него.

Сейчас Лэмбертсону следует отдохнуть, если он вообще отдыхает! А мне, главное, узнать, зачем он ездил в Бостон. Причем, ездил он явно не по своему желанию.

Я хотела считать с него всю информацию, но подумала, что его это разозлит. Лэмбертсон не желал разговаривать. Он даже не сказал мне, что вернулся, хотя знал, что я засекла его на дороге еще за пять миль. (Я уже могу это делать благодаря Лэмбертсону. Расстояние для меня ничего не значит, если я о нем не думаю.)

Но все же мне удалось снять какие-то обрывки мыслей с поверхности его сознания. Что-то обо мне, о докторе Кастере и об этом противном коротышке Эронсе, или Бэронсе, или еще как. Не могу вспомнить, но я о нем уже слыхала. Надо покопаться.

Но если он видел доктора Кастера, почему мне об этом не говорит?

Среда, 17 мая. Это был тот самый Эронс, которого я видела в Бостоне. Теперь мне ясно: произошло что-то неладное. Я знаю этого человека. Я запомнила его давно, еще в Бердсли, задолго до того, как попасть в Центр исследований. Он был консультантом по психиатрии, и вряд ли я смогу забыть его, даже если очень захочу!

Вот почему я уверена, что все складывается неважно.

Лэмбертсон встречался и с доктором Кастером, но начальник послал его в Бостон потому, что с ним хотел поговорить Эронс. Я не должна была знать об этом, но вчера вечером Лэмбертсон спустился к ужину. Он даже не посмотрел на меня, подлец. Я поймала его. Я предупредила

его, что собираюсь подсмотреть, а потом мигом считала его, пока он не перескочил на бостонское движение. (Он знает, что я терпеть не могу машин.)

Я уловила немного, но вполне достаточно. Было что-то очень неприятное в словах Эронса, но что именно, я не поняла. Они были в его офисе. Лэмбертсон сказал:

– Я не думаю, что она к этому готова, и я не собираюсь ее уговаривать. Почему до всех вас не доходит, что она еще ребенок. И она человек, а не какое-то подопытное животное?

Нет ни малейшего покоя. Каждый только и норовит захватить, а отдавать – кукиш с маслом!

Эронс был невозмутим. Он смотрел печально и укоризненно. Я прекрасно его вижу: невысокий, лысоватый, с маленькими бегающими глазками на самодовольном лице.

– Майкл, ей уже двадцать три года. Она давно выросла из пеленок.

– Но занимаются с ней всего два года. И мало чему ее научили.

– Верно. Но мы не можем рисковать результатом. Будь благодарен, Майкл. Ты отлично поработал с девочкой, все это признают. Возможно, тебя задевает мысль, что с ней будет работать кто-то другой. Но если ты считаешь, что все расходы можно покрыть за счет налогов...

– Я не хочу, чтобы ею пользовались, вот и все. Говорю тебе, я не буду ее заставлять, даже если она согласится. Ее нельзя трогать по меньшей мере еще два года. – Лэмбертсон злился и срывался. Даже сейчас, спустя три дня, он все еще не отошел.

– Ты уверен, что подходишь к вопросу... профессионально?

Что бы Эронс не имел в виду, он поступил подло. Лэмбертсон это понял, и... О господи! Бумаги летят на стол, дверь хлопает, слышны ругательства! И это спокойный, выдержанный Лэмбертсон – можете себе представить? А потом, когда злость схлынула, пришло чувство отвращения и провала. Вот это и поразило меня, когда вчера он вернулся. Он не мог этого скрыть, как ни старался.)

Да, не удивительно, что он устал. Я отлично помню Эронса. Тогда у него не было ко мне никакого интереса. Он называл меня дикаркой. «У нас нет ни времени, ни людей, чтобы содержать ее в государственном учреждении. Она должна содержаться так же, как и любой другой дефективный ребенок. Возможно, она плюс-дефективный ребенок. Возможно, она плюс-дефективная, а не минус, но все равно, такой же инвалид, как слепые и глухие».

Старина Эронс. Это было много лет назад, когда мне только-только исполнилось тринадцать. Еще до того, как доктор Кастер заинтересовался мной, до того, как обследовал меня и сделал офтальмоскопию, до того, как я впервые услышала о Лэмбертсоне и его Центре. Тогда меня только кормили и относились, как к странной зверушке.

Эронсу повезло, что в Бостон поехал Лэмбертсон, не я. А если Эронс приедет поработать со мной, он зря потеряет время. Я такое ему устрою, я так его опозорю, что он сто раз пожалеет, что явился. Но все равно я не понимаю. Неужели я – калека, как говорит Эронс? Разве иметь высшую психику, быть «пси-хай» – ненормально? Я так не думаю.

Но что думает Лэмбертсон? Иногда мне не удается прочитать некоторые мысли Лэмбертсона. Хотелось бы знать, что на самом деле он думает.

Среда, вечером. Сегодня вечером я спросила Лэмбертсона, что сказал доктор Кастер.

— Он хочет встретиться с тобой на следующей неделе. Но, Эми, он ничего не обещает. Он даже не очень надеется.

— Но его письмо! Он сказал, что исследования не показали отклонений в анатомии.

Лэмбертсон откинулся назад, зажег трубку и покачал головой. За эту неделю он постарел лет на десять. Все так говорят. Он похудел и выглядит, будто вообще не спит.

— Кастер опасается, что дело не в анатомии.

— Тогда в чем?

— Он не знает. Это не вполне научно, но, возможно, ты теряешь то, чем не пользуешься.

— Глупость какая. — Я пожевала губу.

— Может быть.

— Он считает, что шансов нет?

— Разумеется, есть. Ты же знаешь, он делает все, что в его силах. Просто никто не хочет вселять в тебя ложные надежды.

Немного, но уже что-то. Лэмбертсон выглядел разбитым. У меня не хватило совести спросить его, чего хотел Эронс. Хотя я знала, что Лэмбертсону требуется облегчить душу. Завтра, наверное, будет удобнее.

День я провела в лаборатории с Чарли Дэйкином и для разнообразия немного поработала. Я ленилась по-свински,

а бедный Чарли решил, что это его вина. Девяносто процентов времени я могу читать его, как с листа, и боюсь, он об этом догадывается. Я могу точно видеть, когда он перестает думать о деле и начинает думать обо мне. Вдруг до него доходит, что я его читаю, и потом он переживает весь день. Интересно – почему? Неужели он думает, что меня это шокирует? Или удивляет? Или оскорбляет? Бедный Чарли!

Подозреваю, что я довольно привлекательна. Я вижу это в каждом мужчине, который проходит мимо. Интересно – почему? То есть, почему я, а не Марджери из Главного управления? Она симпатичная девушка, но на нее никто не оборачивается. Есть, наверное, какая-то тонкость, которую я упускаю и вряд ли когда-нибудь пойму.

Я не собираюсь давить на Лэмбертсона – надеюсь, завтра он сам все расскажет. Но он не на шутку меня пугает. Здесь у него большой авторитет, но расходы оплачивают другие. Поэтому, если он чего-то боится, я тоже начинаю бояться.

Четверг, 18 мая. Сегодня мы с Лэмбертсоном ходили в лабораторию проводить испытания на реакцию. Эта программа почти закончена – так же как остальные, над которыми я работаю, но это не слишком много. У эксперимента было две цели: измерить время моей стимул-реакции и сравнить его с нормой; точно определить, в какой момент я улавливаю мыслительный импульс от человека, на которого направлена. Дело здесь не в тренировке скорости. Я реагирую уже так быстро, что это больше никого не удивляет, и здесь мне развивать ничего не нужно. Но в какой именно

точке процесса я ловлю импульс? В самом начале, когда мысль только формулируется? Или когда этот процесс закончен? Лэмбертсон думает, что в самом начале. Он считает, что в этом направлении стоит поработать.

Разумеется, мы ничего не добились даже с хитроумным устройством случайного выбора, которое Дейкин изобрел специально для программы. Ни мне, ни Лэмбертсону не было известно, какой импульс пошлет эта коробочка. Он просто нажимал кнопку, и импульс возникал. Лэмбертсон воспринимал его и реагировал. Я воспринимала от него и реагировала, а потом мы сверяли время реакции. Сегодня эта штука задала нам жару. Впечатление, будто пришлось протащить на себе десятитонный грузовик. Конечно, я реагировала быстрее Лэмбертсона – на две секунды, но время наших реакций стандартизировано, поэтому, когда мы скорректировали мое опережение, оказалось, что я ловлю импульс приблизительно через 0,07 секунды после него.

Грубо, конечно, и недостаточно быстро, но мы не можем работать по-другому. Лэмбертсон говорит, что это наибольшее приближение, возможное без исследования коры головного мозга. Но здесь я стою на своем. Может быть, внутри моя голова и впрямь из чистого золота, но я никому не позволю буравить череп, чтобы пощупать мой мозг. Ну уж нет!

Впрочем, это звучит так, будто Лэмбертсон пытается меня принудить. Вовсе нет. Я прочитала его мысли и знаю, что он этого не позволит. «Давай сначала изучим все, что можно изучить без этого, – говорит он. – Позже, если ты сама захочешь, мы сделаем это. Но пока ты еще не в состоянии принимать самостоятельные решения».

Наверное, он прав. Только почему же не в состоянии? Почему он обращается со мной, как с ребенком? Разве я ребенок? Разве всего того, что усвоил мой мозг за двадцать три года, недостаточно, чтобы принимать решения? Лэмбертсон говорит: «Да, конечно, ты все усваиваешь, но ты не знаешь, что с этим делать». Со временем, надеюсь, я разберусь.

Бывают моменты, когда я ничего не понимаю, а возможный ответ меня пугает. Я не знаю, куда все катится. Хуже того — я не знаю, до чего это докатится сейчас. Как велика разница между нашими сознаниями: моим и Лэмбертсона? Я — «пси-хай», а он нет. Но только ли в этом дело? Люди вроде Эронса считают, что не только. Они считают, что дело в слишком разных способностях: с одной стороны они человеческие, с другой — какие-то иные.

Это пугает меня, потому что это неправда. Я такой же человек, как все. Но получается, что я должна это доказывать. Не знаю, смогу ли я. Вот поэтому доктор Кастер и должен мне помочь. Все зависит от него. На следующей неделе я должна быть в Бостоне на последнем этапе обследований и испытаний.

Если доктор Кастер получит нужные результаты, все может измениться. Может быть, я выберусь из этого жуткого водоворота и забуду все как страшный сон. Но пока я «пси-хай», и нормальная жизнь мне не грозит.

Пятница, 19 мая. Сегодня Лэмбертсон, наконец-то, сказал, что ему предлагал Эронс. Все оказалось хуже, чем я ожидала. Он настаивал на том, чего я уже давно боюсь.

— Он хочет, чтобы ты работала над улучшением человека, — сказал Лэмбертсон. — Его заклонило на гипотезе латентности. Он считает, что в каждом человеке есть скрытый пси-потенциал, а чтобы вытащить его наружу, необходим мощный стимул от того, кто обладает этим потенциалом в полной мере.

— Да, — сказала я. — Вы тоже так думаете?

— Кто знает? — Лэмбертсон со злостью стукнул карандашом по столу. — Нет, я так не думаю, но какая разница. Никакой! Ведь это не значит, что я прав. Никто не знает ответа — ни я, ни Эронс, никто другой. И Эронс хочет найти ответ с твоей помощью.

Я медленно кивнула:

— Понятно. Значит, меня хотят использовать как совершенный электростимулятор. Догадываюсь, что вы ответите Эронсу.

Он молчал, и я не могла его прочесть. Затем он посмотрел на меня:

— Эми, я не уверен, что мы можем ответить ему именно так.

Я уставилась на него:

— Вы хотите сказать, что он может меня заставить?

— Он говорит, что ты находишься на содержании у государства. Оно обеспечивает тебя всем необходимым, заботится о тебе, а следовательно, имеет право пользоваться твоими способностями. Ты нуждаешься в опеке и защите. Ты и сама знаешь, что за этими стенами тебе не выжить.

Я остолбенела:

— Но доктор Кастер...

– Доктор Кастер пытается помочь. К сожалению, у него не все получается. Если получится – тогда другой разговор. Но я не могу без конца отбиваться, Эми. У Эронса мощные аргументы. Ты – «пси-хай». Такой совершенной, открытой, пластичной психической организации еще не встречалось. Ты первая. Раньше у некоторых обнаруживали способности, но они не умели ими управлять. А ты умеешь, и на высочайшем уровне. Ты есть, и ты – единственная.

– Но со мной произошло несчастье, – возразила я. – У меня смешались гены.

– Тебе отлично известно, что это не так. Мы знаем твои хромосомы лучше, чем твое лицо. Они такие же, как у всех. Нет никаких оснований предполагать, что у твоих детей пси-потенциал будет больше, чем, например, у Чарли Дейкина. Когда ты умрешь, все кончится.

Какая-то волна поднималась во мне, и я не могла больше сдерживаться.

– Вы считаете, что я должна работать на Эронса? – подавленно спросила я.

Он колебался.

– Боюсь, тебе придется. Рано или поздно. У Эронса есть несколько кандидатов в Бостоне. Он уверен, что они латенты. Он уже переговорил с нашим директором. Он убедил их, что ты сможешь работать с его людьми, развивать их, что ты сможешь открыть дорогу в мир нового человека.

Терпение мое лопнуло. Дело не в Эронсе, не в Лэмбертсоне, не в Дейкине, вообще не в ком. Дело во всех них, целой толпе, растущей из года в год.

– А теперь послушайте меня, – сказала я. – Кто-нибудь

из вас хоть раз поинтересовался, чего хочу я? Хотя бы раз, когда вы отдыхали от великих забот о человечестве, такая мысль приходила вам в голову? Кто-нибудь задумался о том, что со мной происходит, с тех пор как все началось? А не мешало бы подумать. И немедленно!

– Эми, ты знаешь, я не хочу давить на тебя.

– Послушайте, Лэмбертсон. Мои родители избавились от меня, когда поняли, что я не такая, как все. Вы знали об этом? Они ненавидели меня, потому что я их пугала! Меня это не шибко расстраивало – мне казалось, я знаю, из-за чего они меня ненавидят. Я даже не плакала, когда уезжала в Бердсли. Они собирались навещать меня каждую неделю, и знаете, сколько раз они удосужились приехать? Ни разу! А в Бердсли Эронс обследовал меня и сделал заключение, что я калека. Тогда он ничего обо мне не знал и решил, что «пси» – это дефект. С этого все и началось. В Бердсли я делала то, что требовал от меня Эронс. И никогда того, что хотела сама. А потом появились вы. Я переехала в Центр и стала делать то, чего хотели вы.

Я понимала, что обижаю его. У меня даже не было такой цели – обидеть его, обидеть всех.

Он качал головой, не отрывая от меня взгляда:

– Эми, будь справедлива. Я старался. Ты знаешь, как я старался.

– Старались – что? Развить меня? Верно, но зачем? Научить пользоваться своими способностями? Да, но зачем? Разве вы это делали для меня? Неужели? Или это была такая хитрость, как и все остальное, чтобы сделать меня удобнее в обращении?

Он дал мне такую пощечину, что меня отбросило. Я видела ужасную боль и обиду в его глазах и чувствовала, что его ладонь горит не меньше, чем моя щека. А потом что-то перевернулось в его мозгу, и я увидела такое, чего раньше даже не замечала.

Этот человек любил меня. Невероятно, не правда ли? Он любил меня. Меня, которая звала его исключительно Лэмбертсон, которая не могла представить себя говорящей «Майкл» и тем более «Майк». Только «Лэмбертсон».

Но он никогда мне этого не скажет. Он так решил. Я слишком беспомощна. Я слишком в нем нуждалась. Я нуждалась в любви, но не в той, которую Лэмбертсон мог мне дать, — и поэтому его любовь следовало спрятать, скрыть, подавить. Я нуждалась в самом глубоком понимании, но оно должно быть абсолютно бескорыстным, иначе я не раскроюсь. И поэтому должна быть стена — стена, за которую я никогда не проникну и которую он сам не сможет разрушить.

Лэмбертсон сделал это. Для меня. И все это открылось — так неожиданно, что у меня перехватило дыхание. Мне хотелось броситься ему на шею, но вместо этого я опустилась на стул, безнадежно качая головой. Я ненавидела себя, как никогда в жизни.

— Если б только я могла уйти, — сказала я. — Туда, где меня никто не знает, где я могу побыть одна, закрыть двери, ни о чем не думать и представить, просто представить, что я совершенно нормальна.

— Я понимаю тебя, — сказал Лэмбертсон. — Но тебе нельзя, сама знаешь. Если только Кастер действительно поможет.

Мы посидели еще немного. Потом я сказала:

– Пусть Эронс приезжает. Пусть привозит, кого хочет. Я буду делать все, что ему нужно. До встречи с Кастером.

Это тоже было тяжело, но иначе. Это затрагивало нас обоих, а не каждого в отдельности. И почему-то сейчас было уже не так обидно.

Понедельник, 22 мая. Сегодня утром из Бостона приехал Эронс с девушкой по имени Мэри Боултон, и мы приступили к работе.

Кажется, я начинаю понимать, каким образом собака чувствует, когда кто-то хочет пнуть ее ногой, но не решается. У меня запекло в затылке, когда этот человек вошел в зал совещаний. Я надеялась, что он изменился со времени нашей последней встречи. Но оказалось, что это изменилась я, а не он. Я больше не боялась его; он только утомил меня за десять минут своего присутствия.

Но девушка! Интересно, что он ей наплел? На вид ей было не больше шестнадцати, и она была ужасно напугана. Сначала я подумала, что она боится Эронса, но ошиблась. Она боялась меня.

Все утро я пыталась найти к ней подход. Бедная девочка едва шевелила языком. Она вся дрожала, когда они приехали. Мы прогулялись с ней по парку, и мало-помалу я начала проникать в нее, прикасаясь к зоне внушения, чтобы успокоить. Вскоре она уже улыбалась. Она сказала, что ей нравится лагуна, и когда мы шли к центральному корпусу, она смеялась, рассказывала о себе, постепенно раскрепощаясь.

И тогда я дала ей полный заряд – быстро, на секунду-другую.

– Не бойся. Я ненавижу его, но тебе не причиню зла. Дай мне войти, не сопротивляйся. Мы должны работать, как одна команда.

Это потрясло ее. Она побелела и чуть не грохнулась. Затем она медленно кивнула.

– Понятно, – сказала она. – Это где-то внутри глубоко.

– Правильно. Это не повредит тебе. Я обещаю.

Она снова кивнула:

– Пойдем скорее. Мне кажется, я могу попробовать.

Мы принялись за работу.

Сначала я ничего не видела – так же, как и она. Сначала ничего не было – ни проблеска, ни просвета. Уходя глубже, я нащупала что-то, но только намек, только обещание чего-то сильного, глубокого и скрытого. Но где? В чем ее сила? Где ее слабое место? Я не могла понять.

Мы начали с игральных костей. Грубый метод, конечно, но не хуже других. Кости – не измерительный прибор, но для этого здесь была я: я была измерительным прибором. Кости были только объектами. Два довольно чувствительных бальзамовых кубика, выпрыгивающих из коробки, преодолевая гравитацию. Сначала я ей показала. Затем, когда кость выпрыгнула, поймала ее и довела до конца.

– Бери по одному, сначала красный. Поработай с ним, вот так. Теперь попробуй оба. Еще раз, внимательней. Вот теперь хорошо.

Она сидела, не шевелясь. Она старалась; капельки пота заблестели у нее на лбу. Эронс нервничал, курил и сжимал

кулаки, наблюдая за красным и зеленым кубиками, скакавшими на белом фоне. Лэмбертсон тоже следил, но за де-вушкой, а не за кубиками.

Это была тяжелая работа. Постепенно она начала схватывать; в ее мозгу что-то забрезжило. Я попыталась это усилить, подтащить к выходу. Похоже на то, будто идешь по колено в грязи – липкой, скользкой, вязкой. Я чувствовала, что она все больше увлекается, и понемногу начала оставлять ее одну.

– Хорошо, – сказала я. – Достаточно.

Она повернулась ко мне с восторгом в глазах:

– У меня... у меня получилось.

Эронс поднялся, тяжело дыша:

– Сработало?

– Сработало. Не очень ясно, но что-то есть. Все, что ей необходимо, – это время, помощь и терпение.

– Но ведь сработало! Лэмбертсон! Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что я был прав! Это значит, что другие тоже могут так же, как она! – Он потер руки. – Нужно устроить здесь рабочую лабораторию и заниматься с тремя-четырьмя кандидатами одновременно. Блестящая перспектива, Майкл! Неужели ты не понимаешь, что это значит?

Лэмбертсон кивнул и пристально посмотрел на меня:

– Да, понимаю.

– Я завтра же займусь приготовлениями.

– Только не завтра. Тебе придется подождать до следующей недели.

– Почему?

– Потому что так хочет Эми.

Эронс раздраженно смотрел то на него, то на меня. Наконец он пожал плечами:

– Если вы настаиваете.

– Мы поговорим об этом на следующей неделе, – сказала я.

Я так устала, что даже смотреть на него мне было трудно. Я встала и улыбнулась моей девочке. «Бедный ребенок, – подумала я. – Так довольна, и так этому радуется. Ни малейшего понятия, во что ее впутывают».

Эронс, разумеется, ей никогда этого не скажет.

Когда они ушли, мы с Лэмбертсоном прогулялись у лагуны. Был тихий прохладный вечер, у берега возились утки.

Каждый год утка приходила сюда со своими выводками и подводила утят к воде. Они никак не хотели следовать за ней, и тогда она сердилась и щелкала клювом, то и дело возвращаясь назад, чтобы подтолкнуть какого-нибудь лентяя.

Мы долго стояли у берега и молчали. Лэмбертсон поцеловал меня. Это был наш первый поцелуй.

– Мы можем сбежать отсюда, – прошептала я ему на ухо. – Мы можем сбежать от Эронса, от Центра, от всех – куда глаза глядят.

Он покачал головой:

– Не надо, Эми.

– Мы можем! Я встречусь с доктором Кастером, и он скажет, что все хорошо; я знаю, что он это скажет. Мне

больше не нужен будет Центр, и никто мне не будет нужен, кроме тебя!

Он не отвечал. Но я знала, что он и не мог ничего ответить.

Пятница, 26 мая. Вчера мы ездили в Бостон к доктору Кастеру. Кажется, все кончено. Теперь я даже не могу вообразить, что еще можно сделать.

На следующей неделе приезжает Эронс, и я буду работать с ним по плану, который он разработал. Он считает, что нам предстоит три года работы, прежде чем можно будет что-либо опубликовать, то есть когда мы будем уверены в полном развитии пси-потенциала у латентов. Может быть — мне все равно. Возможно, за три года я смогу увлечься. Смогу, наверное, — все равно мне больше ничего не остается.

Анатомических нарушений у меня нет — доктор Кастер был прав. «Отличные глаза, красивые серые глаза, — говорит он, — зрительные и слуховые нервы в полном порядке. Нарушение не здесь. Оно глубже. Так глубоко, что уже ничего не исправишь».

«Ты теряешь то, чем не пользуешься», — вот что сказал он, извиняясь за грубость формулировки. На мне это как клеймо. Давным-давно, когда я еще ничего не знала, «пси» было настолько сильным, что начало компенсировать себя, вбирая опыт чужих восприятий, — такая копилка богатых, ясных, оформленных впечатлений, с которой не было необходимости получать свои. И поэтому кое-что осталось во мне, как крючки, на которые ничего не ловится. Теория, конечно, но иначе не объяснить.

Но разве не права я в том, что все это я ненавижу? Больше всего я хочу увидеть Лэмбертсона, увидеть, как он улыбается и раскуривает трубку, услышать его смех. Я хочу знать, что такое на самом деле цвет, как на самом деле звучит музыка, не пропущенная через чьи-то уши.

Я хочу увидеть закат, хотя бы раз. Хотя бы раз я хочу увидеть, как утка ведет своих утят к воде. Вместо этого я вижу и слышу то, что не дано никому другому, и тот факт, что я слепая и глухая, как пень, не имеет никакого значения. В конце концов, я всегда была такой.

Может быть, на следующей неделе я спрошу Эронса, что он об этом думает.

Интересно будет узнать, что он скажет.

ХОЛЩОВЫЙ МЕШОК

Телефон зазвонил как раз в тот миг, когда Джо Бейкер сел в ванну. Он выругался и, разбрызгивая воду, помчался в развевающемся купальном халате к своей небольшой, убого обставленной комнате, которая находилась в самом конце коридора, и сорвал с этого треклятого аппарата трубку. У его уха колокольчиком зазвенел голос Дженни; раздражение как рукой сняло, но от дурного предчувствия дважды сильно стукнуло сердце.

— Что-нибудь случилось?

— Да ничего особенного. — В голосе Дженни слышалась искренняя теплота. — Просто придется задержаться на работе, вот и все. На час или чуть дольше — пока не знаю. Френки вбил себе в голову, что именно сегодня вечером необходимо закончить инвентаризацию.

— Тогда, значит, в девять? Я тебя там встречу.

— Идет. К этому времени мы должны все закончить, да и я проголодаюсь.

— Вот и гульнем — сегодня нам сам черт не помеха.

Когда он повесил трубку, в ушах еще две-три секунды звучал смех Дженни. Прищурившись, Джо с неприязнью оглядел свою комнату. Надо как-то убить этот лишний час...

Из окна был виден весь город. Какое-то время Джо разглядывал его, потом отвернулся и позволил мыслям уплыть в недалекое прошлое, восстанавливая в памяти первое впечатление от городка, которое сложилось в тот день, когда шесть недель назад он на ходу соскочил здесь с товарного поезда.

«Паршивый, замусоренный городишко, – сразу подумал он. – Годится только на то, чтобы разок переночевать, а поутру топать дальше. Да и приезжих здесь наверняка недолюбливают». Это был обычный ход его мыслей: как правило, он думал почти одно и то же, когда попадал в какой-нибудь городок Среднего Запада с его пыльными улицами и грязными каркасными домами. Даже закусочная, где Джо, сев за столик, принялся расшифровывать отпечатанное на гектографе меню, едва ли отличалась от подобных заведений в других, похожих на этот городках. И именно тогда, выйдя из-за прилавка, к нему подошла девушка. Он поднял глаза и увидел Дженни.

Джо коротко рассмеялся и вытащил из ящика комода чистое белье. Накрахмаленная рубашка всегда была для него орудием пытки, но он мужественно натянул ее, улыбаясь своему отражению в зеркале. Сколько же событий произошло за эти шесть коротких недель! Как быстро изменилось его представление о маленьких городках, о людях, вообще обо всем. За всю свою жизнь он ни одной женщине не предложил выйти за него замуж. А этим вечером он делает Дженни предложение.

Но при мысли о женитьбе им овладело какое-то странное чувство.

Взгляд Джо упал на небольшой синий холщовый мешок, лежавший на полу в углу комнаты.

Джо подмигнул мешку. А мешок – ему. Джо нервно рассмеялся и поддал мешок ногой. Тот скользнул по полу.

– Прощай, мешок, – весело сказал Джо. – Больше ты мне не понадобится. Мы завязали со скитаниями.

Джо встретил Дженни, когда она выходила из рестораника Френки. Для девушки, которая весь вечер занималась инвентаризацией, она выглядела на удивление цветущей и свежей. Дженни принадлежала к тому редкому типу женщин, которые, как кажется со стороны, обладают неисчерпаемым запасом энергии и от усталости лишь хорошеют. Она была стройная, темноволосая, с большими серыми глазами на худеньком, изящно очерченном лице. Завернув за угол, они направились к ее старенькой двухместной машине.

Джо легко скользнул за руль.

– Поужинаем в «Ложке»? – спросила Дженни.

– В «Ложке»? Ну нет, только не сегодня. В этот вечер, детка, все должно быть на высшем уровне. – Он наклонился и поцеловал ее в нос. – Знаешь ресторан на мысу у излучины реки? Там сулят бифштексы толщиной в дюйм и танцы на веранде. Сегодня у нас с тобой праздник.

– Но это жутко дорогой ресторан!

– А мы вот будем там есть, пить и веселиться.

В ее серых глазах промелькнуло беспокойство.

– Ты не... не собрался ли снова в дорогу, Джо?

Он улыбнулся.

– О нет. Этим и не пахнет. Напротив, я подумываю о том, не пора ли мне завязать с бродяжничеством.

Лицо ее прояснилось.

– Тогда у нас и в самом деле есть что отпраздновать.

Когда они приехали в ресторан, в зале было уже полно посетителей, однако официант нашел для них столик на двоих с видом на реку.

Как же много он потерял за все эти годы странствий, ко-
чуя из одного городка в другой, всегда неудовлетворенный,
всегда готовый сорваться с места и брести дальше. Он ждал
много-много лет и теперь почувствовал, что это бесконечно
долгое ожидание полностью себя оправдало.

– У меня есть тайна, Дженни, – прошептал он.

– Только мне ее не рассказывай, – тоже шепотом попро-
сила она.

– Почему?

– Потому что тогда это перестанет быть тайной, разве
нет?

– Но есть ведь тайны, которые лучше знать двоим, для
одного от таких тайн мало проку. – Его губы приблизились
к ее уху. – Я люблю тебя, Дженни. Ты это знаешь?

Она кивнула.

– И я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Ему показалось, что ее руки на мгновение напряглись,
и, когда она подняла лицо, в глазах были настороженность
и тревога.

– Ты в этом уверен? – спросила она.

– Как ты думаешь, стал бы я просить выйти за меня за-
муж, не обмозговав все, что с этим связано?

В его голосе послышалась какая-то растерянность, и он
нахмурился. Внутри его точно свело холодом, он ощутил

странную боль, какой никогда раньше не испытывал.

— Не спорю, я долго шатался по свету, но ведь приходит время, когда человек устает кочевать с места на место в поисках работы. Рано или поздно он встречается такую девушку, как ты, и все его скитания начинают казаться ему глупейшей затеей. — Он говорил, то и дело запинаясь: нужные слова почему-то словно застревали в горле, а холод в груди усилился. — Видишь ли, Дженни, жизнь у бродяги суровая, на дороге не встретишь ни дружбы, ни доброго отношения, ни радости. Кому она нужна, такая жизнь? Почему мне вдруг захочется начать ее сызнова?

Джо умолк, осознав, что говорит все громче и громче. Он испуганно взглянул на Дженни.

Она сидела, не отрывая взгляда от клетчатой скатерти. Но немного погодя посмотрела ему прямо в глаза.

— Я хочу, Джо, чтобы ты сказал мне кое-что, — ровным голосом произнесла она. — Я хочу, чтобы ты сказал... сколько тебе лет.

Джо изумленно уставился на нее и медленно опустил на стол свой стакан. В голове точно рассыпалась барабанная дробь — возник непереносимый оглушающий звук, от которого его пронял озноб.

— Ну мне... этак около тридцати, — неуверенно протянул он, наморщив лоб. — Или побольше — года тридцать два. — Он растерянно взглянул на нее. — Что-то вроде этого, точно не знаю.

— А разве ты не можешь вспомнить, Джо? — Она глядела на него в упор, широко раскрыв глаза.

— Ясное дело, могу! Вот в феврале у меня был день рож-

дения. — Барабанная дробь в ушах зазвучала громче. — Хотя нет, это был день рождения Пита Хоуэра. Мы с ним подрабатывали в порту. Чудной парень этот Пит. Он...

— Джо, прошу тебя!

У него по спине забегали мурашки. Он почувствовал себя так, словно, оглянувшись через плечо, вдруг увидел позади разверзшуюся глубокую пропасть.

— Дженни, я не могу ничего вспомнить!

— О Джо, подумай еще! Это очень важно! — Голос девушки дрожал, казалось, она вот-вот заплачет. — Думай, Джо. Мысленно вернись туда, откуда ты приехал в наш город, а потом постарайся вспомнить, где был до этого. Вот... вот возьми листок бумаги и все запиши.

Он с тупой покорностью достал карандаш. Барабанная дробь, от которой раскалывалась голова, постепенно начала уступать место воспоминаниям о каких-то совершенно неправдоподобных событиях.

— Я... я полтора месяца назад приехал сюда из Фарго, — запинаясь, проговорил он. — Вскочил на ходу в товарный вагон: ввязался на станции в драку с полицейским — хотели зацапать меня за бродяжничество, пришлось уносить ноги. А перед Фарго какое-то время жил в Бейтауне.

— Долго ли?

— Месяца два. Я пробирался на Восток, а в Бейтауне решил на короткий срок наняться в докеры.

— А где ты был до Бейтауна?

— В Санта-Монике. Работал водителем такси. Хозяин заставлял гонять с утра до ночи. Чуть не погиб. Это отбило у меня охоту оставаться на Западном побережье. А туда я по-

пал из Сан-Диего, куда приплыл на грузовом судне, которое шло через Панамский канал из Веракруса. А перед этим была война.

И тут страшная мысль пронзила мозг Джо Бейкера. Чей-то голос злобно прокричал ему в уши: *«А какая война, Джо? Какая война? Их столько было...»*

Внезапно с ужасающей быстротой он все вспомнил. Его сознание прояснилось, очистившись от вязкого тумана. Катюшка памяти завертелась, унося его все дальше и дальше назад, в прошлое, и лицо его стало белым как мел.

Высадка на побережье Франции и бегство в Арденнах...

А до этого — работа на лесозаготовках в Канаде...

Еще раньше — долгие годы депрессии, проведенные им в притонах с такими, как он, безработными... И работа, которую он потерял, когда обанкротился его хозяин... И стычка с бостонскими полицейскими. А до этого — утомительный перегон скота через Вайоминг, Колорадо и Оклахому. Сколько он длился? Года четыре? Должно быть, не меньше, если учесть, что он надолго застрял в Денвере...

Точно наяву Джо увидел рядом с собой синий холщовый мешок, опять ощутил то особое волнение, которое испытывал, когда набивал его до отказа, готовый вновь сорваться с места и отправиться неведь куда...

Вдруг он поспешно схватил листок бумаги и карандаш и начал быстро записывать названия мест, где побывал, расстояния между ними, даты, и, по мере того как рос этот список, грудь его все крепче сжимали невидимые тиски.

Блуждание после демобилизации по Европе в начале нового столетия...

Крики и гиканье не знавших пощады кавалеристов, которые атаковали испанцев на Кубе...

Жгучая злоба канзасских фермеров, когда через штат прокладывали железнодорожные линии...

Грохот артиллерийских залпов, резкие щелчки винтовочных выстрелов у Чикамоги...

Все это он вспомнил. Все.

Джо Бейкер откинулся на спинку стула, у него дрожали руки. Поверить в это невозможно, но ведь именно так оно и было. Просто-напросто он раньше никогда об этом не задумывался. Он перебирался из города в город, одну работу менял на другую, пускался в путь, ненадолго где-нибудь останавливался, потом снова куда-то шел или ехал. Он никогда не думал о прошлом, потому что в прошлом у него было полным-полно горя и одиночества, а это не очень-то располагает к воспоминаниям. Ему ни разу не пришло в голову перестать мотаться по свету, поселиться где-нибудь надолго да заодно прикинуть, давно ли он так скитается.

А скитался он уже сто пятьдесят лет.

Джо взглянул на испуганное лицо девушки.

– Ты ведь знала... каким-то образом ты догадалась, что со мной не все ладно...

Она кивнула.

– А мое лицо! – вскричал он. – Мое тело! Разве это возможно? Почему я не дряхлый, усохший старик, почему вообще до сих пор не умер?

– Не знаю.

– Но ведь так не бывает!

Дженни слегка покачала головой.

– За этим кроется кое-что поважнее.
– Объясни.
– Что именно заставляет тебя бродяжничать?
– Клянусь, я этого не знаю.
– Но ты не мог не заметить, сколько прошло времени! – взорвалась она.

Джо отрицательно потряс головой.

– Я ни разу об этом не задумался. Да и к чему? У меня никогда не было ни друзей, ни семьи, никого, кто был бы мне дорог. Для меня ничего не значило ни время суток, ни день недели, ни число. Меня интересовало только, зима на дворе или лето, жарко или холодно, сыт я или голоден. Дженни, неужели это так важно? Ведь я люблю тебя, я хочу покончить со скитаниями, хочу на тебе жениться.

Потом они пошли танцевать, и она едва сдерживала слезы, прижимаясь к нему, точно потерявший родителей ребенок.

– Завтра, Джо... Завтра мы сможем получить нужные документы. О Джо, не покидай меня. Мне так страшно...

– Да будет тебе. Успокойся.

– Но я не могу побороть этот страх. Боюсь, что завтра... Он прижал палец к ее губам.

– Завтра мы получим лицензию. И тут же поженимся. Никогда раньше у меня и в мыслях не было распрощаться со своей бродячей жизнью. А сейчас хочу этого больше всего на свете. И я это сделаю.

На обратном пути в город оба не проронили ни слова.

Когда Джо вернулся к себе, была уже глубокая ночь. Он боялся своей комнаты, боялся одиночества. О если б они

могли немедленно заняться делами, если б им было куда пойти прямо сейчас, пока он чувствовал, что в состоянии совершить этот шаг! Но до завтрашнего дня ничего не предпримешь, и им овладел холодящий душу страх. Он вошел в комнату, быстро включил свет, и сердце сжалось.

Его взгляд упал на синий холщовый мешок.

Мешок был старый, потертый и очень пыльный. Пыль великого множества бесконечно длинных дорог, пересекавших великое множество стран, въелась в волокна ткани, и он казался живым существом, обладавшим своей собственной, ни от кого не зависящей силой, которая таилась в глубине его складок и кожаной отделке. На самом же деле это был самый обыкновенный старомодный дорожный мешок; за долгие годы странствий Джо привязался к этому мешку и испытывал к нему необъяснимую нежность. Мешок с давних пор надежно связывал его с окружающим миром, по которому он бродил, точно привидение. Храня его жалкие пожитки, мешок всегда был рядом, как верный сильный друг.

В мозг ураганным ветром ворвались воспоминания, и зов дороги, и долгие темные ночи под искрящимся звездным одеялом. И вот теперь Джо предстоит с ходу остановиться; он выбросит мешок, завяжет с бродяжничеством, сойдет с дороги, поселится в каком-нибудь доме, будет ежедневно таскаться на работу в каменоломню, что неподалеку от города... А остановись он, ему уже никогда больше не странствовать.

Холод в груди усилился. Джо раздраженно отшвырнул мешок ногой в другой конец комнаты. Что за чертовщина

лезет в голову! Он же ненавидит эти скитания по дорогам. Никогда не вернется к той жизни, тем более что сейчас рядом такая девушка, как Дженни, с которой он навсегда позабудет об одиночестве.

Холод в груди сменился паническим страхом. Дрожа всем телом, Джо пересел на кровать. Он теперь боролся с самим собой, а тем временем чей-то голос шептал ему на ухо:

«Ты должен уйти, Джо, ты не сможешь покончить с бродяжничеством никогда, никогда, никогда... Так беги же немедленно, а то она будет страдать еще больше!»

Он вцепился в боковину кровати с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Но почему – не сможет? Джо напряг память, пытаюсь мысленно заглянуть в далекое прошлое, пытаюсь вспомнить, как все это началось. Ему вдруг показалось, что некая сила толкает, тащит к холщовому мешку, заставляет поскорей запихнуть в него вещи, схватить и броситься бежать что есть мочи назад, на дорогу. Но он ведь не хочет уходить отсюда. Он хочет жениться, обзавестись семьей, домом.

Джо схватился за мешок. Его рука стиснула лямку, и ему показалось, будто мешок куда-то тянет его. Он вскрикнул и бросил мешок на пол. Не помня себя сорвал с рычага трубку, набрал номер Дженни и услышал ее сонный голос.

– Дженни, помоги мне, – прохрипел он. – Умоляю, приежай немедленно. Я не в силах с собой справиться.

Вопреки здравому смыслу он чувствовал, как нечто неведомое навязывает свою волю, нечто, обосновавшееся в самой глубине его существа. Скрипя зубами, он сидел на

краю кровати, а тот голос орал ему в уши все громче и громче:

«Что бы ни случилось, Джо, ты навсегда останешься бродягой и у тебя никогда больше не будет своего дома. Никогда, никогда, никогда!»

Когда она приехала, в комнате уже никого не было. Дженни с трудом подавила слезы, прикрыла дверь и обессиленно прислонилась к стене. Опоздала!

Ее взгляд упал на лежащий на полу белый листок бумаги. Дрожащей рукой она подняла его и сразу же узнала. Коротко вскрикнув, сунула листок в карман и бегом бросилась вниз по лестнице.

На улице было темно и пустынно. Напротив, через дорогу, тускло светился фонарь, а другой, где-то на окраине городка, маячил во мраке, как зловещий желтый гнойник. Дробно стуча каблуками по сухому асфальту, Дженни побежала быстрее и вскоре оказалась у стоявшего в конце улицы освещенного здания.

Сонный кассир недоверчиво взглянул на нее и заморгал глазами.

— Здесь был... здесь был недавно молодой мужчина?

Кассир кивнул:

— Взял билет до Чикаго. Автобус сейчас отправится.

Дженни швырнула деньги в окошко кассы, выхватила у кассира маленький белый билетик и мгновение спустя уже бежала по узкому проходу к большому автобусу, на борту которого было написано: «Чикаго». Спотыкаясь о ступеньки, она поднялась в салон и увидела Джо.

Бледный как смерть, он сидел с закрытыми глазами на одном из задних сидений. Руки его сжимали синий холщовый мешок, тело сотрясала дрожь. Она медленно прошла в конец салона и рухнула рядом с ним на соседнее сиденье.

– О Джо, Джо...

– Дженни, прости меня, я не в состоянии преодолеть это.

– Знаю, Джо.

Он пристально посмотрел на нее, глаза его расширились. Она качнула головой и взяла в ладони его тяжелую руку. Тут он увидел билет.

– Дженни.

– Ш-ш-ш... Не надо об этом.

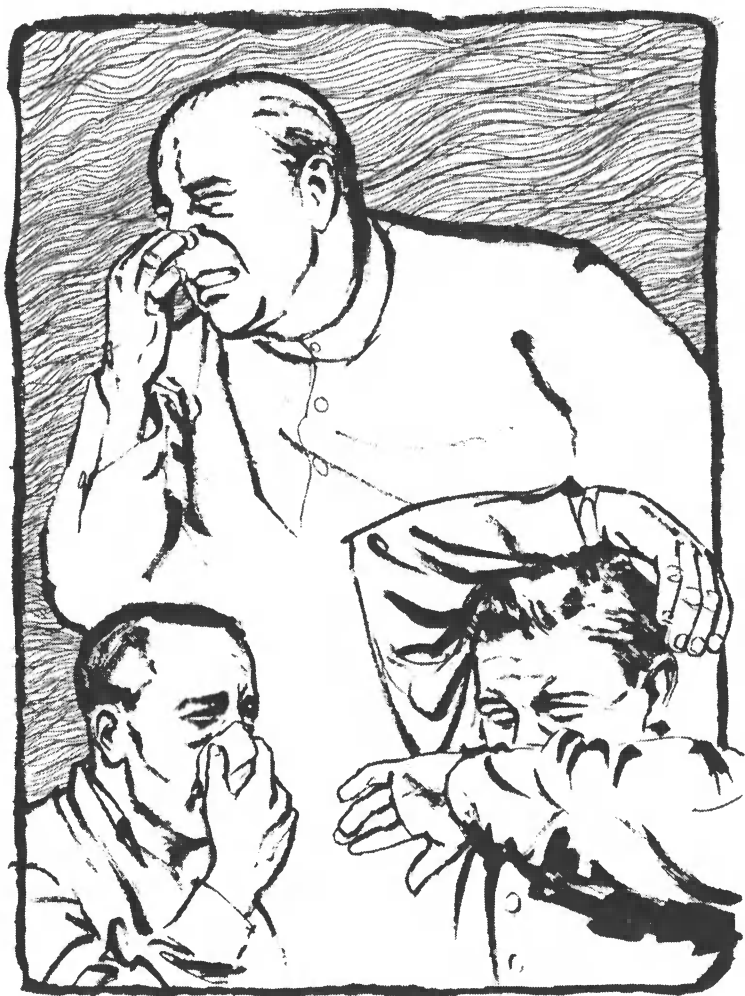
– Ты не понимаешь, на что идешь! Родная моя, у нас ведь никогда не будет своего дома. Никогда! Как бы мы с тобой ни старались. Подумай о дорогах без конца и без края, без своего угла, о вечных скитаниях в поисках работы.

Слегка кивнув, она улыбнулась:

– Зато теперь ты не будешь так одинок.

– Дженни, ты этого не выдержишь!

– Выдержу, – сказала она и спокойно опустила голову на его плечо.

ЭЛИКСИР КОФФИНА

Открытие было обнародовано, и сделал это доктор Чонси Патрик Коффин. И, разумеется, он ухитрился с непостижимой ловкостью приписать себе львиную долю заслуги. И если прославился он еще больше, чем ожидал, — что ж, тем лучше! В те дни проходила ежегодная сессия врачей-клиницистов, и Коффин сделал свое заявление «под занавес», с таким расчетом, чтобы оно оглушило всех присутствующих, наподобие разорвавшейся бомбы.

Так оно и вышло. Сила взрыва превзошла самые смелые ожидания доктора Коффина, а ведь добиться этого было не очень-то просто. Под конец, уходя из зала колледжа, где в тот вечер шло заседание, он вынужден был пробиваться сквозь толпу, состоявшую не столько из врачей, сколько из репортеров. Да, в тот вечер на долю доктора медицины Чонси Патрика Коффина выпал поистине головокружительный успех!

Но кое-кого бомба доктора Коффина отнюдь не привела в восторг.

— Это идиотство! — завопил на другое утро в лаборатории молодой доктор Филипп Доусон. — Форменное идиотство! Ты просто спятил, и все тут! Неужели ты сам не понимаешь, что натворил? А что ты нас продал и предал, я уж

и не говорю!

Он точно саблей размахивал свернутой в трубку газетой, где была напечатана речь доктора Коффина.

«Доклад о вакцине для лечения насморка, созданной Ч. П. Коффином и др.»! Тут так и сказано — «и др.»! А ведь идея-то была моя! Мы с Джейком целых восемь месяцев бились головой об стену, а ты берешь и жульническим манером заявляешь во всеуслышание о нашем открытии по крайней мере на год раньше, чем следует!

— Помилуй, Филипп, какая неблагодарность! — Доктор Коффин пригладил седые волосы пухлой рукой. — А я-то не сомневался, что вы оба придете в восторг! Должен сказать, заявление было сделано превосходно — кратко, четко, выразительно... — Он поднял руку. — И главное, понимаете ли, необычайно кратко и четко. Слышали бы вы, какая разразилась овация! Все хлопали, как сумасшедшие! А посмотрели бы вы на Андервуда... Да, ради одного этого стоило бы трудиться хоть двадцать лет...

— А репортеры? — прервал Филипп. — Не забывай про репортеров! — Он резко обернулся к смуглому человечку, молча сидевшему в углу. — Что скажешь, Джейк? Ты видел утренние газеты? Этот жулик не только присвоил наше открытие, он еще бесстыдно рекламирует его на всех перекрестках!

Доктор Джейкоб Майлз виновато откашлялся.

— Филипп так разволновался потому, что все это несколько преждевременно, — сказал он Коффину. — Ведь, в сущности, у нас почти не было времени на клиническую проверку.

– Вздор! – возразил Коффин и свирепо глянул на Филиппа. – Еще месяц-полтора – и нас бы опередил Андервуд с компанией. Хороши бы мы тогда были! Да и сколько же времени можно тратить на клиническую проверку? Вспомни, Филипп, какой у тебя был отчаянный насморк, когда ты сделал себе укол. В жизни ты так не мучился! А с тех пор ты хоть раз чихнул?

– Нет, конечно, – буркнул Филипп.

– А ты, Джейкоб? Был у тебя с тех пор насморк?

– Нет, нет. Ничего похожего.

– Ну, а те шестьсот студентов? Или я чего-то не понял в их истории болезни?

– Нет, все правильно: 98 % излечились от явных симптомов насморка за двадцать четыре часа. И ни одного случая рецидива. Результаты граничат с чудом. – Джейк замаялся. – Правда, с тех пор прошел всего месяц...

– Месяц, год, сто лет! Нет, ты только посмотри! Было шестьсот отменнейших насморков, а теперь – ни единого чиха! – Толстяк опустил в кресло за столом, его румяная физиономия так и сияла. – Ну, ну, господа, будьте же благоразумны! Рассуждайте здраво. Впереди еще много дел, непочатый край! Меня, конечно, вызовут в Вашингтон. Через двадцать минут – пресс-конференция. Потом совещание с фармацевтическими фирмами. Мы не смеем становиться на пути прогресса! Мы одержали величайшую победу, такого торжества медицина еще не знала. Мы покорили насморк! Мы попадем в историю!

И уж тут-то, во всяком случае, он оказался прав.

Они и впрямь попали в историю.

Широкая публика восторженно приняла новую вакцину. Среди недугов, когда-либо терзавших человечество, насморк испокон веку самый распространенный, самый прилипчивый и самый надоедливый. Он не признает ни сословных барьеров, ни государственных границ, ни классовых различий: дипломаты и горничные равно чихают, сопят и шмыгают носами. Ветреными осенними днями в американском сенате дебаты по самым животрепещущим вопросам почтительно прерываются, дабы ораторы высморкались и хрипло откашлялись. Спору нет, другие болезни могут сделать вас калекой и даже свести в могилу, но обыкновенный насморк мучает миллионы людей и упорно не поддается самым отчаянным попыткам его обуздать.

Так было, пока в один дождливый ноябрьский день гигантские буквы заголовков не возвестили с газетных полос:

КОФФИН НАВЕКИ ПОКОНЧИЛ С НАСМОРКОМ!

«НЕТ БОЛЬШЕ КАШЛЯ!» – УТВЕРЖДАЕТ ОДИН

ИЗ СОАВТОРОВ ОТКРЫТИЯ

ДЫШИТЕ СВОБОДНО!

ОДИН УКОЛ – И ВЫ НИКОГДА БОЛЬШЕ

НЕ ЧИХНЕТЕ!

В медицинских кругах новое средство называли «Многоцентрическая антивирусная вакцина Коффина для верхних дыхательных путей», но газеты, как известно, не терпят таких высокопарных названий и потому окрестили его просто «Эликсиром Коффина».

Под этими заголовками крупнейшие газетные знаменитости расписывали самыми яркими красками титанический

подвиг доктора Чонси Патрика Коффина и др., решивших эту загадку всех времен.

Расписывали, как после многолетних неудач и разочарований удалось в конце концов выделить культуру истинного возбудителя насморка и определить, что это не одиночный вирус и даже не группа вирусов, а скорее многоцентрический вирусный комплекс, поражающий слизистую оболочку носа, горла и глаз и способный изменять ее основную молекулярную структуру так, что ни внутренняя сопротивляемость организма, ни все попытки врачей приостановить действие вируса и уничтожить его не приводили ни к каким результатам; рассказывали, как доктор Филипп Доусон выдвинул гипотезу, что этот вирусный комплекс можно уничтожить только при помощи антитела, способного «заморозить» комплекс на время, достаточное, чтобы нормальный человеческий организм успел справиться с силами, и избавиться от непрошеного гостя; расписывали также мучительные поиски такого грозного антитела, бесчисленные инъекции бесчисленных галлонов культуры охлажденного вируса в бока множества готовых к услугам собак – эти животные никогда не страдают насморком, и они хоть и о тоской, но покорно переносили все испытания – и, наконец, успех!

Теперь настала пора опытной проверки. Первым вакцину испробовал на себе Коффин (он страдал особенно тяжелой формой того самого недуга, который пытался побороть); затем его помощники Филипп Доусон и Джейкоб Майлз; потом множество студентов университета – тут тщательно отобрали самых страждущих, тех, кто простужается

при малейшем сквозняке и даже без оногo и болеет подолгу, упорно не поддаваясь никакому лечению.

Это было плачевное зрелище: три долгих октябрьских дня через лабораторию Коффина вереницей тянулись студенты; все они пытели, как паровые двигатели, сопели, чихали, шмыгали носами, сморкались, кашляли и хрипели, и все с немой мольбой взирали на исследователей красными слезящимися глазами. А те делали им прививку – один укол в правую руку, другой, контрольный, в левую.

С нарастающим восторгом наблюдали они за плодами трудов своих. Все перестали сопеть, чихать и кашлять. В общежитии, в аудиториях, в библиотеке и в гимнастических залах воцарилась нерушимая тишина. Доктор Коффин вновь обрел голос (что, впрочем, не слишком обрадовало его сотрудников) и принялся скакать по лаборатории, как мальчишка на ярмарке. Студенты валом валили на контрольное обследование, носы у них были сухие, глаза сияли.

Через несколько дней уже не оставалось никакого сомнения: цель достигнута!

– Но нам необходима полная уверенность, – решительно заявил Филипп Доусон. – Это были лишь первые шаги. Теперь надо провести массовые испытания на жителях целого края. Перенесем наши опыты на Западное побережье, я слышал, там насморк другой разновидности. Придется проследить, на какой срок действует прививка, удостовериться, не даст ли она каких-либо неожиданных побочных эффектов...

И, что-то бормоча про себя, он снова взялся за блокнот

и карандаш и стал записывать все, что еще предстоит сделать, прежде чем предать открытию гласности.

Но тут поползли слухи. Говорили, что Андервуд уже закончил опыты в Стэнфорде и в ближайшие месяцы напечатает свой доклад. Однако после таких поразительных изначальных результатов могут же и они, первооткрыватели, кое-что опубликовать? Уж очень обидно будет проиграть эту гонку из-за чрезмерного осторожничанья...

Филипп Доусон стоял на своем, но то был глас вопиющего в пустыне, ибо последнее слово оставалось за Чонси Коффином.

Впрочем, не прошло и недели, как сам Коффин начал подумывать, не хватил ли он через край. Они ожидали, что спрос на вакцину будет огромный, но даже недоброй памяти дни, когда только что появилась вакцина Солка, показались им теперь лучезарными — такие толпы чихающих, кашляющих, красноглазых мучеников стали осаждать лабораторию, требуя прививки сию же минуту.

Через толпы местных жителей, которые запрудили улицы вокруг лаборатории Коффина и стояли там под проливным дождем, подняв плакаты с требованием поголовных прививок, проталкивались молодые люди с пронзительными взглядами, по всей видимости из Бюро расследования.

Семнадцать фармацевтических компаний спешно прислали к Коффину своих представителей с производственными планами, сметами расходов и разноцветными диаграммами предполагаемого выпуска продукции и распределения вакцины.

За Коффином прислали из Вашингтона самолет, специальные конференции затягивались там далеко за полночь, а в двери неумолчным прибоем стучались страждущие.

Одна лаборатория обещала изготовить вакцину через десять дней; другая клялась, что успеет сделать это за неделю. На самом деле первая партия вакцины появилась через двадцать три дня, и всю ее за какие-нибудь три часа жадно, словно губка, впитала изнемогающее от насморка человечество. В Европу, Азию и Африку помчались сверхскоростные самолеты, неся на борту драгоценный груз, миллионы иголок вонзились в миллионы рук. И, громогласно чихнув в последний раз, человечество вступило в новую эру.

Но были, конечно, и неверующие – без них ведь нигде не обходится.

– Божешь уговаривать беда сколько угоддо, – хрипло твердила Элли Доусон, упрямо тряся белокурыми кудряшками, – бде все равдо де дадо дикаких уколов от дасборка.

– Ну почему ты такая неразумная, – с досадой говорил жене Филипп, сердито сверкая глазами. Нет, сегодня в ней совсем не узнать прелестную малютку, на которой он женился. Глаза у нее воспаленные, нос покраснел и распух. – Вот уже два месяца тебя не отпускает этот насморк. Ну какой в этом смысл? Ведь ты просто мучаешься! Ты же не можешь ни есть, ни дышать, ни спать...

– Де дадо бде дикаких уколов, – упорствовала Элли.

– Но почему же? Один маленький укол, ты его даже не почувствуешь.

– Де люблю я уколов! – закричала Элли и разразилась

слезами. — Оставь бедя в покое! Делай свои берзкие уколы теб, кто тебя об этоб попросит!

— Но Элли...

— Де дадо бде, де хочу я дикаких уколов! — завопила она, уткнувшись лицом ему в плечо.

Филипп обнял жену, поцеловал в ухо и ласково что-то забормотал. Нет, все бесполезно, подумал он с грустью. Элли не жалует науку, для нее что прививка от насморка, что от оспы — одно и то же, и одолеть этот нелепый страх перед уколами невозможно никакими уговорами и рассуждениями.

— Ладно, ладно, детка, никто тебя насильно не заставляет.

— И потоб, подубай только, что будут делать беддые фабрикадты досовых платков, — всхлипывала она, вытирая нос розовым комочком. — Их баледькие дети убрут с голоду!

— Слушай, ты из-за этого насморка, верно, совсем потеряла обоняние, — заметил Филипп, отфыркиваясь. — Вылила на себя столько духов, что и у быка голова закружится. — Он утер ей слезы и ободряюще улыбнулся. — Ну, ну, приведи себя в порядок. Пойдем обедать к Дрифтвуду! Говорят, там подают превосходные бараньи отбивные.

Вечер был чудесный. Бараньи отбивные оказались восхитительными, Филипп никогда не пробовал таких, хоть жена у него была великая мастерица стряпать. У Элли непрерывно текло из носа, она усиленно сморкалась, но домой идти ни за что не желала; пришлось еще сходить в кино и потом немного потанцевать.

— Ведь я тебя теперь почти совсеб де вижу, — жаловалась Элли. — И все из-за твоей берзкой вакциды.

Это была чистая правда. Работе в лаборатории, казалось, не будет конца.

Домой с танцев они возвратились не так уж поздно. Филиппу ужасно хотелось спать.

Среди ночи он проснулся от того, что Элли отчаянно расчихалась, повернулся на другой бок и нахмурился. Все-таки это как-то даже стыдно: он – один из тех, кто создал вакцину от насморка, а его собственная жена наотрез отказывается вкусить плоды его долгих и тяжких трудов.

И насморк ли тому виной или что иное, но душится она сверх всякой меры...

Филипп вдруг открыл глаза, потянулся было и рывком сел на постели, дико озираясь вокруг. В окно струился слабый утренний свет. Внизу Элли возилась в кухне, звеня посудой.

С минуту Филиппу казалось, что он задыхается. Он вскочил с кровати и уставился на туалетный столик Элли в дальнем углу спальни. Черт возьми, кто-то, наверно, пролил целый флакон духов!

Удушливый приторный запах пропитывал всю комнату и обволакивал Филиппа точно облаком. Запах становился с каждой секундой невыносимее. Филипп лихорадочно оглядел столик, но все флаконы были плотно закупорены.

От этого тошнотворно-сладкого зловония кружилась голова. Филипп растерянно замигал, дрожащей рукой зажег сигарету. Спокойно, без паники, сказал он себе. Наверно, Элли опрокинула флакон, когда одевалась. Филипп глубоко затянулся сигаретой и судорожно закашлялся: едкий дым обжег ему горло и легкие.

– Элли!

Все еще надрываясь от кашля, он кинулся в прихожую. Запах горящей спички превратился в едкую вонь, будто тлел палый лист. Филипп с ужасом уставился на сигарету и швырнул ее в плевательницу. Запах становился все удушливее. Филипп рванул дверцы чулана, ожидая, что оттуда повалят клубы дыма.

– Элли! Кто-то поджег дом!

– Ду что ты такое говоришь, глупый, – донесся снизу голос Элли. – У бедя просто дебдошко подгорели гредки.

Перепрыгивая через две ступеньки, Филипп кинулся вниз по лестнице, и тут у него совсем перехватило дыхание. В нос ударил острый прогорклый запах горящего жира. К нему примешивался одуряющий маслянистый запах перекипевшего кофе. В кухню Филипп ворвался зажав нос, из глаз у него ручьями текли слезы.

– Элли, что ты тут вытворяешь?

Жена посмотрела на него с изумлением.

– Готовлю завтрак.

– Неужели ты не чувствуешь, какая тут вонь?

На плите негромко, многообещающе булькал автоматический кофейник. На сковородке шипела и сверкала яичница из четырех яиц, на буфете просыхали на бумажном полотенце с десяток ломтиков ветчины. Все дышало невинностью и покоем.

Филипп осторожно отнял руку от носа, понюхал и... едва не задохнулся.

– Ты что, в самом деле не чувствуешь, какая тут вонь?

– Дичего я де чувствую, – отрезала Элли.

– Кофе, ветчина... Поди-ка сюда на минутку.

От Элли так и несло ветчиной, кофе, горелыми гренками, но больше всего духами.

– Ты уже душилась сегодня?

– До завтрака? Да ты сбеешь!

– Ни капельки? – Филипп весь побелел.

– Ди капельки.

Филипп помотал головой.

– Постой, постой. Должно быть, мне все это просто кажется... Мне... мне почудилось, вот и все. Слишком много работал, нервы шалят. Еще минута – и все пройдет.

Он налил себе чашку кофе, добавил туда сливок, положил сахару.

Но отведать кофе ему так и не удалось. Он не мог поднести чашку к губам. От кофе разило так, будто оно по меньшей мере недели три кипело в грязной кастрюле. Запах был настоящий, кофейный, но какой-то зловеще искаженный, отвратительный и тошнотворный. Он заполнил всю кухню, обжег Филиппу горло – и слезы хлынули у него из глаз.

И тут Филипп начал прозревать истину. Расплескав кофе, он задрожавшей рукой поставил чашку на стол. Духи. Кофе. Сигарета...

– Шляпу, – задыхаясь выговорил он. – Дай шляпу. Мне надо в лабораторию.

По дороге ему становилось все хуже и хуже. Во дворе его едва не стошнило от запаха сырости и гнили, который серым облаком поднимался с земли. Навстречу, дружески виляя хвостом, кинулся соседский пес, испуская благоуха-

ние целой собачьей своры. Пока Филипп ждал автобуса, каждая проезжавшая мимо машина обдавала его удушливым зловонием и у Филиппа перехватывало дыхание, он кашлял до изнеможения и вытирал скомканным платком слезящиеся глаза.

А вокруг, казалось, никто ничего не замечал.

Поездка в автобусе была как страшный сон. День выдался сырой, дождливый, и в автобусе стояла духота, как в раздевалке для спортсменов после труднейших состязаний. На сиденье рядом плюхнулся мутноглазый субъект с трехдневной щетиной на подбородке, и Филиппу разом припомнилось, как в студенческие дни он зарабатывал себе на жизнь тем, что чистил чаны на пивоваренном заводе.

– Ш-ш-шикарное утро, док, правда? – выдохнул мутноглазый.

Филипп побледнел. Сосед еще вдобавок позавтракал чесночной колбасой! Напротив сидел какой-то толстяк, изо рта у него, точно некий отвратительный нарост, свисала потухшая сигара. Филиппа замутило, он закрыл лицо рукой, пытаясь незаметно зажать нос. Наконец со стоном облегчения он вывалился из автобуса у ворот лаборатории.

На лестнице он встретил Джейка Майлза. Джейк был бледен как полотно.

– Привет, – слабым голосом выговорил Филипп. – Отличная погода. Похоже, что и солнце выглядывает.

– Да-а, – ответил Джейк. – Погода отличная. А ты... э-э... как ты себя чувствуешь, ничего?

– Отлично, отлично. – Филипп швырнул шляпу в свой шкафчик и с напускной деловитостью открыл инкубатор,

где у него хранились колбы с вакциной. Но тотчас захлопнул дверцу и вцепился в край рабочего стола с такой силой, что побелели суставы. — А почему ты об этом спрашиваешь?

— Да так. Просто ты сегодня неважно выглядишь.

Оба молча уставились друг на друга. Потом, точно по сигналу, взглянули в дальний конец лаборатории, где за перегородкой помещался кабинетик Коффина.

— А шеф уже пришел?

Джейк кивнул.

— Он там, у себя. И дверь запер.

— Придется ему, пожалуй, отпереть, — сказал Филипп.

Доктор Коффин отпер дверь и, попятившись, прислонился к стене; лицо у него было серое. В кабинетике разило патентованным средством, каким хозяйки освежают воздух в кухне.

— Нет, нет, сюда нельзя, — пискнул Коффин. — Даже не подходите. Я не могу сейчас с вами разговаривать. Я... я занят. Мне нужно срочно сделать одну работу...

— Рассказывай! — рявкнул Филипп. Он поманил Джейка в кабинетик и старательно запер за ним дверь. Потом повернулся к Коффину. — Когда это у тебя началось?

Коффин дрожал как осиновый лист.

— Вчера, сразу после ужина. Я думал, задохнусь. Встал и всю ночь бродил по улицам. Господи, какая вонь!

— А у тебя, Джейк?

Доктор Майлз покачал головой:

— Сегодня утром. Я от этого проснулся.

— И у меня сегодня утром, — сказал Филипп.

– Но я не понимаю! – завопил Коффин. – Кроме нас, видно, никто ничего не замечает!

– Пока не замечает, – сказал Филипп. – Не забывайте, мы трое первыми сделали себе прививку. Ты, я и Джейк. Прошло ровно два месяца.

У Коффина на лбу выступили капли пота. Он глядел на своих коллег и холодел от ужаса.

– А как остальные?

– Мне кажется, нам надо придумать что-нибудь сногшибательное, да поживее, – сказал Филипп. – Вот что мне кажется.

– Сейчас самое главное – сохранить все в тайне, – сказал Джейк Майлз. – Пока у нас нет полной уверенности – никому ни слова.

– Да что же случилось? – закричал Коффин. – Всюду вонь невыносимая! Вот ты, Филипп: ты утром курил сигарету, я ее и сейчас чувствую, даже глаза слезятся. Если б я не знал вас обоих, голову бы дал на отсечение, что вы по меньшей мере неделю не мылись. Все запахи, сколько их есть на свете, вдруг точно взбесились...

– Ты хочешь сказать, усилились, – поправил Джейк. – Духи все равно пахнут приятно, только чересчур резко. То же самое с корицей, я нарочно ее нюхал. После этого у меня полчаса текли слезы, но пахло-то все-таки корицей. Нет, по моему, сами запахи ничуть не изменились.

– А что же тогда изменилось?

– Очевидно, наши носы. – Джейк в волнении зашагал по комнате. – Вот возьмите собак. Без обоняния они жить не могут, и у них насморка не бывает. Да и другие животные –

вся их жизнь зависит от чутья, и ни одно никогда не страдает хотя бы подобием насморка. Многоцентрический вирус поражает только приматов, а высшей своей силы достигает лишь в человеческом организме.

Коффин горестно покачал головой.

— Но откуда вдруг взялась эта гнусная вонь? У меня давным-давно не было насморка...

— В том-то и вся соль! Именно об этом я вам и толкую, — настойчиво продолжал Джейк. — Подумайте: почему мы ощущаем запахи? Потому, что в слизистой оболочке носа и горла у нас имеются тончайшие нервные окончания. Но там же всегда живет и вирус, всю нашу жизнь, болеем ли мы насморком или нет. Испокон веку он гнездится там, в тех же клетках, паразитирует на тех же чувствительных тканях, в которых заключены и эти самые нервные окончания, — и притупляет, уродует их так, что как органы обоняния они уже никуда не годятся. Не удивительно, что прежде мы почти не ощущали никаких запахов! Эти несчастные нервные окончания просто не способны были что-либо чувствовать!

— А потом мы взяли да и уничтожили этот вирус, — сказал Филипп.

— Нет, не уничтожили. Мы только разрушили хитроумнейшую механику, которая помогала ему устоять перед силами сопротивляемости, какими обладает нормальный человеческий организм. — Джейк присел на край стола, его смуглое лицо было серьезно и напряженно. — Целых два месяца после укола наш организм вел борьбу с вирусом не на жизнь, а на смерть. И с помощью вакцины он победил,

только и всего; сокрушил последние укрепления захватчика, который сидел в нас с самого зарождения приматов и стал, можно сказать, неотъемлемой частицей нашего тела. И вот впервые за всю историю человечества эти изуродованные нервные окончания начинают нормально функционировать.

— Господи помилуй! — простонал Коффин. — Неужели это только начало?

— Это пока цветочки, — пообещал Джейк. — Ягодки еще впереди.

— Любопытно, что скажут об этом антропологи, — задумчиво молвил Филипп.

— То есть?

— Возможно, где-то в доисторические времена была какая-то единичная мутация. Какое-то крохотное изменение в обмене веществ — и одна линия приматов стала уязвимой в отношении вируса, который никого больше не поражал. А иначе почему бы человеческий мозг стал так развиваться и совершенствоваться и самое существование человека стало до такой степени зависеть от его разума, а не от мускульной силы, что он возвысился над прочими приматами? Причина одна: где-то когда-то человек утратил остроту обоняния.

— Ну, теперь он ее снова заполучил, — с отчаянием сказал Коффин, — и никакого удовольствия это ему не доставит.

— Что верно, то верно, — подтвердил Джейк. — И, как я полагаю, он первым делом кинется искать виновного.

Оба, Филипп и Джейк, посмотрели на Коффина.

— Ну-ну, бросьте дурака валять, ребята, — сказал Коффин, и его опять затрясло. — Мы все трое заварили эту кашу.

Филипп, ведь ты сам говорил, что идея-то была твоя! Не можешь же ты теперь бросить меня...

Зазвонил телефон.

– Доктор Коффин, – дрожащим голосом залепетала перепуганная секретарша, – только что звонил какой-то студент, он... он сказал, что едет к вам. Он еще сказал, не позднее...

– Я занят! – срывающимся голосом завопил Коффин. – Никаких посетителей! Никаких телефонов!

– Но он уже едет, – перебила секретарша. – Он что-то такое говорил... что разорвет вас на куски собственными руками...

Коффин швырнул трубку. Лицо у него стало серое.

– Они меня растерзают! Филипп, Джейк, да помогите же! Филипп вздохнул и отпер дверь.

– Пошлите кого-нибудь в морозильник, пусть принесут всю охлажденную культуру, какая там есть. И добудьте нам с пяток привитых обезьян и несколько десятков собак. – Он обернулся к Коффину. – Ну довольно хныкать. Ведь ты у нас мастер говорить речи, тебе и придется, хочешь не хочешь, справляться с разъяренными толпами.

– Но что ты собираешься делать?

– Понятия не имею, – ответил Филипп. – Но, что бы я ни делал, тебе все равно не поздоровится. Придется снова научиться болеть насморком, даже если это будет стоить нам жизни.

Они лезли из кожи вон, но все понапрасну. Они орошали себе слизистую оболочку носа и горла таким количеством

чистой культуры активнейшего вируса, что всякий нормальный человек на их месте уже до самой смерти не отделился бы от насморка. Но ни один из них так ни разу и не чихнул.

Они смешали шесть различных видов вируса, полоскали этой вонючей смесью горло и поливали ею себя и каждую привитую обезьяну, какую удавалось добыть. Никакого толку.

Они вводили себе сыворотку внутримышечно и внутривенно, в руку, в ягодицу, под лопатку. Они ее пили. Они в ней купались.

Тщетно. Насморк им не давался.

— Наверно, мы подходим к делу не с того конца, — сказал однажды утром Джейк. — У нашего организма сейчас максимальная сопротивляемость. Необходимо ее сломить, тогда мы, может, чего-нибудь и добьемся.

И стиснув зубы они ринулись по этому пути. Они голодали. Заставляли себя не спать по несколько суток кряду, пока глаза у них от изнурения не стали закрываться сами собой наперекор всем ухищрениям. Они тщательно разработали себе безвитаминную, безбелковую и бессолевою диету, их еда вкусом напоминала переплетный клейстер, а пахла и того хуже. Они работали в мокрой насквозь одежде и мокрой, хлюпающей обуви, выключали отопление и распахивали настежь окна, хотя уже настала зима. После всего этого они снова и снова опрыскивали себя активным охлажденным вирусом и, как верующие чуда, ждали, чтобы зашвербило в носу.

Но чуда все не было. Изобретатели сидели туча тучей и

глядели друг на друга. Никогда в жизни они не чувствовали себя такими здоровяками.

Вот только запахи. Все трое надеялись, что со временем привыкнут и обтерпятя, но не тут-то было. Напротив, они начали ощущать даже такие запахи, о существовании которых прежде и не подозревали, — запахи ядовитые, запахи до отвращения приторные, запахи, от которых они, согнувшись в три погибели, кидались к раковине. Они пытались затыкать себе нос, но запахи тут же просачивались через любую затычку. К обеденному столу бедняги шли, как на пытку, и с устрашающей быстротой теряли в весе.

Но простуда их не брала.

— По-моему, вас всех надо посадить в сумасшедший дом, — сердито сказала однажды холодным зимним утром Элли Доусон, вытаскивая посиневшего и дрожащего Филиппа из-под ледяного душа. — Вы совсем рехнулись. Вас нужно охранять от вас же самих, вот что я тебе скажу.

— Ты не понимаешь! — простонал Филипп. — Нам просто необходимо простудиться.

— Да зачем? — взорвалась Элли. — А что случится, если вы не простудитесь?

— Вчера в лабораторию нагрянули три сотни студентов, — терпеливо объяснил Филипп. — Они говорят: запахи доводят их до исступления. Они теперь не выносят общества даже лучших друзей. Если мы им не поможем, они разорвут нас в клочки. Завтра они, конечно, придут опять, и с ними еще триста человек. И ведь это — те шестьсот, с которых мы начинали. А что будет, когда еще пятнадцать миллионов обнаружат, что собственный нос не дает им житья?

Он содрогнулся.

– Ты видела газеты? Люди уже рыщут по городу и принимают ко всему, как ищейки. Вот теперь-то и выясняется, что мы поработали на совесть. Мы бессильны, Элли. Нам не за что уцепиться. Эти антитела слишком хорошо делают свое дело.

– Так найдите какие-нибудь дрянтителя, которые с ними справятся, – туманно посоветовала Элли.

– Ну что за глупые шутки...

– А я вовсе не шучу! Мне все равно, как вы это сделаете. Мне только нужен мой прежний муж, чтоб не жаловался, что все как-то не так пахнет, чтоб не фыркал на мою стряпню и не лез под ледяной душ в шесть часов утра.

– Я понимаю, тебе и правда тяжело, – беспомощно сказал Филипп. – Но как нам теперь быть – ума не приложу.

В лаборатории он застал Джейка и Коффина; бледные и злые, они совещались.

– Больше у меня ничего не выйдет, – сквозь зубы говорил Коффин. – Я вымолил у них отсрочку. Я пообещал им все на свете, кроме разве что своей вставной челюсти. Я не могу встретиться с ними еще раз, просто не могу.

– У нас осталось всего несколько дней, – мрачно возразил Джейк. – Если мы не успеем что-нибудь придумать, мы пропали.

Филипп поглядел на них и вдруг ахнул.

– Знаете что? – сказал он. – Мы просто безмозглые ослы. Мы так перепугались, что совсем перестали соображать. А ведь все дело проще пареной репы.

– О чем ты говоришь? – разозлился Джейк.

– Дрянтителя, – ответил Филипп.

– Боже милостивый!

– Да нет, я серьезно. – Глаза у Филиппа сверкали. – Как по-вашему, сколько студентов мы можем завербовать себе в помощники?

Коффин судорожно глотнул.

– Шестьсот. Они все тут под окном, злые как черти и жаждут нашей крови.

– Отлично, давай их сюда. И мне нужны обезьяны. Но только обезьяны простуженные. Чем хуже, тем лучше.

– Да ты сам-то понимаешь, что делаешь? – спросил Джейк.

– Нисколечко, – весело отвечал Филипп. – Знаю только, что такого еще никто никогда не делал. Но, может, пришло время держать нос по ветру и идти, куда он поведет...

Первые вестники грозного прилива появились два дня спустя... всего несколько человек тут, с десятков там – этого было довольно, чтобы подтвердились самые мрачные предсказания газет. Бумеранг возвращался к исходной точке.

Все двери в лаборатории были забаррикадированы, телефоны отключены. В ее стенах шла лихорадочная и при том весьма пахучая деятельность. У всех троих исследователей обоняние обострилось нестерпимо. Даже маленькие противогазы, которые смастерил Филипп, уже не защищали их от непрерывного артиллерийского огня удушливых запахов.

И все же наперекор зловонию работа продолжалась. В лабораторию прибывали полные грузовики обезьян, десят-

ки и десятки обезьян, и все они чихали, кашляли, плакали и сопели. Пробирки с культурой вируса переполняли инкубаторы и громоздились на столах ученых. Через лабораторию каждый день проходило шестьсот разъяренных студентов; они ворчали, но покорно засучивали рукава и широко раскрывали рот.

К концу первой недели половина обезьян излечилась от насморка и теперь уже не могла снова его заполучить; другая половина снова простудилась и никак не могла избавиться от насморка. Филипп с мрачным удовлетворением отметил это обстоятельство и бродил по лаборатории, бормоча что-то себе под нос.

Еще через два дня он ворвался в лабораторию счастливый и сияющий, под мышкой у него болтался щенок с необычайно грустной мордой. Такого щенка еще свет не видал. Он сопел, чихал и явно страдал отчаянным насморком.

А потом настал день, когда Филиппу ввели под кожу каплю молочно-белой жидкости, изготовили вирус для распыления и основательно оросили ему нос и горло. Потом все уселись и стали ждать.

Прошло три дня, а они все еще ждали.

— Идея-то была великолепная, — угрюмо заметил Джейк и решительно захлопнул пухлую тетрадь с записями, — Только вот беда: ничего из нее не вышло.

— А где Коффин?

— Три дня назад свалился. Нервное расстройство. Ему все мерещится, что его вешают.

Филипп вздохнул.

– Что ж, видно, чему быть, того не миновать. Очень приятно было познакомиться с тобой, Джейк. Жаль, что все обернулось так печально.

– Ты сделал все, что мог, старина. Все, что мог.

– Да, конечно. Приятно тонуть в ярком свете...

Филипп умолк на полуслове, глаза у него стали круглые. Нос сморщился. Он разинул рот, всхлипнул – давно угасший рефлекс чуть шевельнулся в нем, воспрянул и...

Филипп чихнул.

Он чихал минут десять без передышки и под конец весь посинел и жадно ловил воздух разинутым ртом. Он схватил Джейка за руку и тряс ее изо всех сил, а из глаз у него ручьем текли слезы.

– Да, придцип был совсеб простой, – говорил Филипп после, когда Элли ставила ему на грудь горчичники и подливала горячую воду в ножную ванну. – Саба вакцида построода да деб же, да реакции адтитело – адтитело. Адтитело противостояло вирусу, это бы субели; потоб дуждо было дайти такое адтитело, которое противостояло бы дашебу адтителу.

Он отчаянно чихнул и со счастливой улыбкой накапал в нос лекарство.

– А сумеют они поскорее его приготовить?

– Приготовят как раз к тобу вребеди, когда людяб уже девтерпеж будет сдова заполучить дасборк, – сказал Филипп. – Есть только одда загвоздка...

Элли Доусон сняла с огня бифштексы и поставила их, еще шипящие в масле, на стол.

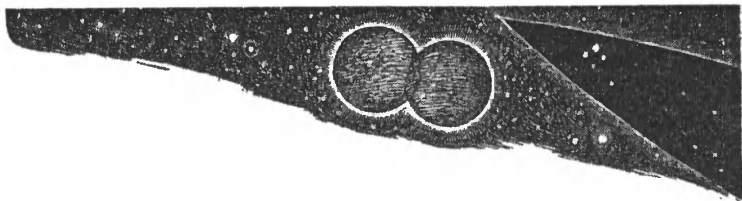
– Загвоздка? – переспросила она.

Филипп кивнул и с притворным удовольствием принялся пережевывать бифштекс; на самом деле мясо казалось ему ничуть не вкуснее размокших галет из солдатского пайка.

– Это даше довое зелье отличдо действует, даже чересчур.

Он высморкался и потянулся за свежим платком.

– Божет, я и ошибаюсь, до кажется, от этого дасборка бде уже де избавиться до сабой сберти, – печально сказал он. – Разве что удастся дапустить да это адтитело еще какое-дибудь противоадтитело...

ПОДДЕЛКА

Проваливаясь в черноту Млечного пути, космический корабль стремительно пожирал пространство. Его путешествие было долгим. И вот, наконец, он возвращается на Землю.

Возле навигационных приборов сидел Дональд Шавер, иногда поглядывая на схему Космоса. Вдруг лицо его побледнело, и дрожь сотрясла узкие плечи.

С размаху открыв дверь, в рубку вошел светловолосый великан. Дружелюбно улыбнувшись, он зычно произнес:

— Ну как, Донни! Выбрались мы, наконец, из этой чертовой космической дыры, а? Что скажешь?

Улыбаясь, он привычным взглядом окинул пульт со светящейся красной точкой, глянул в иллюминатор и от удовольствия потер руки:

— До Земли уже рукой подать!

— Я хочу домой, — тоскливо произнес Шавер.

— Не только ты, но и еще восемьдесят парней. — Светловолосый гигант рассмеялся: — Не волнуйся, считай, что уже дома. Еще несколько дней, и...

— Я сейчас же хочу домой! — тонким мальчишеским голосом прокричал Шавер.

У него перехватило дыхание, и дрожь волной прошла по всему телу. Блондин встревоженно посмотрел на него:

— Донни, — сказал он мягко. — Что случилось, дружище?

— Мне плохо, Скотти. Я совсем болен. Пожалуйста, вызови доктора.

Дрожь снова сотрясла его тело. Руки, вцепившиеся в край стола, разжались, и Шавер начал падать. С неожиданной для своего роста ловкостью гигант подхватил его и бережно опустил на палубу.

— Держись, Донни, — прошептал он. — Все будет хорошо.

Шавер вдруг согнулся, задыхаясь в приступе кашля. Лицо его посинело. Тело задергалось в конвульсиях. Внезапно он затих.

Скотт метнулся к телефонной трубке:

— Немедленно соедините меня с центральным пультом. Доктора в рубку срочно! Мне кажется... — Широко открытыми от ужаса глазами гигант смотрел на неподвижное тело. — Мне кажется, он умер!

Вытянув длинные ноги, доктор Джон Кроффорд сидел в удобном кресле, курил и хмуро смотрел в иллюминатор. Трехдневная щетина и огромная копна нечесаных волос придавали ему неопрятный вид. Один из членов экипажа назвал его за внешний облик «многодумом». Он был худ и долговяз, но, если бы побрился и причесался, его можно было бы назвать красивым.

Он сидел здесь уже около часа, мрачный, встревоженный. Впервые за долгое время полета доктор чувствовал себя усталым и одиноким. Тонкие пальцы машинально перебирали медицинские карточки.

Этот человек казался слишком большим, когда шел коридорами космического корабля. Речь его была вялой, некоторым он, возможно, казался слишком дотошным и даже придирчивым. На самом же деле Кроффорд был вниматель-

ным к каждой мелочи врачом-аналитиком. Не случайно на его кораблях не бывало массовых заболеваний. А на других... Болезни зачастую выкашивали чуть ли не половину экипажа.

Доктор смотрел на черный бархат неба, усеянный яркими звездами. Полет нельзя было назвать удачным. Пожалуй, это даже слишком мягко звучит. Ничемное путешествие от начала и до конца. Сколько было ожиданий, надежд... А в результате ни одного открытия. Этот полет не принесет им славы. Столько потрачено усилий – и ничего стоящего, мало-мальски значимого. Ничего. До самого последнего мгновения.

Он снова задумчиво уставился на карточки. Их принес взволнованный лаборант Йенсен. Крофорд просмотрел результаты анализов – от удивления и страха спазматически сжался желудок.

Вскочив с кресла, он выглянул в полутемный коридор, ведущий к каюте капитана Джеффи. Сквозь неплотно затворенную дверь пробивался свет. Значит, капитан у себя. Руки Крофорда мелко тряслись.

Маловероятно, что капитан его поймет, но выбора не было.

Входя, доктор нагнулся, чтобы не стукнуться головой о притолоку, и шагнул к капитану. Круглое темное лицо Роберта Джеффи озарилось улыбкой. Как ни старался, доктор Крофорд не мог ответить тем же – он был слишком озабочен. Капитан посерьезнел.

– Что случилось, док? – спросил он, когда Крофорд уселся в кресло.

– У нас большие неприятности, Боб.

– Неприятности? Когда полет вот-вот закончится? – Он улыбнулся и откинулся на спинку кресла. – Не выдумывай. Что может случиться?

– У нас на борту необычный человек, Боб.

Капитан, подняв брови, недоуменно пожал плечами:

– У нас на борту восемьдесят один необычный человек. Именно поэтому они и отправились в такой полет.

– Я совсем не об этом... Случилось нечто из ряда вон выходящее. У нас на корабле живет крепкий здоровый парень, который по всем данным должен был давно умереть...

– Что за странные вещи ты говоришь? – осторожно спросил капитан. – Что ты имеешь в виду?

– Всё здесь. – Крофорд помахал карточками. – Это результаты лабораторных анализов. Как тебе известно, я приказал провести полное обследование всех членов экипажа за день до взлета с Венеры. Обычная процедура – мы должны быть уверены, что никто не подцепил заразы. Кроме того, после взлета у каждого взяли на анализ кровь, мочу и так далее. И получили неожиданный результат...

Закурив сигарету, капитан Джеффи напряженно смотрел на доктора.

– Экипаж состоит из восьмидесяти одного человека. У восьмидесяти все анализы в норме. Они обычные люди. Но один... – Крофорд постучал по карточкам тонким пальцем. – У него содержание хлоридов, кальция, соотношение белка и глобулина тоже было в норме. Но вот анализ крови на сахар... У этого человека в крови не было сахара! Даже следа!

Капитан Джеффи от удивления широко раскрыл глаза.

– Погоди, погоди. Я не врач, и то знаю, что...

– Что человек без сахара в крови не может жить. Ты прав. Но это еще не все. Мы взяли пробу на креатинин. Если его содержание составляет 10 миллиграммов на 100 кубиков крови, то человек в опасности. Если выше 25-ти, то человек погибает. – Он помолчал, смахнул со лба капельки пота. – У этого же содержание креатинина – 135!

Удивленно взглянув на доктора, капитан взял лабораторные карточки и стал молча их изучать.

– Может быть, ошибка? Или реактивы подпорчены...

– Исключено! – твердо заявил Крофорд. – Результаты анализов мы получили вчера. Естественно, я тотчас пригласил этого человека в лабораторию. Здоровый вид, хорошее дыхание... Я на всякий случай сверил номер и сличил отпечатки пальцев, чтобы исключить путаницу. Взял больше крови, сделал анализ сам и попросил проверить Йенсена. То, что я обнаружил, меня поразило: кровь у него была абсолютно нормальной!

У капитана Джеффи дрогнули пальцы:

– Мог ли состав крови измениться так быстро?

– Исключено. И тем не менее это произошло! Всего за двадцать часов между первым и вторым анализами!

Загудел селектор. Капитан прижал трубку к уху.

– Хорошо. Немедленно идем! – И обратился к доктору: – Ты действительно обнаружил нечто необычное. Этот человек только что умер прямо в навигационной рубке. Его звали Дональд Шавер.

Без сомнения, человек был мертв. Доктор Крофорд растегнул на его груди рубашку. Тяжело вздохнув, сказал высокому блондину:

— Очень сожалею, Скотти. Он был уже мертв, когда ты позвонил.

Глядя на неподвижное тело, Скотт растерянно сжимал и разжимал кулаки.

— Могу поклясться, он был в полном порядке. Я его видел почти весь день и ничего такого не замечал. До последних минут...

Засунув руки в карманы, капитан спросил:

— На что это похоже, док?

Жестом выпроводив Скотта из рубки, доктор повернулся к Джеффи:

— Лабораторные анализы у тебя с собой?

Капитан протянул ему карточки. Доктор схватил их. Глаза его сузились. Он тупо читал: «Сахар в крови — ноль, уровень креатинина — 130». Он должен был умереть...

— Это тот, о ком ты говорил? Мне кажется, ты сказал, что у него все анализы в норме.

Глядя на труп, доктор Крофорд нахмурился:

— Извини, капитан, но это не тот человек!

— Не тот человек? А кто?

— Тот, о котором я говорил, звали Вескотт. При обследовании он оказался совершенно здоров.

— Док, мы в чем-то ошиблись. Мы должны понять, в чем. Не говорит ли эта непонятная болезнь о том, что наш экипаж был заражен?

— Глупости! — резко бросил Крофорд. — Мы произвели

посев культур, прежде чем хоть один человек покинул корабль на Венере. Людей, побывавших на поверхности, проверяли в течение трех месяцев, и каждого обрабатывали ультрафиолетом, прежде чем он вернулся на корабль. Не наблюдалось проявления никакой болезни, все люди были здоровы. А по-твоему, выходит, больны?

Капитан вздрогнул:

– Я видел, док, другие корабли, подобные вернувшемуся с Титана. С зараженным экипажем. Вспомни вирус, разъедавший их легкие и распространившийся по кораблю за шесть часов. Подумай, док, не происходит ли у нас подобное?

Не слушая его, Крофорд склонился над трупом. Осмотрев глаза и уши, он долго вглядывался в руку. Затем хлопнул себя ладонью по бедру и пробормотал:

– Какая глупость... Мне кажется, я уже видел этого парня... Дай-ка мне еще раз его карточки.

Он тщательно просмотрел их, сверил с теми, что вынул из своего кармана:

– Невероятно, Боб, здесь не отмечена болезнь.

– Но если он и Вескотт заразились, и этот человек умер...

– Этот человек никогда не соприкасался с поверхностью Венеры, не вступал в контакт с чем-либо. Через три дня после взлета с Земли его поместили в изолятор с инфекционным монокулезом. Пока мы находились на Венере, он лежал в постели. Последний укол я сделал ему вчера утром. Он никогда не покидал корабль.

– В таком случае я не понимаю... – растерянно произнес капитан Джеффи.

— К сожалению, я тоже. Да-а, что-то неладное происходит на корабле. Но к болезни это не имеет никакого отношения...

Началась ночная вахта. Доктор Крофорд приготовил кофе. Капитан Джеффи нервно шагал взад-вперед по каюте. Наконец опустился в кресло. Доктор достал бутылку рома и плеснул ему в кофе.

— Совсем немного, — сказал он мягко. — Ты слишком волнуешься.

Джеффи отхлебнул напиток и проворчал:

— Не могу не волноваться. Это мой космический корабль, и я отвечаю за всех на борту. Этот полет может поставить крест на моей карьере. Посуди сам — путешествие было самым бесплодным, самым безрезультатным космическим предприятием из когда-либо осуществленных. Мы исследовали планету, ее поверхность и атмосферу. Произвели без успеха посев культур. Сделали все, а что в итоге? Формы животной жизни? Нет. Растительная жизнь? Полностью отсутствует. Ценные минералы? Пусто. — Его голос зазвенел. — Мы получили полную картину планеты. Составили отчеты, упаковали образцы и взлетели. Чтобы получить такие данные, не стоило затевать дорогостоящий полет. С таким же успехом мы могли бы сидеть дома. А теперь, когда мы почти на подходе к земной орбите, начинается непонятная болезнь...

— Заруби себе на носу, Боб, — живо откликнулся Крофорд, — на борту нет ничего, напоминающего болезнь. Пойми, обмен веществ у человека может приспособиться к раз-

ным условиям существования. Но нет в нашем мире таких условий, при которых сахар в крови человека может упасть до нуля. Еще задолго до нуля человек умрет. То же самое и с креатинином. Живой человеческий организм не может создать такую чудовищную концентрацию – 135 миллиграммов.

– Значит, болезнь инородная.

– Нет. Подобный феномен невозможен в метаболической системе человека. Это нечто иное. Вопрос – что?

Долгое время Крофорд молча пялился на черноту космоса в иллюминаторе. «Как одинок в нем маленький корабль, сплав человека и машины», – думал доктор. – «Ничтожная пылинка... Но она пролетает через недосягаемое ранее пространство...»

– Напрашивается только один вывод, – наконец заговорил он – Я не знаю, что такое Роджер Вескотт сейчас, но он не был человеком!

Джеффи вскочил. В глазах блеснула тревога. Он невнятно пробормотал:

– Слушай, док. Это же... безумие. Полный идиотизм.

– Без сомнения, идея безумная. Но давай, капитан, предположим, что планета совсем не мертва, как мы думаем. Предположим, там существует разумная жизнь, высокоразвитая, легко приспособливающаяся к любым условиям. Мы прибыли к ним нежеланными гостями и сами находились под наблюдением разумных существ, по разным причинам не желавших, чтобы их обнаружили. Предположим, что те районы планеты, которые мы исследовали, были так подготовлены, чтобы мы ничего не увидели и отправились

домой с пустыми руками. И предположим, в оправдание сказанному, что их формы разумной жизни не обладают такой жесткой анатомией, как наша. Скажем, они что-то вроде студенистой протоплазмы, способной видоизменяться под влиянием условий существования. Возможно, они способны превращаться в то, что хотят скопировать. И наблюдали за нами, приняв облик скалы, глины или... человека.

Взъерошив волосы, Джеффи испуганно посмотрел на доктора:

— Чушь! Я видел эту планету собственными глазами. Там ничего не было!

— Пусть будет чушь. — Крофорд согласно кивнул головой, но в его голосе чувствовалась убежденность. — Если эта чушь — правда, то можно предположить следующее. Жители Венеры хотели больше узнать о нас, о космическом корабле, о нашей планете. Каким образом они могли это сделать? Скажем, один из них отправился в чуждый мир, приняв облик человека. Не исключено, что убив Роджера Вескотта, он скопировал его наружность, его поведение в уверенности, что мы не отличим подделку от Вескотта и возьмем его с собой. Но он мог ошибиться при копировании. Не знал вначале состав человеческой крови. Это все-таки требует времени. И он отправился с нами идеальной копией, но только внешне. Что же касается внутреннего строения... Я взял у него на анализ кровь, и она оказалась такой, какой не бывает, не может быть. Он узнал о своих ошибках и постарался их исправить. Возможно, с помощью убийства человека — Шавера, например. И в его облике «умер», чтобы мы думали, что причина смерти — таинствен-

ная болезнь. И оставшееся время полета он постарается провести, изображая труп... Предположим, что это так...

– Предположим, что это так, – пробурчал капитан. – Значит, Вескотт – не Вескотт... Но как ты сможешь это доказать?

– Хороший вопрос. Мы не знаем, на какие «подделки» способны жители Венеры, и не знаем, как они добывают необходимую информацию. Но, предположим, он проникает в тело человека, изучает каждый нерв и клеточку, химические соотношения, механизм сознания. В таком случае копия должна быть без изъяна, выглядеть, как прототип, реагировать, как он, и до последней клеточки быть им. Кроме сознания, разумеется. Им движут свои принципы и интересы. «Подделка» может быть совершенной во всех отношениях.

Капитан и доктор посмотрели друг на друга. Они оба почувствовали страх и беспомощность. Джеффи задумался.

– Они могут причинить нам зло, не так ли? Делать что-либо подобное можно только с недобрыми намерениями, верно?

– Да.

– И мы можем привезти это домой?

– Да.

Капитан поставил чашечку с недопитым кофе.

– Док, ты уверен, что твой бред – правда?

– Боюсь, что да.

– И что же нам делать?

После долгого молчания Крофорд произнес:

– Не знаю. Пока не знаю. Но у меня возникла догадка.

Попытаюсь проверить на Вескотте. Я еще не слышал о подделке, которую нельзя было бы выявить. Вызови его, пожалуйста.

Постучав, в каюту вошел розовощекий голубоглазый парень. В руке шляпа, голова гордо вскинута, смотрит уверенно.

– Роджер Вескотт прибыл по вашему приказанию, сэр!

Бросив предостерегающий взгляд на побледневшего капитана, доктор Крофорд оглядел вошедшего. Это был обыкновенный, здоровый, жизнерадостный парень.

– Это я попросил тебя вызвать, – сказал доктор. – Какую работу ты выполняешь на корабле?

– Навигация, сэр. Я работаю со Скоттом Макинтайром и... работал с Доном Шавером.

Доктор переложил листок бумаги из руки в руку.

– Ты дурак, Вескотт! – резко произнес он. – Должен был понимать, в каком месте пытаешься воровать!

Парень растерянно взглянул на доктора. В каюте установилась напряженная тишина.

– Пытаюсь воровать? Я... я не понимаю.

– Ты хорошо знаешь, что я имею в виду. Деньги, собранные для вдовы Шавера, две тысячи кредитов, лежали в конверте на моем столе. Час назад я вышел из каюты. Через шесть минут вошел ты и сразу ушел. Деньги исчезли вместе с тобой. Тебе не кажется, что их было бы лучше вернуть?

Лицо парня вспыхнуло. Он умоляюще посмотрел на Джеффи, потом на доктора:

– Сэр, я не понимаю, о чем вы говорите! Меня послали

в вашу каюту, вас там не было, и я сразу вышел. Я не видел никаких денег.

– Тебя послали? Я догадываюсь... Пойми, Вескотт, кроме тебя, никто в каюту не входил. Ты должен понять, что будет проще, если ты сейчас же вернешь деньги. Это мое последнее слово. Мы тебя выследили и хотим, чтобы ты вернул деньги.

– Доктор, я ничего об этом не знаю. – Вескотт умоляюще посмотрел на Джеффи: – Капитан, вы были моим руководителем с самого начала моей службы. Вы же знаете, я не брал эти деньги. Я... я не способен украсть!

Капитан отвел глаза:

– Ты слышал, что сказал доктор... Думаю, тебе лучше последовать его совету.

С несчастным видом Вескотт переводил взгляд с одного на другого. На глазах выступили слезы.

– Вы не верите мне, – сдавленным голосом произнес он. – Считаете, что я лгу... Клянусь, я не брал эти деньги! И как я могу их вернуть обратно – у меня нет двух тысяч кредитов...

Доктор в негодовании хлопнул ладонью по столу:

– Ладно, Вескотт! Возвращайся на дежурство. Мы обыщем весь корабль. Деньги здесь, на борту, и мы докажем, что взял их ты. Мы найдем их, и тебе мало не покажется.

Парень удалился с поникшей головой.

– Я не могу позволить разыгрывать подобные штучки! – воскликнул капитан. – Слишком подло! Я не представлял, чем это обернется, пока не увидел, что стало с парнем. Это жестоко!

— Мы имеем дело с чем-то более жестоким. Разве обязательно видеть то, что наводит ужас? Разве радиация менее ужасна оттого, что ты ее не видишь? Или чума, или полиомиелит? Обо всем этом я думаю до изнеможения. Скажу прямо, Боб, я в таком ужасе, что не могу спать. Эта безжалостная тварь здесь, она свободно бродит по кораблю. А мы не только не можем ее обезвредить, но даже обнаружить. Если бы ее намерения были дружелюбными, она бы вела себя иначе. Ты не можешь этого не понимать. Она совершила два убийства, — два! — и вернется на Венеру, где лежат двое из нашего экипажа. Их убила эта «подделка», о которой мы говорим!

— Но он выглядит абсолютно нормальным. Его поведение естественное...

— Послушай, Боб! Неизвестно, какие ужасные вещи он может натворить на корабле, если мы его не разоблачим. Мы же не знаем его сил и способностей. Здесь он, по крайней мере, ограничен в действиях. А что будет, когда мы вернемся домой?.. Мы не имеем права привезти его на Землю!

— В таком случае сообщим экипажу, предупредим, чтобы остерегались...

— И потеряем возможность раскрыть его... Не будь наивным, Боб. Думаю, я найду способ поставить ловушку. Пока это только рассуждения, но, кажется, я что-то придумал. Разреши мне попытаться.

На лице Джеффи выразилось отвращение.

— Хорошо, — произнес он неохотно. — Надеюсь, что ты окажешься прав, ибо на корабле нет более оскорбительного слова, чем «вор».

- Есть, – спокойно сказал Крофорд.
- Какое?
- Шпион!

Когда капитан Джеффи и доктор Крофорд поднялись на возвышение, гул голосов в офицерской столовой стих.

– Я собрал всех, чтобы сообщить, что среди нас есть вор! – Голос Джеффи звучал резко. Рокот негодования поднялся среди экипажа. Взгляды устремились на капитана, – Деньги, собранные для вдовы вашего товарища, украдены – две тысячи кредитов. – Он переждал взрыв возмущения. – Если виновный вернет деньги доктору Крофорду, он не будет наказан. Пока деньги не найдутся, все передвижения на корабле воспрещены, игровые комнаты и библиотека закрыты. Даже когда мы приземлимся в Лос-Аламосе, ни один человек не покинет корабль, пока деньги не будут найдены. Все свободны!

Собравшись группами, люди возбужденно переговаривались, возмущались, грозили расправиться с вором. Крофорда передернуло: он представил, что значит это клеймо для члена экипажа. Возвращаясь в свою каюту, он увидел бледного Роджера Вескотта, стоявшего в одиночестве.

«Это единственное, что я мог сделать, – в сотый раз внушал себе доктор. – Я должен был так поступить и как врач, и как представитель человечества. Но капитан прав – так поступать подло... если Вескотт человек...»

В его голове мелькали картины: избитое лицо Вескотта... презрительные лица команды... ужас в глазах капитана. Если бы он мог рассказать все, что терзает его мозг, расска-

зять, ради чего это затеял! Если бы он мог со всеми разделить свою ношу! Но она целиком его...

Вескотт – подделка человека, умерщвленного на Венере... Но если он ошибается, настоящий Роджер Вескотт будет носить клеймо вора всю оставшуюся жизнь... Неужели он, Крофорд, ошибается?

Он взглянул на табло, показывающее время, оставшееся до приземления и принял решение.

Когда он шагал к изолятору, кулаки его были так крепко сжаты, что ногти почти впились в ладони. В лаборатории он запер за собою дверь и начал осматривать полки с реактивами, разыскивая бутылочку с белым порошком. Найдя, положил ее в карман.

– Боже, пожалуйста, не дай мне ошибиться, – бормотал он, тяжело дыша. – Пожалуйста, пожалуйста...

Человеческое тело неподвижно лежало на палубе. Глаза были закрыты, но чуждый, злой мозг напряженно пульсировал, посылая лучи жестоких мыслей, разыскивая в глубинах корабля родственный мозг. И тот откликнулся:

– Мы должны возвращаться... возвращаться... Мы обнаружены... он напал на след...

– Ни за что! – коротко и гневно послал сигнал первый мозг.

– Сейчас самый выгодный момент. Иначе мы будем далеко от дома, и никогда не сможем отсюда вырваться.

– Изменник! Трус! – заходясь в пароксизме злобы, вопил мозг. – Я тебя уничтожу!

– Но он выследил меня, этот доктор. Что он пытается

сделать? Я скопировал человека очень тщательно, он не мог меня разоблачить, но все-таки что он пытается сделать?

Вернулся презрительный отклик:

– Доктор болван, безмозглый олух! Ничего он не сможет.

– Но он что-то задумал! – в страхе металась ответная мысль. – Мы должны вернуться назад. Я ничем не отличаюсь от человека, но он подозревает...

Главный мозг, казалось, задохнулся в глумливом, жестком смехе:

– Он же не выследил меня, верит, что я человек. Он глуп. Не бойся. Скоро они приземлятся. – Мысль как бы вскипела в отвратительном восторге: – Подумай о множестве людей, в которых мы проникнем. Как это будет великолепно! Они окажутся у нас во власти, мы захватим корабль, возьмем их с собой.

– Но этот доктор... Мы должны убить его...

– Ни в коем случае! Они не посадят корабль, сожгут его, если заподозрят неладное. Нет, доктор, ха-ха, очень умен, пусть развлекается своими «ловушками». Не бойся!

– Но он загоняет меня в угол – не знаю как, но ясно чувствую... Нас следует вернуться, пока еще мы можем...

Злобный мозг как бы корчился от смеха, рассыпая в разные стороны ненависть.

– Не бойся, ты не один.

– Надеюсь, ты доволен, док? – угрюмо произнес капитан Джеффи. – Весь экипаж взбудоражен. Так затравили бедного Вескотта, что он не знает, куда деваться. Какова цель

этой затее? Если бы я знал, было бы легче. Дело зашло слишком далеко. Я почти не сплю — постоянно вижу затравленного Вескотта, и чувствую себя Иудой.

Он протянул руку, чтобы взять у доктора зажигалку. Крофорд дернулся, будто его ужалили:

— Не прикасайся ко мне!

Джеффи в испуге уставился на него. Доктор, тяжело вздохнув, пододвинул зажигалку:

— Извини. Шарахнулся, как испуганная кошка. Нервы стали ни к черту. Я боюсь всех и самого себя. Не забывай, Боб, Роджер Вескотт погиб совсем недавно под палящим солнцем Венеры. Я не ошибаюсь. Вот увидишь, все это не может долго продолжаться. Единственное, что мне нужно, — время и некоторое количество известного только мне порошка. И я получу ответ.

Он стоял, опасливо поглядывая на дверь.

— Можешь ты, наконец, сказать, что ищешь?

— Извини, — ухмыльнулся доктор. — После того, что я узнал, почему не предположить, что и ты «подделка»?

«Идиот! — возмущался собой доктор, направляясь в изолятор. — Идиот, идиот, идиот! Так проговориться! Дать понять капитану, что Роджер Вескотт, возможно, не единственная «подделка» на борту. Нет, впредь я не позволю себе такой ошибки. Никто не должен знать о моих подозрениях».

За дверью изолятора послышались шаги. Вошел Роджер Вескотт. Парень осунулся, глаза запали. Доктор усилием воли подавил жалость. Несколько мгновений парень молча

смотрел на него, затем сдавленно произнес:

– Доктор, я не брал деньги, и вы об этом знаете. Прошу, прекратите это!

Вскинув брови, Крофорд высокомерно спросил:

– Что – это?

– Обвинять меня в воровстве. Вы знаете, что я не вор. Вы это начали, и вы единственный на борту, кто может это прекратить. В последнее время я не слышал ни одного человеческого слова. Я больше не смогу этого вынести.

– За человеческим сочувствием ты обратился не к тому человеку. Попытайся найти его в другом месте.

Побледнев, Вескотт закусил губу:

– Я больше не могу, доктор. Если не прекратите, я повешусь.

Крофорд пожал плечами, насмешливо улыбнулся и холодно произнес:

– Ну что же, Вескотт, сходи с ума, вешайся, не буду мешать. Ступай.

Со слезами на глазах юноша удалился из лаборатории.

Вздохнув, доктор выдвинул ящик стола и достал маленькую бутылочку. Она была почти пуста, только немного белого порошка оставалось на дне. «Тебе лучше со мной не связываться, детка», – прошептал он, покачивая головой.

– Экипажу объявляется предпосадочная готовность! Приготовиться к уменьшению скорости в течение трех часов, – передала команду капитана трансляционная установка.

Осунувшийся, с воспаленными глазами доктор находился в каюте капитана Джеффи. Положив большой черный конверт ему на стол, он опустился в кресло.

— Значит, через несколько часов будем приземляться... Кажется, я успел вовремя. — Он показал на конверт. — Вот доказательство, Боб. Я поймал его с поличным.

— Вескотта?

— Вескотта... Он в ловушке... Я только что приказал ему вычистить воздушный шлюз. Тебе лучше пойти со мной, я хочу, чтобы ты увидел сам.

Осторожно вскрыв конверт, Джеффи вынул негатив:

— Это касается Вескотта?

— Да. Позже все объясню. А теперь пойдем со мной.

Отпустив офицера, проверявшего снаружи воздушный шлюз, они подошли к толстому стеклу барокамеры и заглянули в него. Вескотт находился там и чистил палубу.

С проворством кошки доктор защелкнул замок люка и нажал кнопку на панели. Вспыхнул красный свет, заработали компрессоры, выкачивающие воздух.

Сквозь стекло доктор и капитан видели, как Вескотт в ужасе вскочил. Донесся его приглушенный голос:

— Доктор, выключите машину — на мне же нет скафандра!

Тяжело дыша, капитан заворуженно смотрел на Крофорда:

— Что ты делаешь? Ты же убьешь его!

— Самое время! — прорычал доктор.

Лицо человека в камере исказил ужас.

— Выключите насосы, скорее выключите! — Его глаза вы-

лезли из орбит, лицо дергалось в бессильной ярости. — Остановите, я задыхаюсь!

Он бился головой о стену. Выступила кровь и, стекая по стене, превратилась в нечто, совсем не похожее на кровь. Руки вцепились в горло, он опустил на колени. Давление в камере падало и падало. Тело Вескотта извивалось, он задыхался от кашля. Кровь хлынула из ноздрей. Рухнув на палубу, он забился в конвульсиях и затих.

Тело Вескотта видоизменялось, теряло четкие очертания, превращаясь в сгусток липкой студенистой массы, похожей на гигантскую красноватую амебу. Она собиралась в густой комок, несколько мгновений вздрагивала и, наконец, замерла.

Крофорд оторвал взгляд от иллюминатора, обессиленно опустил на палубу и еле слышно произнес:

— Видишь, я не ошибся...

— Нет фальшивки, которую нельзя разоблачить, — сказал доктор. — Нужно только найти правильный подход. Обычно обнаруживаются недостатки строения или чужеродный материал. Но тут другой случай. Перед нами была подделка человека. Интуиция и анализ подсказали мне: мы имеем дело с копией человека, столь совершенной, что даже под микроскопом в тканях невозможно обнаружить изъян. Да, это был крепкий орешек... — Он налил себе и капитану кофе. — Можно было сделать несколько предположений. Это создание — житель Венеры — скопировало Вескотта, а затем поместило часть себя в Шавера, на случай, если мы разоблачим его «копирование». Морфологическая копия была

выполнена превосходно. Оно скопировало нервные схемы Вескотта и предусмотрело его реакции в разных ситуациях.

Все это было сделано искусно. Когда требовалось, он казался испуганным, сердитым, возмущенным. Креатура имела мозг Вескотта, воспринимала мир его глазами. Но несколько вещей, которые даже мозг Вескотта не контролировал, она не могла получить от его разума. Кроме того, сохранился его собственный защитный механизм, собственные бессознательные реакции. Чужак не смог скопировать только одно... Перед ним возникли серьезные проблемы, когда «Вескотт» был обвинен в воровстве. Он вел себя превосходно, так, как диктовал ему мозг Вескотта. Он возмущался, беспокоился, жаловался, сердился – все совершенно правильно. И пищу он ел с отвращением, как это делал бы Вескотт. Он в точности подражал ему от момента обвинения в воровстве. Но одно он не учел... – Доктор улыбнулся и показал на негатив, лежавший на большом черном конверте. – Это я вынул из-под его матраца. Последнее доказательство. Монстр разоблачил себя тем, что недостаточно хорошо знал реакции организма. Он не страдал тем, чем неизбежно страдал весь экипаж.

Джеффи мельком взглянул на негатив.

– Ты имеешь в виду...

– Конечно, – широко улыбнулся доктор. – У него не было расстройства желудка... А мой порошок действовал безотказно.

Теперь Земля в иллюминаторе была голубее и ярче, чем когда-либо после вылета на Венеру. Каждый член экипажа

занимался своим делом по обеспечению посадки.

Доктор Крофорд спешил по темному коридору в кормовую часть корабля. Он постарался уверить капитана, что считает проблему чужака закрытой. Он не хотел, чтобы о его подозрениях знал кто-то еще. Он не мог позволить капитану испортить свой замысел.

Наверное, стыдно не доверять Бобу Джеффи, но капитан, как и другие члены команды, должен оставаться в неведении.

Повозившись немного с люком, Крофорд попал в элинг, где находились спасательные модули. Подсвечивая карманным фонариком, он быстро действовал отверткой, выводя их из строя один за другим, и настороженно озирался, боясь появления кого-то или чего-то. Наконец все восемь модулей были испорчены. На их ремонт уйдет несколько часов.

Подавив внутреннее сопротивление, доктор забрался внутрь девятого модуля и направил его к открывшемуся бортовому люку. Не было слышно ни звука, кроме посвистывания крошечного двигателя. Когда модуль оторвался от корабля и вышел в свободное пространство, показалось, что двигатель облегченно вздохнул. Модуль полого спускался на теплую, зеленую Землю.

Все-таки они уязвимы, эти беспощадные выродки, уверял себя Крофорд. Смог же он обнаружить одного из них на борту, перехитрить и уничтожить. Почему же не сможет этого сделать со вторым или с третьим? Он содрогнулся, вспомнив дикую ярость «Вескотта», когда тот умирал, его смертельно ненавидящий взгляд.

А ведь по чистой случайности он обнаружил чужака. Глупо считать, будто тот был одиночкой.

... Час спустя модуль приземлился на космодроме Лос-Аламос. После шумных приветствий Крофорд с несколькими сопровождающими шагнул подземным переходом к зданию космопорта.

Огромный космический корабль стоял, подняв в небо серебристый нос, подобный прекрасной птице, готовый снова взлететь.

Доктор Крофорд вошел в кабинет шефа охраны космопорта.

– Можете отдать приказ команде?

Начальник кивнул и протянул голубой лист:

– Это его копия для вас, доктор Крофорд.

Доктор прочел и довольно улыбнулся.

«Все офицеры и рядовые космического корабля, исследовавшего Венеру, должны быть препровождены под охраной в госпиталь, где будут находиться в строгой изоляции. Доктор Крофорд обязан осуществлять контроль и обеспечить обследование каждого члена экипажа. Абель Фрэнсис, комендант космопорта».

Это действительно крепкий орешек, думал Крофорд. Выродки хитры, способны принимать любой облик, но их можно разоблачить. Каждый член экипажа будет тщательно обследован. Он, доктор, использует все способы, чтобы поймать чужаков. Он имеет некоторое преимущество перед ними – они не способны узнать, что он придумает для их разоблачения. Потребуется время и упорство, каждый кос-

монавт будет тщательно охраняться. Чужаки не смогут ускользнуть.

Начальник охраны показал список:

– Вот, доктор. Все они изолированы и надежно охраняются.

Крофорд остро взглянул на него:

– Все?

– Все. Я проверил каждого по фамилии и отпечаткам пальцев. Каковы будут дальнейшие действия?

– Я поднимусь на борт корабля за документами и своими заметками. – Он имел в виду шар красноватого желе, засыхающий в шлюзе. Нужно самому его исследовать. – Поставьте охрану и следите, чтобы никто больше не попал на корабль.

Он ступил на подъемник, двигатель заработал, платформа начала подниматься.

С грустью Крофорд посмотрел вниз, на здания Лос-Аламоса. Увидел в предместье улицу Кораллов, ведущую к его дому, к жене. Теперь недолго ждать встречи – нужно только сдать коменданту порта документы, и он сможет отправиться домой и спать, спать...

Откинулся люк, и Крофорд вошел на затемненный корабль. Привычного шума двигателей не было, и он ощутил душевную пустоту, тоску по космическому полету. Он свернул в коридор, ведущий к его каюте. Эхом отдавались шаги. Звуки последних шагов повторились и затихли. Крофорд напряженно прислушался. Что-то его насторожило – не то

звук, не то предчувствие. Холодея от ужаса, он вглядывался в могильную темноту коридора. Ладони вспотели от волнения. Он услышал звук, подобный слабому вздоху. Через минуту раздалось шуршание осторожных шагов.

На корабле кто-то был.

«Ты дурак, — кричал рассудок. — Ты не должен был подниматься на корабль». Он затаил дыхание. «Кто здесь? Никого не должно быть, но кто-то был. Кто?»

Тот, кто знал всю историю с Вескоттом, знал о чужаках на борту, знал, почему команда под охраной. Он побоялся покинуть корабль, потому что рано или поздно будет разоблачен. Тот, кто знал, что доктор подозревает его.

Крофорд крикнул:

— Джеффи!

Отразившись от стен, крик прозвучал идиотским смехом и затих. Доктор бросился к выходу. Тяжелый люк с грохотом захлопнулся перед ним.

— Джеффи! — завопил он. — Это твоя работа? Ты все равно не спасешься, слышишь меня? Корабль полностью блокирован. Я рассказал все. Они знают, что среди экипажа есть чужак. Ты разоблачен!

Сердце бешено колотилось. Он весь дрожал. Эхо замерло в коридорах. Крофорд подавил рыдание, вытер пот со лба. Как он мог забыть, на что они способны, забыть, что они могут копировать людей, забыть смерть Дональда Шавера, такой же подделки, как и Вескотт. Ведь капитан покинул корабль вместе с командой. Но нечто, его двойник, остался здесь, выжидая.

Чего?

С холодной обреченностью Крофорд достал из кармана бластер и двинулся по коридору, настороженно вглядываясь в полумрак, улавливая тихие, как вздох, чужие шаги.

Он сознавал, что чужак на корабле беспомощен и тщетно ищет способы выбраться на свободу. Монстр безжалостен, и Крофорд первым должен его обнаружить.

С верхней палубы раздался еле слышный звук. Задышавшись, Крофорд взбирался по лестнице. Он услышал, как со скрежетом отворилась дверь капитанской каюты и затем закрылась.

Крофорд осторожно поднялся на палубу. Из двери капитанской каюты пробивалась полоска света. Прокравшись вдоль стены, Крофорд приблизился к каюте.

– Выходи, Джеффи! – заорал он. – Тебе не спастись! Охрана схватит тебя или сожжет корабль и тебя вместе с ним.

Ответа он не услышал. Толкнув ногой дверь так, что она ударилась о стену, Крофорд вошел в каюту, поводя вокруг бластером. Каюта была пуста.

Вдруг он закричал от огненной боли в плече. Бластер с грохотом упал на пол. Крофорд обернулся и завопил от ужаса. В дверях стоял высокий худой человек с копной нечесанных волос, с воспаленными глазами, заросшим черной щетиной подбородком. Легкая улыбка скользила по его губам.

Крофорд кричал, обезумев от ужаса. Он кричал и знал, что никто его не слышит, – из дверного проема на него смотрело собственное лицо.

Скрипел подъемник, извещая мир о своей усталости. Платформа опускалась все ниже и ниже. Доктор Крофорд

ступил на землю. Его лицо исказила искусственная улыбка. Он потер щетинистый подбородок и сказал начальнику охраны:

– Пойду домой и побреюсь. Вернусь завтра и передам все документы. Усильте охрану изолятора и корабля.

Начальник согласно кивнул и пошел к посадочной площадке.

Доктор медленно спустился к зданию космопорта и через вестибюль вышел на площадь.

Он помедлил – его инстинктивно повлекло на улицу Кораллов, к дому, к жене. Но глаза жестко блеснули. Он нетерпеливо спустился в туннель и исчез в толпе, направлявшейся к сердцу города.

ВОЗЛЮБИ ОВУПА СВОЕГО

Когда Барни Холдер вошел в дом в тот вечер, на визиофоне в библиотеке бешено мигал сигнал «срочно». Барни устало взглянул на него, бросил шляпу на полку и крикнул жене:

— Я дома, дорогая!

Жена оторвалась от журнала.

— Вижу, — безразлично произнесла она, проведя рукой по красивым белокурым волосам. — Сегодня с опозданием всего на два часа. Ты с каждым разом становишься все пунктуальнее.

Она снова вернулась к журналу.

— Если ожидаешь ужина, — добавила она, — придется поискать что-нибудь съестное. В обед в дом забрались твои маленькие друзья.

— О боже, Флора! — Барни застыл в дверях, беспомощно поглядывая на мигающий сигнал вызова. — В самом деле, дорогая, неужели нельзя было прикрыть еду так, чтобы до нее не добрались. — Он обиженно взглянул на нее.

— Ага, запереть ужин в сейф, — огрызнулась Флора. — Тебе давно следовало избавить нас от этих мерзких тварей, а не кормить их. — Она мотнула головой и прожгла взглядом его насквозь, когда он направился к визиофону. — И ответь,

наконец, на этот вызов. Лампочка мигает уже полчаса.

Барни щелкнул клавишей. Экран вспыхнул и поплыл волнами, потом на нем четко обрисовалось широкое лицо Хьюго Мартина. Лицо у начальника Барни бывало обычно круглым и румяным, теперь же его щеки сделались пурпурными, а глаза вытаращились от возбуждения.

– Барни! – закричал он. – Один попался!

Барни так и сел, сердце в груди затрепетало от волнения.

– Ты шутишь, – быстро отозвался он. – Хочешь сказать, у нас...

Мартин, сам едва в состоянии говорить, затряс головой:

– Один попался! В нашей лаборатории! Прямо сейчас сидит тут и корчит мне рожи. Помнишь ту ловушку, что ты соорудил?

– Чушь, – отрезал Барни. – Никому еще не удавалось поймать овупа. Хоть пятьдесят ловушек придумай, все равно без толку... – Он запнулся и посмотрел на багровое лицо, сверкающее глазами с экрана. – Или ты серьезно?

– Конечно, серьезно! Говорю тебе, один попался в ловушку прямо в лаборатории. Возможно, теперь мы найдем способ, как избавиться от этих мерзких... – Он оборвал фразу и встревоженно оглянулся через плечо. Потом продолжил, понизив голос. – Слушай, Барни. Немедленно дуй сюда и, пожалуйста, не болтай лишнего, а то нам проходу не дадут. Просто приезжай, и, может, нам удастся что-нибудь выжать из этого уродца.

Барни щелкнул выключателем и снова натянул пальто. Сердце его отчаянно колотилось. Двинувшись к двери, он столкнулся с женой.

– Из-за чего шум-гам? – спросила она. И тут ее хорошенькое личико исказилось от злости. – Куда это ты намылился в такой час?

Барни шарил по полке в поисках шляпы.

– Мы поймали овупа, – ответил он. – Я еду в лабораторию посмотреть на него.

– Очень смешно, – без малейшего веселья в голосе проговорила Флора, недовольно расширив глаза, серые и большие. – Расскажи еще что-нибудь. Как же! Ты – последний человек в мире, от которого можно ожидать, что он поймает овупа!

– Это не шутка, – настаивал Барни. – Овуп в лаборатории у Мартина, я еду туда. Сожалею, что приходится оставлять тебя в одиночестве на ночь глядя, но...

Он поправил шляпу и решительно шагнул за дверь.

Его машина стояла припаркованная возле дома. Он почти дошел до нее, когда заметил руль, валяющийся на лужайке, и увидел торчащий из-под капота мохнатый зад.

– Эй! – завопил Барни, немедленно приходя в ярость, и бросился к машине, отчаянно грозя кулаком. – Вон отсюда! Убирайся прочь!

Зад внезапно исчез, вместо него из-под капота высунулось морщинистое коричневое личико и злобно подмигнуло ему. Барни увернулся, когда мимо уха просвистела свеча зажигания, в горле у него клокотала бессильная ярость, когда маленькое коричневое создание стремглав пересекло лужайку и остановилось у колючей изгороди, подпрыгивая на месте и в злобном веселье хлопая в ладоши.

От дурного предчувствия у него засосало под ложечкой, и Барни заглянул под капот. Распределитель зажигания исчез, все свечи были вывернуты, генератор изуродован, а в моторе напрочь отсутствовали крепежные болты.

Барни выругался и погрозил кулаком исчезающему под изгородью коричневому мохнатому шару. Сердито захлопнув капот, он вышел на угол и остановил проезжающее такси. Судя по всему, кисло размышлял он, это будет очень тяжелая ночь.

Овупы появились примерно год назад, в один из знойных августовских дней, и появление их было столь же примечательным, как и сами эти создания. В тот злополучный день дочь какого-то фермера прибежала домой вся в слезах, с большим красным рубцом на руке. В ответ на расспросы она начала городить какую-то чушь про «обезьянок, вылезающих из земли». Выдумала она это или нет, но рана на руке была достаточно убедительной, и потому фермер отправился на проверку.

Он нашел их на южном пастбище – вылезающих друг за другом из странной круглой и переливающейся воронки: маленьких, мохнатых, похожих на гиббонов, быстрых, стремительно выскакивающих и присоединяющихся к стоящей неподалеку группе уже вылезших, шипящих и рычащих равно друг на друга и на фермера. Вылезло их примерно две дюжины, а затем сияющее кольцо внезапно исчезло, и маленькие коричневые создания рассеялись, припустив к лесу, двигаясь зигзагами с невероятной скоростью, пока не пропали в чаще.

Фермер сообщил о происшествии в местную газету, и над ним дружно посмеялись. В конце концов, обезьянки ведь так просто не выскакивают из-под земли. И действительно, почти неделю о них не было ничего слышно, никто их больше не видел. Фермер озадаченно поскреб небритый подбородок, крепко отлупил дочку за выдумывание басен и вернулся к пахоте.

Для подтверждения этих событий потребовалась всего лишь неделя. Сперва их увидели в соседнем городке. Среди бела дня по главной улице пронеслась троица трехногих рычащих существ, передвигающихся странным образом и царапающих всех, кто имел несчастье попасться им на глаза. А затем сообщения посыпались со всех сторон: от старой девы – учительницы, узревшей, как маленькое мохнатое животное рисует мелом на тротуаре непристойности; от бизнесмена, вышедшего утром из дома и обнаружившего свой новенький автомобиль разобранным на лужайке; от священника, попытавшегося прогнать один из мохнатых коричневых комков с крыльца своего дома и произнесшего много недостойных священнослужителя слов, когда его в результате этих стараний покусали. Первоначальные две дюжины стали четырьмя, а потом и восемью, так как отвратительные создания размножались (и распространялись, надо добавить) с невероятной скоростью.

Название свое они получили, когда один предприимчивый репортер совершенно точно окрестил их Очень Важной Угрожающей Проблемой, а телеграфные агентства и радиостанции подхватили вполне естественное сокращение: ОВУПы.

Они достигли соседнего крупного города, продолжая увеличиваться в числе, кусая людей, раздирая им одежду в клочья, визжа что-то невнятное, опустошая холодильники, изжевывая снаружи оконные рамы, взламывая почтовые ящики и перебрасываясь письмами, портя моторы, переводя стрелки трамваев, шипя, рыча, плюясь, прожигая всех злобными взглядами, дергая людей за волосы и кусая их за лодыжки, не давая никому ни минуты покоя.

Волна жалоб захлестнула полицию. Посыпались требования, чтобы кто-нибудь нашел способ избавиться от этих тварей. В конце концов, говорили люди, крыс можно истребить, москитов тоже, а почему не овупов, которые досаждают куда больше, чем первые и вторые вместе взятые.

Но овупы представляли собой куда более трудную проблему. Во-первых, их никто не мог изловить. Двигались они с невероятной скоростью – так быстро, что их нельзя было даже подстрелить. А во-вторых, они были умны, просто поразительно умны!

Для них понастроили ловушек, и, можете поверить, это были невообразимо сложные ловушки. Но овупы похищали из них приманку и лишь презрительно шипели, когда люди пытались сообразить, как овуп мог вытащить приманку, не оказавшись сам в западне. В последующие месяцы поток жалоб только разрастался, как снежный ком, так как овупы все множились и множились, становились все наглее и наглее, мучая людей, досаждая и отравляя им жизнь, кусаясь и царапаясь.

За несколько месяцев в стране не осталось ни одной общины, большой или малой, где не появилось бы хоть одно

из этих мерзких созданий. И все же никого из них так и не смогли изловить.

Корабли выходили в море с ними на борту, и вскоре в Капитолий полетели гневные сообщения из Индии, Европы и Азии. Городки и города зывали о помощи к Штатам, а Штаты умоляли Конгресс сделать что-нибудь, все что угодно – лишь бы избавить страну от этой вторгшейся к ним мохнатой коричневой чумы.

Люди выходили из себя от злости, и чем больше они сердились, тем больше, казалось, появлялось овупов, дабы еще больше рассердить людей.

И вот тогда была образована Комиссия Конгресса... само собой, Комиссия слегка недоумевающая, поскольку никто по-настоящему не знал, с какой стороны подступиться к решению проблемы. Социологи утверждали, что овупы – разумные существа, заслуживающие тщательного социологического изучения. Физики настаивали, что каким бы образом они ни прибыли на Землю – с помощью временного экрана или передатчика материи, – они обладали знаниями, имеющими огромную важность для мировой науки. Медики мирно соглашались, что если овупы происходят из другого мира, – а очевидно, так оно и было, – то они скоро перемрут от местных микробов.

Средний же человек с улицы скрежетал зубами, страшился с шеи мохнатый рычащий комок и тревожил глухие небеса горячей молитвой о том, чтобы кто-нибудь поймал хотя бы одного овупа или сделал хоть что-то.

Национальная комиссия по контролю над овупами вывалила пеструю смесь разнообразных точек зрения на

головы Барни Холдера, скромного исследователя и преподавателя социологии, и Хьюго Мартина, темпераментного консультанта ВМС США по истреблению грызунов, и, сведя их вместе, с облегчением взвалила решение проблемы на их плечи.

Овуп стоял, скорчившись, в центре клетки, гневно поблескивая черными бусинками глаз, топорща округлые уши на круглой мохнатой голове и морща обезьянью мордочку в омерзительных гримасах. Два торчащих изо рта крупных резца окаймлял двойной ряд острых, как иглы, зубов. Зверек нервно балансировал на трех костлявых ногах. С виду он походил на сердитого гномика шестидесятисантиметрового роста, буквально излучающего острую ненависть к людям.

— Выглядит не очень-то довольным, — заметил Барни, разворачивая кресло, чтобы получше разглядеть маленький источник крупных неприятностей.

Хьюго Мартин вытер большим платком вспотевшее мясистое лицо и злорадно рассмеялся:

— Был бы ты здесь, когда этот маленький поганец увидел, что не может выбраться из западни. Не знаю, есть ли у них язык, но если есть, то грязный овупишка употребил все известные ему ругательства... Не очень-то довольный? Барни, ты никогда не видел ничего более взбесившегося! — Мартин плотоядно облизнул толстые губы. — Самое время взбеситься одному из них.

Барни усмехнулся и посмотрел на овупа.

— И все-таки я не пойму, — сказал он наконец. — Эти мел-

кие бестии расщелкали все придуманные нами ловушки, а ведь эта была довольно очевидной – раскрытый настержь зеркальный лабиринт с чувствительной к весу диафрагмой. – Он поднял взгляд на сидевшего напротив него массивного босса. – Как она сработала?

Мартин хмуро взглянул на овупа:

– Я бы сказал, он пал жертвой собственной злости. Проник в здание утром и провел тут весь день, мучая лабораторную кошку. Довел ее до того, что та перестала соображать от бешенства и попыталась сбежать от него в лабиринт. Затем она попала в ловушку, что испугало ее еще больше, и не успел я ахнуть, как овуп очутился рядом с ней, дергая ее за хвост и воя не хуже Неда. Он, кажется, так и не заметил, что попался-таки, пока мы не выпустили Пусси через отверстие для приманки! А потом, – он злобно усмехнулся, – оп! У нас остался лишь один взбешенный зверек!

Барни подошел к клетке, спокойно разглядывая коричневого гномика. Овуп злобно глядел ему в лицо, не отводя взгляда.

– Маленький овупик, – задумчиво пробормотал себе под нос Барни.

Овуп сгорбился и сплюнул. Говоря ласково и успокаивающе, Барни протянул руку:

– Брось, малыш, почему бы нам не подружиться? В конце концов, раз уж ты здесь, мы вполне можем поговорить... У-у-у!

Он резко отдернул руку и увидел маленький полукруг окровавленных ранок, оставленный острыми, как иголки, зубами. Овуп запрыгал на тощей ножке, шипя и визжа в

зловном веселье. Барни почувствовал, как его лицо багровеет от гнева.

– Ну, а вот это, – произнес он нетвердым голосом, – было не очень-то любезно с твоей стороны.

Овуп уселся, самодовольно почесывая белое брюхо и бросая на Барни пренебрежительные взгляды.

Хьюго Мартин нехорошо засмеялся:

– С таким подходом ты ничего не добьешься. Меня он уже трижды цапнул. По-моему, с ним надо обращаться по-жестче. Это же злобная маленькая бестия.

– Нет, нет, – Барни покачал головой и провел рукой по своим темным волосам. – Ни в коем случае. Эти малыши разумны. Они не глупы, ведь вплоть до сегодняшнего дня им удавалось перехитрить всех, кто пытался их изловить. Они определенно мыслят. К тому же на высоком уровне. А раз они разумны, то мы так или иначе сможем достучаться до них.

Барни вытащил из жилетного кармана трубку и принялся набивать ее.

– Если это действительно внеземные существа, то они определенно должны обладать научными знаниями, иначе как бы они попали сюда. Может, если мы предложим ему немножко еды...

Мартин в очередной раз промокнул лоб и фыркнул.

– Можешь попробовать, если хочешь, – проворчал он. – А я к нему не желаю приближаться.

Барни взял со стола кусочек хлеба и подошел к клетке, внимательно следя за реакцией мохнатого пленника. Овуп скептически поглядел на хлеб и напряг мускулы ноги. Затем

он неуловимым движением выхватил хлеб из пальцев Барни, оставив при этом на тыльной стороне его ладони еще один рубец.

— Ах ты дрян... — с внезапной яростью Барни ударил оупу сквозь прутья клетки. Тот, прижавшись к прутьям, словно маленький злобный гиббон, злорадно поблескивал черными глазенками, шипел и издавал глухие мерзкие звуки. Барни почувствовал лютую ненависть, когда создание, подпрыгивая на одной ноге, пожирало хлеб и злобно верещало от восторга.

Руки Барни дрожали, и, усевшись, он крепко стиснул подлокотники кресла.

— Еще немного, — пробормотал он, облизывая укушенную руку, — и я выйду из себя.

Он бессильно посмотрел на Мартина.

— Как может живое существо быть таким неестественно злобным? Что надо сделать, чтобы добиться от него хотя бы нейтральной реакции?

— Это бесполезно, — сердито отозвался Мартин. — В этих тварях нет ничего симпатичного.

— Но должен же быть какой-то способ наладить контакт с ними.

Барни задумчиво потер подбородок.

— Слушай, — сказал он вдруг. — Мы получаем от людей разные письма. Оупы досаждают мне, досаждают тебе, но некоторых людей они вообще не беспокоят.

Хьюго Мартин недоверчиво моргнул.

— Я думал, они беспокоят всех.

Барни порывлся в столе.

– Не всех. Вот послание, доставленное вчера из Бюро переводов.

Он извлек из ящика стола большой свиток пергамента с прикрепленным к нему листом писчей бумаги.

– Бюро переводов?

– Да. Оно пришло из какого-то местечка в Индии. Давай посмотрим, что в нем сказано:

Нашим братьям на Западе. Мы хотим напомнить вам, что вся материя – ничто, существует только дух. Все тела материальны, тела из этого и всех других миров, сущих перед Богом. Научившийся пренебрегать материальным делает первый шаг на пути к Просветлению. Те, кого вы называете овупами, всего лишь материя и как таковая могут быть со временем отринуты и, таким образом, низведены до безвредности.

Барни прекратил чтение.

– Да, да! – воскликнул раскрасневшийся от волнения Хьюго Мартин. – И как же они советуют избавиться от них?

Барни выронил свиток на пол.

– Никак, – мрачно сказал он. – Это все, что там написано. Но погоди, вот еще письма! Например, от францисканского монаха, советующего отгонять их молитвой и постом. Или от молодоженов. Они пишут, что овупы не приближались к церкви, когда они венчались, но вторглись к ним в коттедж целой дюжиной на четвертый день медового месяца.

Барни задумчиво почесал в затылке.

– Религия! – вскричал, вскакивая с кресла, Мартин, взволнованно раздувая щеки. – Все эти письма связаны с ней! Может быть, они боятся ее, а может, просто не выносят

молитвы. А вдруг для их изгнания нам всего лишь нужно обратиться к религии?!

Мартин в волнении зашагал по лаборатории.

– Может быть, от этих скверных тварей удастся отгородиться крестным знамением.

– Может быть, есть все-таки религиозный путь, – внезапно загорелся Барни. Он пристально поглядел на овупа, сердито надувшегося в углу клетки. – Пойдем-ка попьем кофе и хорошенько все обдумаем.

Они сидели в небольшой кофейне. Хьюго Мартин иногда что-то бормотал под нос, а Барни просто прихлебывал кофе и думал.

В маленьком скверике напротив собралась толпа, и на грубо сколоченные подмости взобрался оратор. Внезапно громкоговоритель рывкнул прямо в ухо Барни, резко оторвав его от размышлений об овупах.

– Это проклятие дьявола, чтобы покарать нас, грешных, – ревел голос в толпу. – Мы должны бороться, вот что нужно делать! Нужно биться с дьяволом на его же территории! Мы должны пасть на колени и молиться!

Толпа придвинулась поближе, упиваясь огненными словами.

– Он наслал на нас эту чуму за прегрешения наши! – гневно вопил евангелист. – Мы должны сплотить наши ряды и сражаться с дьяволом. Нам нельзя давать слабину, ибо тогда адский огонь сожжет нас и адская сера проймает нас до самого нутра!

Голос с другой стороны улицы напряженно и хрипло вещал:

– Если мы хотим очиститься, мы должны пасть на колени и молиться! – Он свирепо нахмурился и потряс в гневе кулаками. – Мы должны очиститься, и тогда Господь Всемогуший избавит нас от напасти!

Барни Холдер подошел к окну и уставился на оживленно жестикулирующего проповедника.

– Ты только посмотри, что происходит!

– Да это же старина Саймс. Он забирается туда каждый вечер и толкает речь, пока не перевозбудится.

– Да нет, ты посмотри на трибуну!

Проповедник кричал все громче, багровый от возмущения, а на подмостках сидели, плясь на оратора глазами-буравчиками, наслаждаясь каждым его словом и порывкая, пятеро крупных мохнатых овупов.

– На нас обрушилось проклятье Всемогущего! – Проповедник остановился на секунду, чтобы стряхнуть подбежавшего и укусившего его за ухо овупа. – Вон, проклятый маленький... Истинно говорю вам, мы должны молиться!

Внезапно овупы заполнили всю трибуну и облепили проповедника, разрывая ему брюки, вытаскивая шнурки из ботинок, щипая, царапая, шипя и воя, пока тот, взыв от бессильной ярости, не спрыгнул, как безумный, с трибуны и стремглав бросился по улице, расшвыривая овупов ударами и пинками.

Барни плюхнулся в кресло.

– Вот так, – печально изрек он. – Религия на не поможет.

Как только они вошли в лабораторию, плененный овуп принялся визжать и вопить, злобно грызя прутья клетки.

– Что же нам делать? – простонал Барни. – Должен же быть какой-то способ усмирить их.

– Говорю тебе, ничего мы не можем. – Хьюго Мартин хмуро поглядел на зверька в клетке. – Все что нужно – найти способ убить их, и все. Перестрелять их не получится – они попросту увернутся от пуль. К яду они и близко не подойдут, а газ их, кажется, ничуть не беспокоит.

Массивный шеф по науке в ярости пнул клетку.

– Барни, нет смысла пытаться наладить с ними контакт. Они не хотят быть друзьями. Они насквозь мерзкие. Я терпел выходки этих мелких паразитов сколько мог, но теперь я уже на пределе. Впрочем, и все остальные тоже. Они сводят людей с ума, и наша задача – найти способ избавиться от них.

Он зло понизил голос:

– Мне пришлось купить три машины – три новенькие машины! – потому что эти твари раскурочили их. В доме голод, потому что я не успеваю покупать продукты. У меня их целый выводок: живут в моем доме, кусают моих детей, издеваются надо мной, пугают жену и засоряют канализацию. Я не могу больше терпеть! Долго я этого не вынесу, говорю тебе! А ты думаешь только о том, как вступить с ними в контакт! Ха! Повторяю: надо найти способ убить их!

Овуп переключил внимание на Мартина. Он, прижавшись к решетке, глядел на грузного мужчину с неподдельным интересом, почти жадно, когда голос того поднялся до неистовства. Барни следил за овупом внимательно и почувствовал, как по спине у него пробежал холодок.

— Хьюго, — тихо позвал он. — Этот малыш чувствителен к тебе. Посмотри на него! Готов поклясться, что он наслаждается каждым сказанным тобой словом.

— Ну, надеюсь, он поперхнется ими! — прорычал Мартин. — Потому что ему из этой клетки живым не выйти.

Он повернулся к овупу, испепеляя его взглядом, полным бессильной ненависти.

— Паразит! Почему бы вам не убраться туда, откуда вы пришли?

Внезапно замигал сигнал телевызова. Мартин бросил на овупа последний злой взгляд и поднял трубку.

— Лаборатория, — ответил он, затем скорчил гримасу и поманил Барни пальцем. — Минуточку, Флора.

Барни взял трубку.

— Да, Флора, — спокойно сказал он. Возникла пауза, пока трубка сердито кричала. Наконец он произнес: — Флора, я же предупредил тебя, что еду в лабораторию. Возможно, пробуду здесь всю ночь. Ах вот как? Ну а что, по-твоему, мне предлагается тут делать? Выгони их! Я здесь играю в пятнашки с другим овупом!

Он швырнул трубку на рычаг, оборвав сердитый визг жены.

— Надо что-то делать, — бормотал он, идя через комнату с затравленным выражением в глазах. — Эти овупы так накрутили Флору, что она не дает мне ни минуты покоя.

Мартин лукаво покосился на него.

— По слухам, вы с Флорой увлекались этим задолго до появления овупов.

Барни бросил на него угрюмый взгляд и опять прошаркал к клетке.

– Я не могу поладить даже с женой, – убито признался он. – Так как же я смогу подружиться с одной из этих тварей?

Он с ненавистью взглянул на овупа, а тот с такой же злобой прожег его взглядом в ответ.

– Возможно, ты прав, Мартин. Нам следует избавиться от них. – Он с яростью повернулся к мохнатому пленнику. – Не сомневайся, мы найдем способ убить тебя. Мы уморим тебя голодом или принесем скорострельный пулемет – уж он-то наделает в тебе дырок. Мы просто пытаемся вести себя любезно, но мы сотрем тебя с лица земли, если ты откажешься сотрудничать с нами.

Овуп сидел выпрямившись, точь-в-точь словно понял сказанное. С великолепным презрением он сплюнул на пол. А затем повернулся, забрался в угол клетки и уселся на все три ноги, моргая, как сыч.

Барни долго сидел, глядя на него.

Ужинать на следующий вечер он прибыл домой рано. Флора встретила его в дверях, являя собой потрепанную комбинацию слез, злости и страха.

– Эти подлые маленькие твари снова забрались в дом, – взвыла она с порога. – Я не смогла их остановить. А один из них укусил меня.

Она со злостью набросилась на Барни:

– Что ты за человек, Барни Холдер? Считается, что ты умный, толковый, а не можешь найти способ оградить от них собственный дом. Тебе наплевать, что происходит со мной, когда ты уезжаешь. Я думала, что выхожу замуж за

башковитого парня, а он оказывается второразрядным учительшкой, не способным перехитрить даже овупа!

Она разразилась слезами и опустилась на диван, держась за укушенную лодыжку.

— Это несправедливо, дорогая, — попытался оправдаться Барни. — И ты отлично это знаешь! Я делаю все, что в моих силах.

— Ну, значит, всех твоих сил недостаточно. Смотри! Они здесь, в нашей гостиной, разглядывают нас!

Так оно и было на самом деле, спору нет. Два мохнатых коричневых зверька сидели в гостиной, презрительно оттопырив верхние губы, и рычали друг на друга. Оскалив зубы, косясь злыми глазенками на Барни и Флору, они при этом колотили, дергали за мех, кусали и оплевывали друг друга. Зверек побольше нанес меньшему сокрушительный удар, от которого тот со злобным рычанием полетел кувырком через всю комнату, но сумел подняться и вернулся, визжа еще громче, чтобы врезать маленькими кулачками по морде большому. Сражение шло бурно, но, как показалось Барни, в их драке было что-то странное. Очень своеобразная драка. Они рычали, кусались, визжали, колотили друг друга, но почему-то...

— Флора! — В мозгу Барни внезапно вспыхнул свет озарения: одна мысль, невероятная и нелепая. Он с интересом посмотрел на жену, а потом опять на сцепившиеся мохнатые комки. — Флора! Они не дерутся! Они занимаются любовью!

Флора моргнула наполненными слезами глазами, с тревогой посмотрев на овупов. Меньший как раз вцепился когтями в мордочку большого.

– Чушь! – отрезала она.

– Нет, нет, посмотри на них! – Глаза Барни засветились, и он мигом пересек комнату, оказавшись рядом с женой.

– Вставай! – приказал он.

Флора дважды моргнула.

– Не встану!

Барни быстро протянул руку, схватил ее за запястье и рывком поднял на ноги. Прежде чем она успела что-либо сделать, он свирепо сгреб ее в объятия и крепко прижался губами к ее рту. Она попыталась взвизгнуть сквозь поцелуй, выкручиваясь и отталкивая его.

– Барни, немедленно прекрати это!

– Заткнись!

Твердость его голоса остановила ее, почти напугав.

– Сейчас ты сядешь, – взволнованно прошептал Барни, – а потом поцелуешь меня, прямо здесь, на кушетке. И будь любезна заткнуться, пока делаешь это!

Ошеломленная Флора села, а Барни уселся рядом с ней и снова сжал в объятиях.

– Барни...

На долгий миг в гостиной наступила тишина. Затем она воцарилась на еще более значительное время.

– Барни, – теперь голос ее смягчился, да и выражение лица тоже. Оно стало милее, чем Барни видывал долгое время. Он снова поцеловал ее, совершенно забыв про овупов. – Барни, мы уже давно не целовались на кушетке.

– Умммммммммммммммм.

– Слишком давно.

– Да, Флора.

– Нам следует... Может попробуем заниматься этим почаще?

Звук, странный звук. Они с трудом оторвались друг от друга и увидели сердито вылупившихся на них двух овупов – овупов, забывших о драке и теперь пятившихся от них прочь, сгорбившихся и дрожащих от ужаса.

Внезапно овупы повернулись и стремглав выскочили за дверь.

– Ты окончательно рехнулся, – заявил несчастный Хьюго Мартин. – Ты не понимаешь, что говоришь. Ты сошел с ума. И если ты думаешь, что я проглочу эту чепуху... – он нервно сглотнул, встряхнув двойным подбородком, – то ты вдвойне сумасшедший.

Толстяк проковылял обратно к столу, пылая побагровевшим лицом. Барни лишь непринужденно улыбался в ответ. Его худощавый подбородок был гладко выбрит, а глаза довольно поблескивали.

– Я не ошибаюсь, Хьюго. Я все-таки нашел рецепт. Он может показаться нелепым, но ведь все это дело – сплошная нелепость. Моя идея сработает, ставлю на это свое жалованье!

Барни уселся в кресло напротив клетки с овупом, стараясь не облокачиваться на укушенную руку.

– Давай взглянем на это так, – предложил он. – Что делали люди всякий раз, когда переселялись в новые края? Они приспособлялись к новой среде обитания? Пытались «отуземиться», действительно стать такими, как открытые ими народы? Пытались вписаться в местную экономику и

культуру? Никогда! Куда бы они ни переселялись – в Индию, в Африку, в Китай, повсюду повторялась одна и та же, старая, как мир, история. Люди пытались преобразовать среду обитания под свой вкус, пытались сделать ее похожей на обстановку, как у себя на родине. Температуру, обычаи, культуру. Последнее, что могло прийти им в голову, – это изменить свои культурные традиции в соответствии с чуждой культурной средой. А если они понимали, что новая среда не поддается изменениям, враждебна и неизменно чужда, они всегда убирались восвояси.

– Но овупы! – нетерпеливо перебил Мартин. – Не понимаю, какое это имеет отношение к...

– Прямое, – перебил Барни. – Овупы прибыли с другой планеты, из другого мира. Они разумны, это факт, и культура у них тоже есть – впрочем, довольно скверная культура. У людей глубинная культура основана на мире и семейной любви – древний знак протянутой руки, гласящий: «У меня нет оружия». Человек, как правило, стремится жить в мире, без забот, и берет этот мир с собой в чужие страны. А там, где эти страны слишком враждебны, слишком неприятны ему, он в конечном итоге уезжает домой несолоно хлебавши.

И все же в другом мире – в мире овупов – культура может базироваться на совершенно иной концепции. Концепции, нетерпимой для людей. Она, представь, основана во все не на мире. Она основана на ненависти. Чистой, богатой, зрелой, интенсивной ненависти.

У Мартина расширились глаза.

– Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что они ненавидят друг друга и всех остальных. Ненависть — их жизненная сила, фундамент их моральных ценностей. Они живут, едят, спят и умирают с ненавистью в каждой мысли. Мысль о доброте и любви для них непостижима, невероятна, страшна и чужда. Они прибыли сюда, не имея ни малейшего представления об абстрактной концепции любви, и ожидали найти здесь ту же ненависть. А обнаружили то, что было для них ненавистным и враждебным — культуру, основанную на любви и мире. Но овупы увидели или каким-то образом почувствовали, что люди при определенных обстоятельствах способны к ненависти, а им только это и требовалось. Этим созданиям нужно было просто малость изменить обстановку, вот и все. Они хотели только одного — чтобы их ненавидели!

— Ну, они добились того, чего хотели! — прорычал Хьюго. — Я ненавижу их всей душой — надеюсь, я говорил тебе об этом. Господи! Как я их ненавижу, я так сильно их ненавижу...

— И поэтому ты притягиваешь их к себе. Они заполнили твой дом — такая сильная от тебя исходит ненависть. Они не хотят иметь ничего общего с мистиками или монахами. Они, рискуя жизнью, мучают кошек и собак, но никогда, повторяю — никогда! — не трогают коров. Они сбегаются к тебе потому, что ты предоставляешь им именно такую, полную ненависти атмосферу, какая им нужна. Неужели не понимаешь, что отсюда вытекает, старина? Если ты будешь ненавидеть их, они останутся рядом. Множась и процветая!

Он поднял лукавый взгляд на грузного шефа.

– Но если ты полюбишь их!..

Тяжелая челюсть Хьюго Мартина задрожала, а в изумленных глазах появилось что-то похожее на слезы.

– Барни, – слабо выдохнул он. – Минуточку, Барни. Это не может быть правдой.

Он со страхом взглянул на овупа, вперившегося в него взглядом из-за решетки.

– Все что угодно, только не это, Барни... Я... Я... не смогу себя заставить...

– Тебе придется возлюбить их, – твердо заявил Барни.

По толстым щекам Мартина скатилась одинокая слеза страдания. Он двинулся к клетке, косолапя, словно обиженный ребенок, потом остановился.

– Но... но что я могу сделать? – взвыл он. – Это все равно, что возлюбить тысяченожку или что-нибудь в этом роде. Это... это кошунственно.

Он осторожно протянул руку к решетке, а затем отдернул ее, когда овуп оскалился на него.

– Ах, Барни, я не могу!

– Смотри, – усмехнулся Барни. – Я тебе сейчас кое-что покажу.

Он натянул плотные кожаные перчатки, подошел к клетке, откуда на него сердито поглядывал овуп, и протянул ему сквозь прутья кусочек хлеба.

– На, овуп. Хороший овупик, – проговорил он мягко и успокаивающе.

Овуп выхватил хлеб и злобно укусил его за руку. Барни почувствовал, как в нем поднимается гнев, но натянуто улыбнулся и, протянув руку, погладил овупа по голове.

– Хорошенький овурик, – проворковал он. – Паинька овурик.

Овуп опять укусил его, на этот раз посильнее, а затем, шипя, отступил с озадаченным выражением в глазах. Он с ненавистью зарычал, издавая отвратительные булькающие звуки и скаля зубы.

– И такой миленький к тому же, – продолжал, скрипнув зубами, Барни. – Мы будем теперь добрыми друзьями! Брось, малыш, не дуйся, дай я тебя поглажу.

Теперь уже овуп встревожился. Он сжался, прижавшись спиной к прутьям клетки, и в панике отплевывался. В его черных глазенках тлел ужас, когда он пытался протиснуться сквозь решетку.

– Пусть уходит, – тихо проговорил Барни. – Открой ловушку и дай ему выбраться.

Мартин стиснул массивные кулаки, медленно подходя, к ловушке.

– Помягче, – предостерег Барни. – Что бы ты ни делал, не выходи из себя.

Мартин с опаской распахнул дверцу.

– Хорошенький овурик, – со слезами пророкотал он. – Выходи, ты, подлый, маленький...

Барни деликатно кашлянул, а затем сказал:

– А теперь ступай домой, малыш. Беги и расскажи своим друзьям, как приятно и счастливо пойдут отныне дела.

Овуп зашипел, зарычал и вдруг кинулся прочь, как будто за ним по пятам гналась тысяча чертей. Он выскочил через предусмотрительно оставленное открытым окно, лишь напоследок приостановившись, чтобы выкрикнуть крепчай-

шее овупское оскорбление. Затем он исчез за подоконником.

Барни испустил тяжелый вздох и усмехнулся Хьюго Мартину.

— Вот видишь.

— Это не сработает, — взвыл Мартин. — Нам вообще не следовало отпускать его. — Он просто опять вернется мучить нас.

— Если мы возлюбим его всем сердцем, то никогда, — счастливо усмехнулся Барни. — Для его изгнания требуется всего-навсего мирная, приятная, спокойная атмосфера. В окружении овупов, не спорю, ее трудно создать, но люди должны суметь сделать это, ибо этот способ — единственный.

Хьюго Мартин с сомнением взглянул на него.

— Ты не знаешь, чего просишь, Барни. Мирную спокойную атмосферу люди не могли создать даже до появления овупов. А тем более никто не сможет быть добрым к овупам. Люди просто не сумеют этого добиться.

— О нет, они добьются, — усмехнулся Барни. — Если достаточно сильно захотят избавиться от зла.

В тот же день известие о новом открытии прозвучало по радио, попало в вечерние и экстренные выпуски газет и взорвалось по всей стране подобно бомбе. Рецепт настолько невероятный и нелепый, что люди прекращали клясть овупов, а слушали, замерев. Потом презрительно смеялись и вновь принимались клясть овупов. Но немногочисленные предприимчивые граждане испробовали этот

способ и обнаружили — о чудо! — что он действует! Один за другим овупы начали покидать дома, в панике мечась, словно трехногие молнии.

Новость распространилась мгновенно. Люди прекращали споры, свары, драки и вознесение бессильных проклятий овупам и с удивлением наблюдали, какое это производит впечатление. Метод Барни триумфально шествовал по городам и весям, и он действовал на измученную страну, как целительный бальзам.

Наконец, в один прекрасный день, радио сообщило, что на южном пастбище некоего фермера появилась серебряная воронка, к которой стекаются стаями и ордами тысячи и тысячи овупов. Барни и Флора Холдеры находились там вместе с десятками тысяч людей, исполненных любопытства, не знающих наверняка, что они чувствуют. Но они любили овупов со всей страстной любовью, на какую только были способны. Им приходилось любить овупов ради самой жизни.

Флора, нежно прильнув к Барни, счастливо улыбалась ему.

— Было почти забавно смотреть, как они уходят.

Барни усмехнулся, признаваясь:

— Эта пара недель и впрямь была мирной.

Флора подняла на него сияющий взгляд, глаза ее увлажнились, холодность и гнев исчезли с красивого лица.

— Я... я знаю, что это звучит глупо, но мне почти жаль видеть, как они покидают нас. Мы... Барни, нельзя ли нам сделать вид, будто парочка их еще осталась с нами, а?

Редеющая толпа мохнатых существ, овуп за овупом, рас-

творялась в серебряной воронке. Они исчезали, поворачиваясь к человечеству сгорбленными спинами, скаля зубы в гневном рычании, шипя, суетливо дергая друг друга за мех и гнусно визжа.

Наконец, последнее создание застыло у края воронки, красноречиво и выразительно сплюнуло в злобе и прыгнуло в центр сияющего кольца. Поверхность воронки зарябила, замерцала, и воронка исчезла.

Словно очнувшись от колдовских чар, люди издали долгий единый вздох и огляделись кругом, словно впервые увидели друг друга. И, будто волна, над ними поднялась аура удовлетворения, смешанного с легким недоумением.

Барни направился к машине, крепко держа Флору за руку. Он улыбнулся, встретившись взглядом с ее счастливыми глазами.

– Не знаю, как думают другие, – тихо произнес он, – но с моей точки зрения овупы так и не убрались.

СХВАТИ ТИГРА ЗА ХВОСТ

В универмаге было полно народу. И что им всем надо, когда сезон уже кончился?

Просто удивительно, как они смогли ее заметить в этой толпе. Продавщица была занята на дальнем конце прилавка, а на ближнем дама тоже не бездельничала. Она брала товары и не спеша складывала их в сумочку. Кирни несколько минут наблюдал за ней с возрастающим беспокойством. Наконец он решил позвать заведующего другой секцией.

— Посмотри вон на ту женщину, — небрежно шепнул он. — Можно подумать, это ее собственный магазин!

— Воровка? Тогда чего ты ждешь? — спросил другой. — Сейчас мы с ней побеседуем...

Кирни поскреб в затылке.

— Да ты последи за ней. Что-то тут не так...

Они стали смотреть. Женщина стояла у прилавка с хозяйственными товарами, перебирая все подряд. Вот она взяла три формы для выпечки и опустила их в сумочку. Туда же отправились две большие кастрюли и толкушка для картофеля. Потом маленькая плошка и две кастрюльки. Потом большая алюминиевая сковородка.

Второй заведующий не верил своим глазам.

– Да здесь на целый магазин хватит! А кладет-то она все это в дамскую сумочку! Кирни, но ведь невозможно столько туда впихнуть!

– Вот именно, – сказал Кирни. – Пошли.

Они зашли с боков, и Кирни мягко взял ее под локоть.

– Нам необходимо поговорить, мадам. Прошу вас пройти со мной.

Женщина равнодушно взглянула на них, пожала плечами и послушно зашла в маленький кабинет рядом с торговым залом.

– Не понимаю, что происходит...

– Мы следим за вами уже пятнадцать минут.

Кирни взял у нее из рук сумочку, расстегнул, заглянул внутрь... Потряс... И растерянно протянул сумочку своему коллеге.

– Джерри, погляди.

Джерри тоже заглянул внутрь. Когда он попробовал что-то сказать, слов у него просто не нашлось. Сумочка была пуста.

Фрэнк Коллинз поставил машину под окнами Института физики и через несколько минут, предъявив отпечаток пальца, встретился у дверей лаборатории с Эвансоном.

– Хорошо, что приехал, – мрачно приветствовал его Эвансон.

– Слушай, Джон, что это за история с дамской сумочкой? Шутка такая?

– Увы, нет, – ответил Эвансон. – Какие там шутки. Сейчас сам все увидишь.

Он провел Коллинза в лабораторию. Тот с опаской косился на сверкающие панели с кнопками, огромный генератор, усилители и реле с массой трубок и проводов.

— Не пойму, зачем я тебе сдался. Я же инженер-механик.

Эвансон прошел в маленький кабинет за лабораторией.

— Ты еще и спец по экстренным случаям. Познакомься, это исследовательская группа.

Исследовательская группа состояла из некоторого количества очков, халатов и сутулых спин. Коллинз кивнул им и поглядел на стол. Там лежала черная сумочка.

— Обыкновенная сумочка, — сказал он, беря сумочку в руки. — Легкая. Что в ней?

— А мы рассчитывали, это ты нам скажешь, — ехидно ответил Эвансон.

Коллинз раскрыл сумочку. Внутри она была какая-то странная, очень темная, а по краю шла тусклая металлическая окантовка. Коллинз перевернул сумочку и потряс. Ничего.

— Не суй туда руку, — предупредил Эвансон. — Это небезопасно. Один попробовал и лишился часов.

Коллинз оторвался от сумочки. На его круглом лице было написано живейшее любопытство.

— Откуда это у вас?

— Из универсама Тэйлор-Хэйден. Там пару дней назад два продавца поймали воровку. Она стояла у прилавка кухонной утвари и запихивала все подряд в эту сумочку. Они ее прищучили, а когда попробовали вытрясти из сумочки наворованное, в ней ничего не оказалось. Один залез туда рукой и потерял там часы.

— А как она к вам попала?

Эвансон пожал плечами.

— Ты ведь знаешь, что после окончания войны в семьдесят первом создали Психологическую службу. И с тех пор всех магазинных воришек обязательно отправляют туда. Ее тоже направили на обследование, и они привели ее в чувство. Эта дама вспомнила, кто она, но про сумочку ничего не знает. А служба переслала сумочку нам. Сейчас увидишь почему.

Эвансон взял со стола алюминиевый метр и начал одним концом засовывать его в сумочку. Метр вошел сначала на всю глубину сумочки, а потом... просунул дальше, но на дне сумочки не появилось ни малейшей выпуклости! Коллинз вытаращил глаза.

— Господи, как это?!

— А вот так. Может быть, он уходит в четвертое измерение. Или еще куда-нибудь. Я не знаю.

— Чепуха!

— А куда, по-твоему, он девается?

Эвансон вытащил метр и положил его на стол.

— И еще одно, — добавил он. — Как мы ни старались, мы не смогли вывернуть эту штуку наизнанку.

Коллинз заглянул в темное нутро сумочки и осторожно поскреб ногтем металлическое кольцо. Появилась блестящая царапина.

— Алюминий, — протянул он. — Окантовка алюминиевая. Эвансон взял сумочку и посмотрел.

— Дело в том, что она воровала только алюминиевые вещи, — сказал он. — Мы и позвали тебя, потому что ты хороший механик и все знаешь про металлы. Мы уже три дня бьемся. Может, у тебя что-нибудь получится.

— А что вы делали?

— Пихали туда все, что попадалось под руку. Просвечивали эту штуку чем только можно. Результата — ноль. Хотелось бы понять, куда попадают вещи, которые мы в нее кладем.

Коллинз бросил в сумочку алюминиевую пуговицу. Пуговица пролетела сквозь алюминиевое кольцо и исчезла.

— А почему вы не смогли ее вывернуть наизнанку? — спросил Коллинз.

— Понимаешь, это геометрическая форма второго порядка. — Эвансон не спеша зажег сигарету и продолжил. — Например, сфера или просто резиновый мячик — это геометрическая форма первого порядка. Тело такой формы можно вывернуть наизнанку через маленькую дырочку, проделанную в его поверхности. А вот автомобильную камеру так не вывернешь.

— Почему это?

— Потому что в ней есть дырка. А дырку сквозь дырку

никак не протащишь. Даже если это совсем крохотная дырочка.

– И что? – продолжал недоумевать Коллинз.

– То же самое с этой сумочкой. Мы думаем, что она обернута вокруг куска другой Вселенной, четырехмерной. Если попытаться протянуть ту Вселенную сквозь нашу, бог знает что получится.

– Но резиновую камеру можно вывернуть. Конечно, она уже не будет сама на себя похожа, но все-таки она вся пролезет сквозь дырку.

Эвансон с сомнением взглянул на сумочку.

– Может быть, и так. Геометрическая форма второго порядка под напряжением. Тут только одно препятствие. Это уже вообще будет не внутренняя трубка, а неизвестно что.

Эвансон сунул в сумочку четвертый за время разговора алюминиевый предмет и устало покачал головой.

– Не знаю, в чем тут дело. Что-то ведь забирает весь этот алюминий.

Он засунул в сумочку деревянную линейку. Линейка тут же выскочила обратно.

– Видишь? Этой штуке нужен только алюминий и больше ничего. У того детектива были на руке армейские алюминиевые часы и два золотых кольца. Пропали только часы.

– Давай поиграем в угадайку, – неожиданно предложил Коллинз.

– Как это? – удивился Эвансон.

– А вот так, – улыбнулся Коллинз. – Что уж там в этой твоей резиновой камере, не знаю, но ясно, что оно любит

алюминий. Так? Вокруг отверстия сумочки алюминиевое кольцо. Похоже на ворота, верно? Но ворота эти маленькие, и алюминия сквозь них проходит мало. Им, наверное, надо гораздо больше.

– Кому это им?

– Ну, этому неизвестно чему, которое берет алюминий и выталкивает обратно дерево.

– А зачем?

– Можно сделать предположение. Наверное, они строят другие ворота. Большие.

Эвансон молча уставился на Коллинза.

– Не сходи с ума, – наконец выговорил он. – С чего ты...

– Я же просто думаю вслух, – пожал плечами Коллинз.

Он поднял с пола стальной метр и засунул его одним концом в сумочку.

Эвансон с недоумением смотрел на старания Коллинза.

– Им же это не нужно. Видишь, стараются вытолкнуть.

Коллинз продолжал нажимать изо всех сил. Неожиданно из сумочки появился другой конец метра – метр изогнулся крючком. Коллинз молниеносно схватил его и принялся тащить метр на себя за оба конца сразу.

– Осторожнее! – закричал Эвансон. – Ты же заставляешь их Вселенную подчиняться нашей геометрии!

Им даже показалось, что дно сумочки прогнулось внутрь. Тут один конец метра вырвался из руки Коллинза так, что тот отлетел к стене. В руках у него был совершенно прямой метр.

– Эвансон! – возбужденно закричал он. – Ты можешь притащить сюда лебедку?

Эвансон озадаченно поморгал и кивнул.

— Отлично, — резюмировал Коллинз. — Кажется, я знаю, как можно зацепить их Вселенную.

Длинную трехдюймовую стальную балку привезли в лабораторию на тележке. Один конец балки был на шесть дюймов покрыт алюминием и загнут крючком.

— Лебедка готова? — возбужденно спросил Коллинз.

Эвансон ответил, что да.

— Тогда надевайте сумочку на конец балки.

Загнутый конец исчез в сумочке.

— Ты что собираешься делать? — забеспокоился Эвансон.

— Раз им нужен алюминий, пусть получают. Понимаешь, если они действительно строят новые ворота, то хорошо бы за них зацепиться и вытянуть это отверстие к нам в лабораторию. Они, наверное, сразу присоединят алюминий на этой балке к тому, что уже использовано в постройке. А мы за него зацепимся, и им придется либо тут же обрубить балку, либо открыться в нашу Вселенную. Ясно теперь?

Эвансон задумался.

— А если они не сделают ни того, ни другого?

— Да куда они денутся? Если мы потянем через сумочку сегмент их Вселенной, то их геометрия подвергнется чудовищному давлению. Их Вселенная вывернется наизнанку.

Коллинз начал ворочать балкой в сумочке. Лебедка закричала.

— Прибавь, — скомандовал он механику.

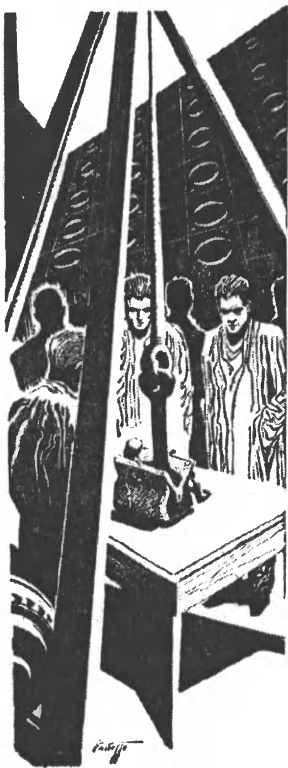
Эвансон кисло покачал головой.

— Мне что-то непонятно... — начал было он.

Но тут балка зазвенела, неожиданно натянувшись.

— Держи! — заорал Коллинз. — Зацепили!

Лебедка громко скрипела. Мотор выл. Стальная балка начала медленно, по миллиметру, выползать из сумочки. Каждый десять минут один из техников мелом делал отметку возле отверстия сумочки.

Фрэнк Коллинз нервно задымил трубкой.

— Я это понимаю так, — сказал он. — Эти существа проковыряли в нашу Вселенную маленькую четырехмерную дырочку. Потом они как-то загипнотизировали ту женщину, чтобы она добывала для них алюминий, а они построили бы из него отверстие побольше.

— Но зачем? — спросил Эвансон и налил из термоса кофе.

Было уже поздно, здание опустело. Только у них в лаборатории надрывно выла лебедка.

— Кто знает? Может, им нужен еще алюминий? Какова бы ни была причина, ясно, что они хотят проникнуть в нашу Вселенную. Может быть, их собственный мир в опасности. А может быть, они нам настолько чужды,

что мы вообще не в состоянии понять их мотивы.

— Тогда зачем нам их зацеплять? — упорствовал Эвансон.

— Ну как ты не понимаешь? Если мы втянем кусок их Вселенной в нашу, они не смогут пользоваться отвертием. Оно будет закупорено. А чем больше кусок, который мы втащим, тем большее напряжение будет испытывать структура их Вселенной. Тут уж им придется не сладко. Мы будем хозяевами положения. Им придется поделиться с нами своими знаниями. Может, мы тоже хотим строить отверстия в их мир и изучать его! А если они не согласятся, мы просто разрушим их Вселенную.

— Но ты ведь даже не знаешь, что они здесь делают!

Коллинз пожал плечами и сделал на балке еще отметку. Балка мерно гудела.

— Нельзя было так рисковать, — с досадой сказал Эвансон. — Я не имел на это права. Я разрешил тебе все это под мою личную ответственность, на основе наших данных... Хотя каких там данных! Их, можно сказать, нет!

Коллинз выколотил трубку.

— Другого-то у нас ничего не получается.

— А я говорю, что это неверные данные. Я считаю, что надо немедленно отпустить эту балку и подождать Чалмерса. Он будет утром.

Коллинзу тоже было не по себе. Когда он зажигал новую трубку, руки у него дрожали.

— Не можем мы ее теперь отпустить. Натяжение слишком большое. Как, интересно, ты предлагаешь открутить эти болты? Даже если резать ее автогенем, все равно меньше чем за двадцать минут не управиться. А когда эта балка

лопнет, она разнесет весь институт.

– Но ведь опасность такова, что... – Эвансон кивнул на лебедку. Лоб у него покрылся испариной. – Ты же поставил на карту нашу собственную Вселенную!

– Да заткнись ты! – зло оборвал его Коллинз. – У нас уже нет выбора и времени на разговоры – тоже. Мы уже начали, и все тут. Когда схватишь тигра за хвост, деваться некуда, остается только держать крепче.

Эвансон взволнованно ходил по комнате.

– А не кажется тебе, – вдруг спросил он, – что преимущество-то на стороне тигра? Ты подумай, если все пойдет в обратную сторону, что они сделают с нашей Вселенной!

Коллинз пустил дым к потолку.

– Ну так слава богу, что мы первые...

Он не окончил фразу, и Эвансон увидел, как его лицо медленно белеет.

Эвансон обернулся по направлению его взгляда и охнул. Термос с грохотом покатился по полу. Они беспомощно смотрели, как вторая меловая отметка вползает обратно в сумочку.

– То есть это мы думали, что первые, – прошептал Эвансон.

ДО ПОЛНОГО СЛИЯНИЯ

– Да тут попросту нет вопросов, – убеждал Тетеринг. – Наша служба создана именно в расчете на вас. Со средним да обыкновенным – какие проблемы? Анализировать его легко, удовлетворить – и того легче. Порой, поверьте, обидно с таких деньги брать. Зато человек столь выдающейся избирательности, умудрившийся продержаться столь долго... – Тетеринг с чувством развел руками. – Вы для нас – вызов, друг мой. Вы из нас все жилы вытянете. Но! «Слияние Инкорпорейтед» вызов ваш принимает с удовольствием. И вам не придется жалеть о результате – готов повторить вам это трижды.

– А расскажите-ка еще разок, – попросил Фрэнк Бейли, сомнения которого вовсе не рассеялись.

– Охотно, – кивнул Тетеринг. – Ну, что до принципа, то он очевиден. До сей поры ни единой супружеской паре в истории не удавалось достичь полного слияния – вот и вся недолга. Такая вот простенькая задачка.

– Будет вам, – буркнул Фрэнк Бейли, – уж больно порекламному загибаете.

– Никоим образом! – вспыхнул Тетеринг. – Говоря о слиянии, я имею в виду именно слияние. В самом полном значении этого слова. Конечно, нельзя отрицать: и прежде

бывало, когда в виде, знаете ли, случайного исключения в браках достигалась слитность, скажем, в физическом смысле... Зато эмоционально, интеллектуально, духовно – никогда! Да и на физическом-то уровне, если разобраться... – Тетеринг умолк, словно продолжить ему помешала какая-то боль. – Да и чего большего ожидать в эдаких-то обстоятельствах? Мужчину или женщину выбираешь наобум, словно бочонок лото из мешочка вытаскиваешь. Несовместимы оба абсолютно – по тысяче и одной тончайших, неуловимейших причин. Вот и... обрекаете обоих на жизнь в самом тесном, самом непреходящем из контактов... – Он вздохнул. – Стоит ли удивляться тому, что брак есть фарс? Он смешон! И всегда был смешон.

– Пока на свет не появилось «Слияние Инкорпорейтед», – съехидничал Фрэнк Бейли.

– Вот именно, – ничтоже сумняшеся подхватил Тетеринг. – Со времен жутких пятидесятых много переменилось. Отпала надобность действовать наудачу... Теперь мы имеем дело с ЭВМ-анализом и характер-обрисовкой. У нас есть Хуньяди и его невропантограф. Теперь мы предлагаем вам супружество-совершенство, в котором достигается полнейшее слияние. Никакого риска, никаких гаданий. Каждый зубчик одной личности сопрягается с каждым зубчиком другой, каждый штифтик точно входит в каждый паз.

Фрэнк Бейли почесал подбородок.

– Где-нибудь и впрямь должна существовать женщина, на которой стоило бы жениться, – признал он. – Хотя лично я представления не имею, где.

– Вот-вот, а каков у вас шанс отыскать ее без квалифи-

цированной помощи? Практически никакого! Даже если вы увидите ее, то как узнаете, что она – та самая? Как, на основании чего, хотите вы судить да рядить? – Тетеринг улыбнулся. – Средства для познания и выявления характера доступны уже десятки лет, однако у нас у первых хватило решимости применить их в деле. Стоит вам знак подать – и мы начнем.

– Ну что ж, – сказал Фрэнк Бейли, – кажется, ваша взяла. По рукам. Результат вы, разумеется, гарантируете?

– Безоговорочно! – радостно воскликнул Тетеринг. – Стопроцентная совместимость, или ваши деньги подлежат возврату, а договор и союз – расторжению. Готов повторить вам это трижды.

Для Фрэнка Бейли достаточно было и раза. Когда он подписывал заказ-наряд, рука его не дрогнула ни на миг. В конце концов, подумалось ему, а что, собственно, он теряет?

Характер-обрисовка вымотала всю душу. Стало ясно, что «Слияние Инкорпорейтед» работать спустя рукава не привыкло. Ну, прикидывал Фрэнк, заполню вопросник-другой, ну, поговорим по душам со спецами в очках из толстенных стекол, вряд ли потребуется что-то большее. Но не тут-то было: неделю спустя он выпал из их ежовых рукавиц человеком, потрясенным, а точнее, вытряхнутым до основания.

Начали с замеров физических параметров, и Фрэнк на себе познал, что имел в виду Тетеринг, когда говорил: «Тщательно». У него измерили рост и обхват груди, ширину плеч и длину руки. Мерили рулеткой и штангенциркулем повсюду, до крайней точки стыдливости. Ему скранировали глаза, определяя точный оттенок их цвета, исследовали волосы на

быстроту роста, тщательно вычислили соотношение «кости-мышцы-жир». Ни единая деталь физического его облика не избежала скрупулезного внимания исследователей.

Промеряли и другое: его симпатии и антипатии, его вкусы и пристрастия, его сознательные желания и подсознательные устремления. Люди в белых халатах суетились вокруг него, сновали туда-сюда от компьютера и обратно, кодируя уже полученные данные, проверяя их и торопясь задать все новые и новые вопросы.

Для определения габаритов его «я» использовались точнейшие приборы и новейшие препараты. С помощью невропантографа его сознание вывернули наизнанку и жгутом скрутили, выжав из него самые потаенные эмоциональные реакции, затем передали их на трубки Хуньяди в компьютере. С дюжины разных сторон интервьюеры волна за волной приступом шли на его мозг, пока Фрэнк не оказался на грани взрыва и уже готов был у всех на глазах дать волю бурному гневу.

И каждый фрагмент извлеченных из него сведений шел на ленту, а каждый клочок ленты воздействовал на компьютер, который пробивал отверстия в перфокартах. Когда все это наконец завершилось, Фрэнк Бейли предстал взору ученых мужей в поэлементной наготе, готовый к электронному сватовству.

Как и предупреждал Тетеринг, пришлось подождать. Обследование явилось всего-навсего первым шагом. Куда больше времени ушло на то, чтобы просеять сквозь компьютерное сито массив возможных партнерш. Пачка за пачкой перфокарты с исходными данными вводились в маши-

ну, и день за днем Фрэнк вышагивал из угла в угол, убежденный, что рано или поздно все карточки окажутся проверены и забракованы, ни единой не останется.

Но вот однажды утром появился Тетеринг, буквально сияющий от удовольствия.

– Дело сделано, друг мой! Момент настал. Смотрите!

Все больше и больше волнуясь, Фрэнк вертел в руках две карточки – свою собственную и совершенной своей половины.

– Где она? – допытывался он. – Когда я ее увижу?

– Прямо сейчас, – ответил Тетеринг. – Если, разумеется, у вас не сыщется причин отложить, подождать...

Как бы ни был от природы осторожен Фрэнк Бейли, но такой причины отыскать он не сумел.

Звали ее Барбара, и поначалу Фрэнк был убежден, что произошла чудовищная ошибка. Она оказалась далека от его идеала красоты: волосы пепельно-каштановые, бюст едва-едва под семьдесят пять, передние зубы слегка выдаются вперед. Очки сводили на нет всяческое ожидание чуда, да и привычка заикаться при малейшем волнении к иллюзиям не располагала. Видно было, что и она настолько потрясена их первой встречей, что за целый день ни словечка не проронила: казалось, Фрэнк Бейли вовсе не тот, кто грезился ей идеальной парой.

Однако мало-помалу они привыкали друг к другу.

В первый день ни он, ни она ничего не ели. Барбара любила экстравагантные соусы и изысканные салаты, к тому же готовить она не умела вовсе. Фрэнк же отдавал предпочтение мясу с картошкой и не терпел никакой такой че-

пухи на обеденном столе. Но уже на другой день на столе каким-то чудом появилась еда, вполне приемлемая для обоих. А на третий день их рацион состоял сплошь из пищи богов.

Они разговорились и выяснили, что интересы их, по виду разные, совпадают в основе. Если она непостижимым для себя образом неожиданно душой отозвалась на Фрэнков вкус в чуждом ей джазе, то его позабавили любимые ею квартеты Моцарта, он нашел, что они превосходная комическая разрядка. Их пристрастия в книгах и развлечениях не совпадали, а скорее дополняли друг друга – до тех пор, пока ни тот, ни другой не в силах были определить, где кроется первоисточник их увлеченности.

Отношения были платоническими – до поры до времени. В первый день о браке и помину не было. На другой день они сошлись в том, что все плотское на самом деле не имеет никакого значения, и часами говорили о духовных ценностях и духовном единении. На третий день оба одновременно пришли к выводу, что у примитивизма и некоторой доли первобытности есть свои приятные стороны... Страсть свела их вместе на полу ванной комнаты в четыре часа утра – и в том для них не было ничего неожиданного.

Каждый день знаменовался новым открытием и новым откровением: они чувствовали, что становятся все ближе друг к другу.

– Это чудесно, – говорила Барбара. – И глупо было бы ожидать всего этого сразу, при первой же встрече.

– Дурацкие ожидания, – соглашался Фрэнк.

— И все же, — раздумчиво продолжала она, — должно быть, тут кроется какой-то порок. Как мы узнаем, что достигнута завершенность? Сегодня лучше, чем вчера, завтра станет лучше, чем сегодня. Где этому конец?

— Кто говорит, что он непременно настанет? — вопрошал Фрэнк, отметаая крупницы сомнений, упорно точивших его мозг. — Тетеринг обещал нам стопроцентное исполнение... и, принимая во внимание его гонорар, мы его получили. Когда перестанет становиться день ото дня лучше, когда все в обыденность обратится, тогда мы и увидим конечную точку. А до той поры зачем мучиться?

Только в обыденность ничего не обратилось. Каждый день все больше возбуждал отличием от предыдущего, по мере того как покорялись новые и новые вершины слияния. Загадочным образом получилось так, что они стали одинаково думать, знали, что скажет другой, еще до того, как произносилось первое слово. Разговоры их теперь велись скачками, смысл постигался полностью при едва ли половине высказанных слов. Их бытие вдруг оказалось сверхзаряжено каким-то непонятным возбуждением, будто под действием таинственно-неразличимого наркотика. Казалось, этому не будет конца.

Но какая-никакая, а конечная точка, конечно, должна быть.

Однажды вечером они сидели на диване, опустошенные после целого дня иступленной совместимости, как вдруг Барбара отпрянула и внимательно глянула на мужа. Фрэнк почувствовал, как у него по спине пополз холодок. И он, набычившись, уставился на жену.

– Очень странное у меня ощущение, – сказала Барбара.

– Знаю, – сказал Фрэнк. – У меня самого такое же ощущение уже несколько дней.

– Н-н-н-но я имею в виду: сию минуту, прямо сейчас, как волной окатило, – настаивала Барбара. – Я ч-ч-ч-чувствую, будто таю, будто сгораю, плавлюсь! Ничего похожего прежде не было!

– Ты права, – внезапно встревожился Фрэнк. – И впрямь ничего похожего...

– Не нравится мне это, – крикнула она, отшатываясь от него, как от раскаленной печи.

– И мне не нравится, – протянул он, начиная подниматься.

– Что-то происходит!

– Что-то происходит!

– НА ПОМОЩЬ!..

Потом все смолкло, лишь эхо удавленного крика какое-то время растекалось в воздухе.

Затвердевая, ОНО приходило в себя, потом ОНО встало с дивана и отправилось на кухню варить кофе.

ТЯЖЕЛАЯ СДЕЛКА

Во вторник, заканчивая бриться, Прейсингер увидел в зеркале физиономию дьявола.

Странное зрелище – но Прейсингер давно привык к подобным визитам. Каждый вторник, утром, с неотвратимостью наступающего дня появлялось оно. На этот раз Прейсингер бросил на возникшее перед ним лицо весьма холодный взгляд.

– Пора бы тебе прекратить болтовню, – заявил он.

– В самом деле? – спросил дьявол.

– В самом деле. Мы заключили сделку, не так ли? Однако ты не выполняешь до конца своих обязательств. Пора бы это прекратить – иначе, боюсь, нам придется расстаться.

Он покончил с бритьем и направился в солярий, где был накрыт завтрак. «Прошло только три года, – размышлял он по пути, – осталось еще семь. Семь лет – чертова уйма времени!»

Он допил апельсиновый сок и принялся за кофе, когда дьявол шагнул из стены в комнату. От повелителя обманщиков слабо пахло серой и паленой шерстью. Он был высок, строен и выглядел превосходно в блестящем черном «гамбурге» и обтягивающем грудь «честерфилде», с тонкой тростью эбенового дерева в руках.

— Что за глупости насчет расторжения сделки? — поинтересовался он. — Прошло только три года, а ты уже выражаешь недовольство?

— У меня есть веские основания для недовольства, — холодно произнес Прейсингер. — Что-то ты начал частенько промахиваться. Это ущемляет мои права. Ты выполняешь не все свои обязательства. Далеко не все.

Дьявол обвел комнату критическим взглядом.

— Ну что ж, — протянул он, — дела твои, пожалуй, идут неплохо. Превосходная квартира — из лучших в этом городе. Достаточные средства, чтобы ее содержать. Мебелировка, пожалуй, не в моем вкусе; но это твое дело. — Тут он внимательно посмотрел на Прейсингера. — Что-то ты слегка осунулся. Трудная ночь была, да?

— Не самая лучшая из тех, что можно вообразить.

— Действительно? Что-нибудь не в порядке с обслуживанием?

— О, нет, — покачал головой Прейсингер, — как раз наоборот. Они за мной табунами ходят. Куда ни повернись — женщины, женщины, толпы женщин.

— Ах так! — Дьявол слегка нахмурился. — И что же — они не желают тебя знать? Пренебрегают твоим вниманием? Или, скорее, они слишком навязчивы?

— Нет, нет, — снова покачал головой Прейсингер, — ничего подобного.

— Что же тогда? Тебя не удовлетворяет меню? Или блюда неаппетитно выглядят? — Дьявол пожал плечами. — Твое заявление несостоятельно. Чего тебе не хватает? У тебя еще целых семь лет впереди — наслаждайся! Я свою часть соглашения выполняю.

– По букве, но не по духу, – возразил Прейсингер. – В твои обязательства по сделке входило доставить мне полное удовлетворение – а я никогда его не испытывал. Что-то было упущено с самого начала.

– Если ты говоришь о любви, я не смогу тебе помочь, – заявил Дьявол. – Это, знаешь ли, не мой профиль.

– Страдания и восторги чистой любви меня совсем не привлекают, – резко произнес Прейсингер. – Нет, мне нужно кое-что другое. – Он поднялся на ноги и обратил глаза к потолку, подыскивая нужные слова. – Все твои женщины, пожалуй... как бы это объяснить... слишком много знают и умеют. Учить их уже нечему. Да, именно так! Они такие – слишком опытные!

– Я полагал, что это является их достоинством, – сухо сказал враг рода человеческого.

– Ну как ты не можешь понять! – пылко воскликнул Прейсингер. – Они знают все правила игры! Они – как марионетки на ниточках! Они не пробуждают настоящих чувств, экстаза познания...

В глазах дьявола внезапно блеснула искра понимания.

– Ты хочешь невинности! – Он гулко захохотал. – И ты пришел в поисках невинности ко мне! Очаровательная наивность! Премного благодарен за это! Десять земных лет я должен выполнять твои желания – без всяких ограничений – включая поставку самых прелестных женщин для удовлетворения всех твоих экстравагантных прихотей. В качестве законного возмещения я получаю от тебя некую безделицу, в существование которой ты даже не веришь, – твою душу! – Дьявол снова зашелся в хохоте. – А теперь

тебе еще и невинности захотелось! — Он внезапно прекратил смех и задумчиво произнес: — Заманчивая идея, но нелепая. Совершенно нелепая.

— Ты имеешь в виду, что не способен этого сделать? — быстро спросил Прейсингер.

— Ничего подобного, — огрызнулся дьявол. — Совершенно невинная девушка, которой не касались руки мужчины... — Он задумчиво доглаживал подбородок. — Трудно. Невероятно трудно.

— Но ты можешь? — требовательно спросил Прейсингер. — Если бы ты представил себе, как скучны все эти... — Он безнадежно махнул рукой и с надеждой уставился на Дьявола. — Итак, сумеешь ли ты это сделать?

— Тяжело, — заявил Дьявол, — особенно в условиях настоящего контракта. Пойми, это потребует дополнительной работы, времени и величайшей деликатности... Оплату необходимо повысить. — Он оценивающе посмотрел на Прейсингера. — Ты готов отдать мне оставшиеся семь лет?

Лицо Прейсингера покрылось бледностью, но он медленно кивнул головой.

— Все что угодно, — сказал он.

Дьявол просиял:

— Тогда по рукам! Ты, конечно, проведешь с ней только одну ночь. Больше было бы непозволительной роскошью.

Пальцы Прейсингера дрожали.

— Она должна быть чудом совершенства. Пусть эта ночь превзойдет тысячи любых других ночей!

— Мое слово! — подтвердил дьявол.

– Я должен стать первым человеком, который коснется ее, – первым во всех отношениях, даже в мыслях...

– Понятно!

– А если ты провалишь дело – контракт расторгается полностью!

Дьявол ухмыльнулся.

– Согласен. Но если я добьюсь успеха... – Он коснулся кофейной чашки кончиком своей эбеновой трости, и фарфор вспыхнул огнем. – Одна ночь, – повторил он и шагнул сквозь стену.

Прейсингер ждал пять дней.

Еще недавно он чувствовал пресыщение и вялость; теперь же дрожал от нетерпения. Но проходил день за днем, и он становился все более нервным и раздражительным. На улицах он нетерпеливо вглядывался в каждое новое лицо (разумеется, подходящего пола и возраста), затем разочарованно отворачивался. Нервы его напряглись до предела; тело и разум наполняло какое-то неясное томление.

Он встретил ее на шестой день, после полудня, в картинной галерее маленького музейчика. Она была высокой, гибкой и грациозной. Пепельные волосы обрамляли прелестное, безмятежное лицо с пухлыми, красиво очерченными губами. Казалось, она была полностью погружена в какой-то свой внутренний мир – этаким обособленный островок в бушующем вокруг человеческом море. От нее веяло прохладой и свежестью весеннего ветерка, нежной теплотой ласкового смеха.

Одним словом, она была восхитительна.

Он догнал ее и заговорил с ней; она улыбнулась, но в этой улыбке не было откровенного предложения, столь привычного ему. Дальше по галерее они двинулись вместе. Она весело смеялась; ее взгляд наполнялся теплотой, когда она смотрела на него.

Он узнал, что ее зовут Мойрой и что ей девятнадцать лет. Попутно он получил множество других сведений, которые его, откровенно говоря, не слишком интересовали. Они покинули галерею и, весело болтая, направились в парк.

Прейсингер предложил выпить по коктейлю.

– Чудесно, – согласилась девушка, – но я еще никогда не пробовала коктейль.

– Невероятно! – изумился Прейсингер.

– Но это правда, – подтвердила она.

Они выпили по паре коктейлей, не больше. Они говорили об искусстве, книгах, музыке – тут ее познания были впечатляющими. Но когда разговор зашел о любви и плотской страсти, ее неосведомленность в этих вопросах буквально обезоруживала.

Они пообедали вместе и долго танцевали в саду на крыше небоскреба, вознесенном высоко над городом. Она двигалась в танце с непринужденной простотой и грацией. Прейсингер едва сдержался, когда их щеки случайно соприкоснулись и девушка доверчиво прижалась к нему. «Сдержанность, – уговаривал он себя, – сдержанность и терпение». Это была она – та, которую он искал так долго – но еще рано, слишком рано...

Она любовалась раскинувшимися внизу разноцветными

городскими огнями, глубоко вдыхая свежий ночной воздух; ее близость пьянила Прейсингера.

— Из моих окон вид еще лучше, — вкрадчиво шепнул он. — Мы включим музыку, выпьем немного вина...

— Да, — сказала она, улыбаясь ему, — это, должно быть, чудесно. Мне понравится, я уверена.

Из окон его квартиры действительно открывалось изумительное зрелище. От блеска и переливов огней внизу захватывало дыхание; музыка, казалось, приобретала новый смысл; вино — из его лучших запасов — поражало своим восхитительным цветом и превосходным ароматом. Они беседовали и негромко смеялись; затем молчание окутало их. Огни потускнели, и только пламя камина отбрасывало слабый свет.

Она была великолепна.

И только потом он понял, что кто-то его опередил.

Итак, Дьявол потерпел фиаско, и теперь он — свободен. Эта мысль ласкала и баюкала его, когда он засыпал на ее груди.

Утром она исчезла. Дьявол уже стоял у окна, с нетерпением поигрывая своей эбеновой тростью.

Увидев его, Прейсингер рассмеялся.

— Глупец! — вскричал он. — Ну и маху ты дал, могу тебя уверить! Условия сделки, конечно, не выполнены — и, однако же, я получил то, что хотел.

Дьявол пристально взглянул на него. Смех застрял у Прейсингера в гортани.

— Ну? Чего ты ждешь? Все кончено, убирайся! Сделка недействительна!

– Не совсем так, – произнес Дьявол. – Я дал тебе то, что ты просил.

– Но формально условие не выполнено! – вскричал Прейсингер. – Я не был первым. Другой был до меня...

И тогда Князь Лжецов расхохотался так, что дымящиеся слезы брызнули у него из глаз.

– И ты еще называл глупцом меня, – просипел он. – Неужели ты думаешь, что я способен подчинить невинность, если она без изъяна? Нелепость! Я никогда не смог бы этого сделать. Конечно, до тебя был другой – но дьявол есть дьявол, а не человек!

И со взрывом смеха он потащил Прейсингера сквозь стену прямо в преисподнюю.

НЕМНОГО ПОДЛЕЧИТЬСЯ

Кабинет, напичканный всякой техникой, был залит светом. За письменным столом восседал доктор. Он взглянул на Джеймса Уитли сквозь толстые стекла очков и снисходительно улыбнулся.

— Итак, на что жалуемся?

Дней пять Уитли продрожал от страха в ожидании этого визита.

— Я понимаю, что глупо обращаться к вам с такой чепухой, — ответил он. — Палец у меня болит, на ноге.

— Ну, ну! — воскликнул доктор. — Сейчас разберемся. И давно он у вас болит?

— Этак с полгода. То разболится, то отпустит. Если почестному, то не очень он меня и беспокоил до прошлой недели. Понимаете...

— Понимаю, — прервал его доктор. — Вы хотите сказать, что со временем боль усилилась.

Уитли задумчиво пошевелил больным пальцем.

— Ну... можно сказать и так. Понимаете, когда я сначала...

— Сколько вам лет, мистер Уитли?

— Пятьдесят пять.

— Пятьдесят пять! — Доктор перелистал лежащую перед

ним на столе историю болезни. — Уму непостижимо. За последние десять лет вас ни разу не обследовали!

— Что верно, то верно, — извиняющимся тоном произнес Уитли. — Я ж себя вполне прилично чувствовал, до той поры, как...

— Прилично себя чувствовали! — с ужасом вскричал доктор. — Дорогой мой, как же вы это допустили — ни одного обследования за десять лет. Сейчас не средневековье!

— В общем-то, конечно...

— Не спорю, вы можете неплохо себя чувствовать, но, поверьте, это еще не значит, будто ваш организм в полном порядке. Видите, у вас уже болят пальцы на ногах.

— Один палец, — уточнил Уитли. — Мизинец на правой. Мне казалось...

— Возможно, что сегодня только один палец, — сурово произнес доктор. — Но завтра... — Он тяжело вздохнул. — Как у вас последнее время с дыханием? Когда взбегаете по лестнице, появляется одышка?

— Мм... пожалуй, есть немного.

— Так я и думал. А сердцебиение? К концу дня устаете? При быстрой ходьбе ноги болят?

— Да, бывает. Я...

На лице Уитли отразилась тревога. Он потер больной палец о ножку стула.

— К вашему сведению, пятьдесят пять лет — опасный возраст, — мрачно изрек доктор. — Кашель беспокоит? Изжога после обеда? Ночью спите полусидя, опершись на гору подушек? Так я и думал. И за десять лет — ни одного обследования!

– Теперь я вижу, что допустил промашку, – согласился Уитли. – Но мой палец, понимаете, что с ним-то...

– Дорогой мой, ваш палец – часть организма. Он не существует сам по себе. Если у вас болит палец, значит, на то есть серьезная причина.

Тут Уитли встревожился не на шутку.

– Серьезная причина? Я думал, может, вы мне пропишите что-нибудь такое...

– Чтобы снять боль?! – Доктор был потрясен. – Разумеется, я мог бы вам кое-что прописать, но разве это устранил причину заболевания? Жалкое симптоматическое лечение. Знахарство какое-то. С того времени, когда вы последний раз были у врача, медицина сделала огромный шаг вперед. Теперь мы знаем, что даже в самом лечении кроется опасность. Представьте, что за год от аспирина гибнет больше людей, чем от цианистого калия.

Уитли вытер со лба пот.

– Господи боже! Мне и в голову не приходило.

– И все это мы обязаны учитывать, – продолжал доктор. – В чем суть проблемы в вашем случае? В том, чтобы установить, почему у вас болит палец. Боль может быть вызвана воспалительным процессом. Или опухолью. Не исключено, что причина, э-э, функционального порядка... или, скажем, у вас не в порядке сосудистая система.

– А что если измерить мне давление? – предложил Уитли.

– Это не составит труда, но, видите ли, это, во-первых, не по моей части и, во-вторых, ничего нам не даст. Однако вы не падайте духом. У нас в Диагностической клинике

есть прекрасный специалист по гипертонии. – Доктор заглянул в тетрадь с расписанием. – Вас устроит следующий понедельник, к девяти утра?

– Крайне любопытный снимок, – произнес молодой рыжеволосый доктор. – Интереснейший. Видите затемнение в области сфинктера двенадцатиперстной кишки? А задержку эвакуации содержимого? Давненько мне не попался такой выраженный пилороспазм! Красота!

– Это мой палец? – спросил Уитли, пододвигаясь поближе к докторам. Ему казалось, что он ждет целую вечность.

– С чего вы взяли? – сказал рыжеволосый. – Пальцами занимается ортопед, а я гастроэнтеролог. Моя специальность – верхний этаж брюшной полости. Вот доктор Шульц, он как раз специалист по нижнему этажу.

И рыжий вернулся к беседе с доктором Шульцем. А мистер Уитли все ждал и потирал больной палец.

Вскоре к нему подсел еще один врач. Лицо его выражало крайнюю озабоченность.

– Скажите, мистер Уитли, вам в последнее время делали ортограмму?

– Нет.

– А ЭКГ?

– Нет.

– Ну а флюороортограмму?

– Я... вроде бы нет.

Доктор вконец расстроился и ушел, бормоча себе что-то под нос. Не прошло и минуты, как он вернулся с двумя коллегами.

— Лично я уверен, что это кардиомегалия, — на ходу говорил он им, — но окончательный диагноз оставим Хеддонфилду. В конце концов, он лучший в городе специалист по левому желудочку. Вы читали в июльском номере «Журнала медицинской ассоциации» его статью «Несовершенство ортодиаграмматической техники при демонстрации минимальной гипертрофии левого желудочка»? Блестящая работа, просто гениальная! Что касается этого пациента...

Он взглядом указал на Уитли и перешел на шепот. Чуть погодя один из них приблизился к Уитли, двигаясь так осторожно, словно боялся, что тот может внезапно исчезнуть.

— Очень прошу, не волнуйтесь, мистер Уитли, — начал он. — Мы вас обязательно вылечим, только нужно пройти еще кое-какие обследования. Как насчет того, чтобы завтра в три часа дня заглянуть ко мне в Клинику клапанов?

Уитли согласился.

— Что-нибудь серьезное?

— Серьезное? О нет. Вы успокойтесь, все будет в полном порядке, — заверил его доктор.

— Видите ли... Палец у меня все еще побаливает. Правда, не так сильно, как раньше, но я вот думаю, может, вы...

Лицо доктора просветлело.

— Прописать вам обезболивающее? Увы, рад бы, да не могу. Терапия — не наша область. Всегда лучше, когда конкретный вопрос решает узкий специалист. — Он призадумался, поглаживая подбородок. — Вот что мы сделаем. Лучший наш терапевт — доктор Эпштейн, он сразу сообразит, как вам помочь. Посмотрим, удастся ли записать вас к нему на прием после завтрашнего визита ко мне.

На следующий день мистер Уитли опоздал в Клинику митрального клапана, так как по ошибке забрел в Клинику аортального клапана, но в конце концов он разыскал нужный кабинет. Не прошло и трех часов, как его простукали, прослушали и сделали рентгеновские снимки. Когда ему вводили вещества в правую руку и выводили их из левой, он только диву давался, каких высот достигла современная медицина. Его успели осмотреть специалисты не только по клапанам, но и по магистральным артериям и по периферической капиллярной системе.

А вот терапевт как назло отбыл на конгресс в Атлантик-Сити, и поэтому Уитли направили в клинику функциональных болезней. «Никогда не помешает исключить такого рода заболевания, — в один голос сказали врачи, — иначе что толку пичкать вас лекарствами?» Потом психоневролог выспрашивал интимные подробности его личной жизни, а психосоциолог вникал в то, с кем и как он общается, после чего оба долго совещались.

Через три дня Уитли снова сидел в коридоре на первом этаже клиники. Шел консилиум лучших специалистов; время от времени, когда стороны начинали горячиться, до Уитли долетали обрывки фраз.

— Не сомневаюсь, что это...

— Однако нельзя исключить и влияние эндокринной системы...

— Всецело с вами согласен, коллега, но на такой вопрос лучше других ответит Биттенбендер из Университета. Его репутация как осморцептолога...

— Вполне вероятно, что фактор спастики перифериче-

ских сосудов...

– А кто-нибудь исследовал фильтрующуюся фракцию?..

Джеймс Уитли повременил маленько, поднялся со скамьи и, едва заметно прихрамывая, пошел к выходу.

В комнатке царил полумрак, тяжелые турецкие занавеси отгораживали ее от темного коридора. Попахивало какими-то курениями.

Из-за занавесей вышел отталкивающей внешности смуглый субъект при усах и чалме и церемонно поклонился.

– Вы пришли ко мне за советом? – спросил он с легким акцентом.

– Пожалуй, что так, – неуверенно начал Джеймс Уитли. – Видите ли, мизинец у меня разболелся, на правой ноге...

РОБЕРТ ЯНГ

ОСКОЛКИ ПРОШЛОГО

Безусловно, Хейверса удивила возможность вернуться в прошлое. Но само по себе прошлое изумляло еще больше. Все оказалось не так, как он себе представлял. Он думал, что это нечто вроде старого кинофильма, в котором отважный путешественник легким шагом прогуливается вдоль разнообразных ностальгических пейзажей, пока, наконец, не добирается до того эпизода, куда хотел вернуться. Но Хейверс не понимал, что, во-первых, прошлое по сути своей мертво, а во-вторых – что скопища исторических событий и, соответственно, огромные толпы людей порядком ограничивают обзор минувших лет жизни конкретного человека и к тому же навязывают свои методы погружения в прошлое. Поэтому, открыв странную дверь и переступив порог, Хейверс немного опешил: перед ним была довольно обычная, тесная комната без окон.

Поразмыслив, он осознал логичность такой экономии. Комната была около шести метров в длину, четыре с половиной в ширину и примерно три высотой. Потолок сводчатый, сложенный из светящихся квадратных блоков со стороны тридцать сантиметров, изливающих мягкое сияние. Пол покрыт линолеумом – красные и черные квадраты в шахматном порядке. Стены покрывали панели из орехового

шпона размером двадцать пять на десять сантиметров. От пола до потолка, начиная слева от входа, по всем стенам шли полки, прерываясь только, чтобы освободить место для двери, расположенной ровно напротив той, в которую вошел Хейверс. Над дверью красным светом горели буквы «Выход» – как в старом кинотеатре. У стены справа от входа высились два шкафа, серый и розовый, а слева перед рядами полок стоял небольшой гипсовый пьедестал.

В центре комнаты находился стильный овальный стенд. На его стеклянных полках располагалось множество разнообразных предметов – каких именно, Хейверс с порога не мог видеть. Но он понимал, что они несомненно сыграли важную роль в его прошлой жизни, раз их выставили в самом центре и на таком впечатляющем стенде.

Он подошел ближе. Первое, что бросилось в глаза – роман, который он так и не закончил. Книга в красном сафьяновом переплете занимала центральную часть верхней стеклянной полки, золотые тисненные буквы на обложке гласили:

НАЛИЧНЫЕ И КРЕДИТЫ

Джордж Уэверли Хейверс

Хейверс открыл книгу. Естественно, страницы были пусты, кроме четырех – титульного листа и короткого текста. Перелистнув титульную страницу, Хейверс начал читать: «Прежде чем проникнуть в разум Элайджи Торпа, где мы несомненно обнаружим массу интересных для следователя махинаций, обратимся к его телосложению и физиогноми-

ке: в первом случае случае он был эктоморфом¹, во втором — долихоцефалом². Итак, нам...» — Хейвер поспешно захлопнул книгу и вернул на полку.

Слева от роскошного фолианта на художественно оформленных черных пластиковых подставках располагалась коллекция курительных трубок, которые Хейверс начал собирать во время Второй мировой войны и продолжил в пятидесятые годы, а в шестидесятые увлечение незаметно сошло на нет. Трубки из вереска, пенковые, вырезанные из стержня кукурузного початка, «Йелло-боулз» и «Кэйвудиз». Хейверс разглядывал их с некоторым недоумением. На кой ляд он, всегда куривший сигареты, потратил столько времени на коллекционирование трубок?

Его взгляд переместился на предмет рядом, и он поначалу не мог его идентифицировать. Желтовато-коричневый, по форме похожий на большой, толстый оладий, с глубокой круглой выемкой в центре. Неужели? Да, несомненно, это она — бейсбольная перчатка, которую отец подарил ему на девятилетие. Господи, он не видел ее целую вечность! По иронии судьбы, сейчас перчатка вызвала у Хейверса не прилив ностальгических чувств, а глубокое отвращение. Он никогда не любил бейсбол, хотя неплохо играл и даже входил в школьную команду в старших классах.

Возле перчатки лежал аттестат, а рядом с ним, словно перечеркивая значимость документа об окончании школы, красовался пергаментный свиток длиной в метр, который

¹ Худощавый человек с длинными и тонкими конечностями, жилистыми мышцами и, как правило, худыми и узкими плечами.

² Человек с длинной и узкой головой.

Хейверсу вручили во время выпуска из Института Успешных Бизнесменов. Медленно обходя стеллаж по кругу, Хейверс разглядывал предметы на полках. Там он увидел древнюю зажигалку «Зиппо», медаль с двумя бронзовыми звездами за участие в боях на Азиатско-Тихоокеанском театре, медаль «За безупречную службу», Филиппинскую наградную ленточку, упаковку бритвенных лезвий «Жилет», кредитную карточку «Мобиглас», складные санки «Флексибл Флайер», механическую пишущую машинку «Роял» с отвалившейся буквой «г», бойскаутский нож с четырьмя лезвиями, пару кабелей для динамиков, японскую куклу-гейшу, красную тележку, на каких когда-то катались дети, штопор, календарь Курье и Ивза за 1962 год, плотницкую рулетку, заплесневевшую камеру «Полароид Лэнд», таблицу калорийности продуктов, книжку «Том Свифт и его мотоцикл» и новогоднюю дудку.

Многие из этих вещей никак не затронули его душу, а некоторые он и вовсе не помнил. Все они давным-давно утратили для него ценность, если вообще когда-то ее имели. Их как будто специально выбрали, чтобы выставить его жизнь обыденной и серой, хотя на самом деле она была яркой и насыщенной, о какой можно только мечтать.

Впрочем, эти скучные предметы составляли лишь часть выставленного в комнате. Были еще стеллажи и два шкафа. Стеллажи выглядели заманчиво. Он двинулся к ним и по пути прямо над пустым постаментом заметил на стене слова в рамке. Наверняка какая-нибудь расхожая мудрость типа: «Снилось мне, что жизнь цветет, просыпаюсь – долг зо-

вет» или «Кто рано встает, тому бог дает». Но вместо этого он прочитал детскую потешку:

Хикори-дикори-док!
Мышь на будильник
Скок!
Будильник:
– Бим-бом!
Мышка –
Бегом!
Хикори-дикори-док!¹

Хейверс перевел взгляд на полки стеллажей.

Известно, что Марселя Пруста, после вкушения легендарного печенья «мадленка», посетила муза. Вспоминания счастливого детства обрушились на Пруста водопадом, и писатель углубился в воспоминания прошлого. С Хейверса ничего такого не произошло. Просто перед ним возникла странная дверь, и почему-то он в тот же миг понял, что она ведет в его былые деньки. А потом он, ведомый исключительно любопытством, открыл ее и переступил порог. Да, его жизнь была насыщенной и яркой, но он не имел намерения возвращать прошлое – ни один из этапов. «Всему свое время»: он всегда следовал этому правилу, чем искренне гордился. А время прошлого, как он считал, уже миновало.

Тем не менее, то, что он увидел на стеллажах, сбило его с толку. На них стояли куклы.

Почему куклы? Он их никогда не коллекционировал!

¹ Агата Кристи «Хикори, дикори, док...» (пер. Вадима Левина).

Присмотревшись, он понял, что это не просто куклы, а миниатюрные копии – восемнадцать-двадцать сантиметров ростом – самых значительных персон в его жизни. Так сказать, высокое собрание его родственников, друзей и знакомых.

Наугад он взял в руку одну из кукол, чтобы рассмотреть внимательнее. Это оказалась модель Дика Эванса, коллеги, занимавшего соседний кабинет в компании «Уэстбрук Инкорпорейтед», пока Пейн Уэстбрук не уволил его из-за непомерной тяги к спиртному. Хейверс поставил Дика обратно и взял соседнюю куклу. Это был Пейн Уэстбрук, высокий, всегда сдержанный, корректный, с вечным загаром, добытым в солярии. Любопытно, чем эти куклы набиты? Хейверс оторвал Пейну правую руку. Да, как он и думал: опилки.

Он водрузил Уэстбрука на место, и, наклонившись, стал рассматривать гомункулов по очереди. Иногда приходилось напрягать память, чтобы узнать кого-то из них, но некоторых он вспоминал сразу, с первого взгляда. Вот, например, мисс Траут, его учительница в четвертом классе. А вот Уинстон Барнс, тренер по физкультуре. Джон Лакросс, сосед по комнате в общежитии Института Успешных Бизнесменов. Вирджи Харрингтон, его личный секретарь. Отец Хейверса. Мать Хейверса. Его сын Уэсли. Пеги Фелпс, девушка, которую Хейверс боготворил в последнем классе школы. Потом ее застукали в котельной на месте преступления с Ральфом Коллинзом и исключили. А вот и сам Ральф Коллинз.

Следующую куклу он поначалу никак не мог узнать. Высокий молодой человек с каштановыми волосами, карими

глазами и слегка оттопыренными ушами. Наконец его осенило: это же он сам, но не нынешний, а времен женитьбы на Дженнифер. Неужели в те дни он был такой худощавый?

А вот еще одна кукла... он знал, кто это, но не мог поверить. Разве Дженнифер тогда была такой красавицей? Он взял куклу в руки, чтобы получше рассмотреть. Ясные голубые глаза, стройные длинные ноги, волосы цвета пшеницы... настоящая Барби, искусно выполненный экземпляр. Внезапно он ощутил, что его обманули – не жизнь, а время. Девушка в его руках почти не напоминала ту Дженнифер, с которой он жил сейчас – высокую, тощую, мрачную женщину в разгар климакса.

Он поставил Барби на полку и перешел к следующей секции. Здесь стояли миниатюры электроприборов, радиоприемников и телевизоров, которые они с Дженнифер покупали на протяжении двадцати трех лет супружеской жизни; с ними соседствовали портативные телеприемники и радио, купленные когда-то для Уэсли. Расставленные на полках, они напоминали игрушки – те, что маленькие девочки получают в подарок на Рождество. Следующая секция демонстрировала автомобили, которыми он когда-то владел. Поразительно, сколько их! Как он, человек с довольно скромным доходом, умудрился приобрести тонны и тонны стали и хрома? Автомобили тоже казались игрушечными – в такие играют на тротуарах мальчишки. Только пожарной машины не хватает.

Он дошел до двери с табличкой «Выход», постоял немного рядом, глядя на ее непрозрачные панели, потом двинулся дальше. Следующая секция напомнила ему кукольный

домик. На полках стояла миниатюрная мебель – целый склад. Спальные гарнитуры, гостиные, кухонные плиты, кухонные шкафы, столовые, буфеты, стульчики для кормления, лампы, коврики, подставки для ног, журнальные столики, тумбочки, ванны и туалетные комнаты, аптечки. Игрушечный комод. Нет, два комода. У следующей секции были всего две полки – на них стояли уменьшенные копии двух домов, которые он купил за время супружества. Первый, на верхней полке, напоминал коробку из-под обуви. Этот дом Хейверс ненавидел. Второй, на нижней полке, – большой, солидный, в стиле ранчо. В нем они с Дженнифер обитали до сих пор, и его Хейверс ненавидел еще больше.

Последняя секция представляла собой склад крошечной одежды – его собственной, Джен и Уэсли. Его вещи были представлены еще с младенческих времен, как и сына. А вот одежда Дженнифер – лишь со времени их встречи, ведь то, что она носила прежде, не имело отношения к его жизни. Он рассматривал маленькие пальто и платья, миниатюрные туфельки. Памятными предметами их можно было назвать лишь с натяжкой – как и мебель, автомобили, бытовую технику – это были всего лишь обрывки прошлого.

Наконец он подошел к двум шкафам.

Первый выглядел, как обычный офисный шкаф, в котором, очевидно, хранились документы – описи всего представленного в комнате. Хейверс быстро заглянул внутрь и убедился, что так оно и есть.

Второй казался куда более интригующим. Розовый – не от краски, а из-за свечения, сочащегося сквозь прозрачные дверные панели. Высотой метр с гаком; верхняя часть

отклонена назад на 45°, и в ней прорезано большое прямоугольное окно. Под окном тянется планка с бордово-коричневыми клавишами, на некоторых значатся цифры, на некоторых что-то написано. Справа от планки – маленькая красная кнопка с надписью «ОТМЕНА». Наконец-то до Хейверса дошло: это же музыкальный автомат.

Что, вообще, эта штука делает в его прошлом?

Глядя сквозь окно в освещенное пространство внутри автомата, он увидел расположенную горизонтально подставку для кассет с записями, насчитал пятнадцать; небольшой рычаг, который захватывает их и вытаскивает; диск в войлочном футляре и еще один рычаг, размером поменьше. В нижней части окна располагались в два ряда белые карточки с названиями.

Хейверс с интересом наклонился ближе. Песни, которые он слышал в детстве, романтические мелодии его юности! И тут же нахмурился: это же вовсе не песни! Это – по крайней мере, на первый взгляд – эпизоды, выхваченные из его прошлого: «Что мисс Траут запретила классу делать во время пикника» (А-1); «Пегги Фелпс», стихотворение Джорджа У. Хейверса (А-2); «Почему Джорджа Вашингтона называют «Отцом нации»: выпускная речь Дж. У. Хейверса» (А-3); «Военный пейзаж со шляхами на фоне» (В-1); «Плач гуляющей девы» (В-2); «Институт Успешных бизнесменов» (В-3); «Компания «Уэстбрук Инкорпорейтед» встречает нового члена семьи» (С-1); «Дженнифер» (С-2); «Рождение сына» (С-3); «Хейверс прокладывает путь наверх: вехи пятидесятих и шестидесятих» (D-1); «Хейверсы за ужином: тетя-тетя любящих супругов» (D-2); «Дик Эванс в гриль-баре

«Роудсайд»: рапсодия в стиле Джойса» (D-3); «Отец напутствует сына перед отбытием в храм высшего образования» (E-1); «Пейн Уэстбрук и ядро атома: выдержки из речи на банкете в честь сотрудников, проработавших в компании двадцать пять лет» (E-2) и «Chez Shaman» (E-3).

Хейверс разозлился. Получается, тот, кто обустроивал комнату, не только собирался выставить его жизнь серой и обыденной, но хотел еще и поиздеваться.

Вместе с тем, в нем проснулось любопытство. Он не помнил, что именно мисс Траут запретила классу на пикнике, его это вообще не интересовало. Но Пегги Фелпс? Очень забавно. Неужели он когда-то посвятил стихотворение глупой девице, помешанной на сексе?

Хейверс поискал глазами прорезь для монеты, но таковой не было. Очевидно, записи проигрывались бесплатно. Он нажал кнопки «А» и «2». Зазвучал голос – его собственный, юношеский, и внезапно он вспомнил, как одним зимним вечером написал эти стихи, а потом читал нараспев у себя в спальне, сидя на подоконнике.

Пегги Фелпс

О Пегги, красота твоя –
Никейский челн дней отдаленных,
Что мчал меж зыбей благовонных
Бродяг, блужданьем утомленных,
В родимые края!
В морях Скорбей я был томим...¹

¹ Из стихотворения Эдгара По «К Елене» (пер. Валерия Брюсова).

Хейверс поспешно нажал «Отмену». Неужели нельзя было сочинить собственные стихи!

Он пропустил «Джорджа Вашингтона» и «Военных со шлюхами», потом нажал кнопку В-2.

Плач гулящей девы

— Одна песо, две песо, три песо... но это маленький для тебя. Твой снял меня, шел в мой комната и хоп — не хотеть секс! Станный американо! Для странный американо цена пятеро песо, даже без секс. Ты! Платить быстро мне пятеро песо, не то я сказать другим американос: ты не есть мужчина! Моя работать тяжело каждый день. Нужно больше песо, покупать еда, новая одежда! И? Моя лежит вся готовая для тебя, а ты не хотеть. Неправильный американо... Иди ко мне — за пятеро песо развлекать тебя сверх программ! Одна песо, две песо, три песо, и еще...

Стенания продолжались, и у Хейверса в памяти всплыла картина: маленькая квадратная комнатенка без окон со стенами из бамбука, бамбуковая кровать, больше похожая на скамейку, проститутка-филиппинка на кровати, ее пестрое платишко задрано до талии... и он увидел самого себя, девятнадцатилетнего, в грубых солдатских ботинках, форме цвета хаки и дурацкой шляпе-панаме. Вот он бросает пять мятых купюр на кровать, стягивает штаны и падает на ухмыляющуюся девчонку; внезапно запись оборвалась, и тишина обрушилась на комнату, полную его воспоминаний.

Он пропустил «Институт Успешных Бизнесменов» (ни к чему вспоминать о том, как его, по сути, обманули с

образованием), «Уэстбрук Инкорпорейтед» встречает нового члена семьи» (о том, что когда-то он ишачил клерком за пятьдесят баксов в неделю), «Дженнифер» (опять эта кукла Барби!), «Рождение сына» (что тут слушать? Факт рождения Уэсли говорит сам за себя), «Хейверс прокладывает путь наверх: веги пятидесятых и шестидесятых» (эти два десятилетия и без того ему плешь проели). Наконец он решил включить «Хейверсы за ужином: тет-а-тет любящих супругов» – но не потому, что хотел послушать их с Дженнифер разговор. Просто ему стало любопытно, почему в список включили такую банальную будничную сцену.

Хейверсы за ужином

- А где Уэс?
- Он придет поздно.
- Послушай, Джен, он все же мог бы хоть раз в день нормально поесть с семьей. Кстати, мясной рулет выглядит великолепно.
- Уэс хочет сегодня взять машину, свозить Вики в кино.
- Вроде бы он возил ее вчера?
- Вчера была Сэнди.
- Хм... Пожалуй, возьму еще картошки. И кусочек рулета... Знаешь, сегодня я принял решение. Мы купим цветной телевизор.
- Прекрасно.
- Честное слово, даже стыдно – приходят гости и видят этот обшарпанный черно-белый ящик. В общем, теперь у нас нет никаких причин не купить новый цветной телевизор.

– Чудесно, Джордж.

– Я говорю, теперь нет причин.

– Да, Джордж?

– Кажется, ты не понимаешь, какой смысл я вкладываю в слово «теперь». Так что сообщаю прекрасную новость: сегодня утром Пейн Уэстбрук вызвал меня к себе и объявил, что назначает на должность генерального менеджера. В следующем месяце Кард Якобс выходит на пенсию, и я, как говорится, следующий в очереди. Ну, почти следующий. Дик Эванс проработал в компании дольше, чем я, но на него, увы, нельзя положиться. У него бутылка спрятана не только в туалете, но и в ящике рабочего стола. Пейн признался мне – разумеется, конфиденциально, так что я никому ни словечка – что если Дик не бросит выпивку, он не только не предложит ему новую должность, но и вообще уволит.

– Это ужасно.

– Согласен. Не пойму, что с ним происходит. Дик и раньше выпивал, но держал себя в руках. А теперь не может или не хочет. Но как бы там ни было, Джен, я добрался до вершины.

– Это же просто чудесно.

– Восхождение было долгим и трудным, но у меня все получилось.

– Замечательно.

– И мы отправим Уэса в лучший университет страны.

– Прекрасно, Джордж.

– Пожалуй, возьму-ка еще горошка...

Следующую кнопку Хейверс не пропустил.

Дик Эванс в гриль-баре «Родсайд»

– Раз ты говоришь что все еще мой друг старина не стану врать и потому заявляю прямо не верь старому ублюдку черт дери он поймет тебя как и меня в этом суть их игры дружище Джордж нагрей их первым не то они поймут тебя еще стакан Ферди нет лучше два! ты ж толковый парень Джордж неужто не видишь мы живем не своей жизнью и я делаю что хочу только когда пьян а напиваюсь я часто с недавних пор по трезвянке я все думал что там скажут другие одобряют или нет а теперь мне по хрен старина я свободен дружище плевал я на них всех где выпивка Ферди? Господи Боже это ж безумие человек живет лишь раз и тратит время на выделявание перед другими как мол им его жизнь одобряют или нет? ты видишь красотку на улице которая явно не прочь но не идешь за ней черт возьми а если узнает жена и что подумают соседи и красotka уходит поглядывая на тебя а ты точно знаешь что взял бы ее тепленькой! и ты видишь что молодые творят сегодня им по фиг кто что подумает и осуждаешь их мол в наше время молодежь была другая и ты чертовски прав да другая потому как боялась чужого мнения и вырастала в таких как мы с тобой дружище Джордж в тех кем управляют люди которыми управляют другие люди и все порой тайком делают что хотят а в остальное время разыгрывают грандиозные шоу но что когда шоу закончится что нам останется и кто на хрен вспомнит что мы там натворили или не натворили кто вообще вспомнит нас? где бухло Ферди? хреново обслуживают в этом чертовом заведении Я ГОВОРЮ ГДЕ БУХЛО ФЕР-

ДИ!!! короче Джордж мы спустили наши жизни в большой вонючий унитаз мира для которого мы с тобой не больше чем два рулона туалетной бумаги.

Маленький механический рычаг вернул запись на полку. Бедняга Дик, подумал Хейверс. Что за безумный ветер сбросил его с безопасной палубы в бурное море?

Наверное, его корабль просто не искал причала. Дик так и не свил семейного гнезда – по крайней мере, не как Хейверс. Женился и разводился трижды, а Хейверс всю жизнь прожил с одной-единственной Дженнифер. Может, Дик с самого начала обрек себя на падение в бурные воды.

После той встречи в гриль-баре Хейверс никогда больше его не видел.

Он включил следующую запись – E-1.

Отец напутствует сына накануне отбытия в храм высшего образования

– Надеюсь, ты понимаешь, Уэс, что мы с матерью возлагаем на тебя большие надежды.

– Я и сам возлагаю на себя большие надежды.

– Нам с твоей матерью повезло, мы ни разу не испытали стыда или неловкости за тебя в отличие от других родителей. И все это благодаря твоему твердому характеру, который не дал свернуть с правильного пути и пустится во все тяжкие, как многие современные молодые люди.

– Я хочу много зарабатывать и покупать дорогие вещи. А этого не видать, если шлаться где попало, жалеть себя или играть на трубе в никому не известных группах.

– Дорогие вещи – это неплохо, Уэс, но яркая наполненная впечатлениями жизнь не ограничивается материальной сферой.

– Да не беспокойся, я всегда соблюдаю все правила. Но не потому, что, как ты, боюсь их нарушить. Когда-нибудь я обязательно женюсь и заведу детишек. Но пока меня волнуют только дорогие красивые вещи.

– А эта девушка, с которой ты сейчас встречаешься? Лола, кажется? Вроде бы симпатичная. И может стать тебе хорошей женой – конечно, после того как ты окончишь университет и поступишь на работу в солидную компанию.

– Лола? Да она только чтоб поразвлечься. Как и все они. Не хочу, женившись, лежать по ночам без сна и подсчитывать, со сколькими парнями успела переспать моя супруга. Мне нужна девушка, у которой до меня не было никого. Жена – это жена, а развлекаться можно и на стороне.

– Хм... кажется, ты точно знаешь, чего хочешь от жизни.

– Именно. Того же, что и мои бестолковые однокашники. Только они притворяются, что хотят чего-то другого, потому что боятся не справиться и проиграть. Втихаря отколупывают глазурь с торта и облизывают пальцы, но при этом знают: это всего лишь глазурь. А сам торт они «ненавидят», поскольку не могут получить ни куска. Я же точно отхвачу приличный кусок, вот увидишь.

Наверное, в первый раз Хейверс по-настоящему разглядел своего сына, и потом долго размышлял, что, оказыва-

ется, в его доме живет совершенно незнакомый человек. Лег в постель в волнении и плохо спал в ту ночь. Утром отвез Уэса в аэропорт, где он и Дженнифер попрощались с высоким целеустремленным молодым человеком, унаследовавшим рот матери, глаза отца и неизвестно чью душу.

Пейн Уэстбрук и ядро атома

– Джентльмены, в нашей организации есть аутсайдеры, которые осуждают сотрудников, работающих в компании всю свою жизнь. Мол, причина этому то, что они лишены свободы самовыражения, стремятся обезопасить себя и боятся выйти из-под опеки «отца». Все вы, собравшиеся в этом зале, прекрасно понимаете: мнение таких отщепенцев – ложь. Причина, по которой вы работаете здесь долгие годы, не страх, а верность. Чем бы наша компания была без вас? А наша страна? Она бы развалилась, джентльмены, потому что вы – те самые мезоны, на которых все держится. Ведь что такое общество? Это огромный атом, чье ядро состоит из корпораций, организаций и отраслей, благодаря которым наш уровень жизни стал таким высоким. Без надежных сотрудников – мезонов – без вас, скрепляющих ядро, все бы распалось на части, погрузилось в хаос. Думаете, именно этого хотят те, кто воссылает на вас хулу, стреляя злобными речами в самое сердце нашего общества? Нет. Их стрелы – это зависть, их тетива – ревность. Они нападают на вас, потому что завидуют. Каждый из них руку бы отдал на отсечение, чтобы получить почетный значок работника с двадцатипятилетним стажем – один из тех, что я

собираюсь вручить сегодня. Особо мне хочется отметить нашего самого надежного мезона – скажем так, главного мезона, человека, который сделал для нашей мезонической, если можно так выразиться, организации больше, чем кто-либо другой. Я имею в виду, разумеется, нашего стойкого, верного и преданного генерального менеджера Джорджа Хейверса. За два с половиной десятилетия он не только радел всей душой за наше общее дело, но еще и стал столпом нашего сообщества. У него прекрасная жена, и они вместе вырастили замечательного сына, который сейчас постигает смысл высоких идеалов и вечной истины в храме высшего образования. Безусловно, его ждет жизнь, столь же яркая и насыщенная, как жизнь его отца. В заключение хочу сообщить, что в нашу организацию вводится, скажем так, новое подразделение. Оно вот-вот начнет работать, будет называться Департамент взаимосвязей и возьмет на себя осуществление коммуникаций между главным офисом и офисом генерального менеджера. Возглавит новое подразделение мой внук Пейн Уэстбрук Второй, который только что прошел интенсивный курс управления бизнесом и обладает достаточной квалификацией, необходимой для столь важной должности.

Хейверс взглянул на последнюю карточку. «Chez Shaman». Его охватил приступ дурноты, разум затуманился, и, как не силился, он не мог связать странное название ни с одним эпизодом своего прошлого. Если бы он догадался, о чем речь, то не стал бы включать запись; теперь же, недоумевая, прослушал часть.

Chez Shaman¹

– Ух, док, а я уж было решил, что вы мне отпускаете всего полгода жизни...

– Сколько вам предстоит жить, Джордж, зависит от вас. Если вы будете строжайше соблюдать диету, всегда держать под рукой лекарства, избегать стрессов и волнений, то проживете так же долго, как ваш сосед. Пожалуй, даже дольше меня.

– Но ваша диета – просто пытка! Неужели нельзя на завтрак съесть хотя бы одно яйцо?

– Ни в коем случае. Яйцо – это ваш враг номер один... Кстати, почему вам не купить велосипед и не ездить на работу на нем, а не за рулем автомобиля? Велосипедные прогулки в вашем случае способны творить чудеса.

– Велосипед? Я, бизнесмен средних лет, и вдруг возьмусь крутить педали? Ничего себе картина: я паркую велосипед на стоянке между кадиллаком Пейна Уэстбрука и ягуаром Пейна Уэстбрука Второго! Я, Главный Мезон!

– Главный... что?

– Неважно, док. Так, рабочий термин.

Хейверс нажал кнопку «Отмена» и внезапно покачнулся. Перед глазами на мгновение все расплылось. Потом зрение снова сфокусировалось, и он увидел, что к музыкальному автомату прикреплена скотчем маленькая белая карточка. Странно, что он не заметил ее раньше.

Наклонившись, он прочитал напечатанные слова:

¹ У шамана (фр.)

Надеемся, ваш визит был приятным и вы удовлетворены тем, что увидели и услышали. Приносим извинения за то, что позволили себе некоторые вольности в подаче материала. Такова наша политика: добавлять немного острых моментов в прошлое клиента, чтобы лучше донести наше послание.

Пожалуйста, когда будете готовы к отбытию, воспользуйтесь дверью с табличкой «Выход».

Администрация

Хейверс еще раз перечитал слова на карточке, но все равно ничего не понял. Несмотря на безусловную вежливость послания, он ощущал, будто кто-то манипулирует им. Ну уж нет! Он не воспользуется дверью с надписью «Выход»! Он выйдет в ту же дверь, в какую вошел. Более того: выйдет прямо сейчас.

Он подошел к входной двери. И только теперь заметил, что у нее нет ручки. Возможно, она распашная? Хейверс навалился на нее всем телом, но дверь не поддалась – стояла, как кирпичная стена. Он попытался просунуть пальцы между дверью и дверным проемом, но туда не пролез бы даже ноготь. Признавая свое поражение, он отступил назад.

И снова пошатнулся. И снова туман расплылся перед глазами, а потом рассеялся. Хейверс увидел, что пьедестал между дверью и первой секцией полок уже не пустует. На нем стоит кукла – размерами чуть больше, чем гомункулы на стеллажах. Кукла одета в темно-серый костюм, рубашку в полоску, синий галстук и туфли из крокодиловой кожи. Галстук завязан небрежно и висит поверх пиджака.

Хейверс долго смотрел на куклу. На ней была точно такая же одежда и обувь — только, конечно, меньше размером — что и на нем сейчас. Именно этот галстук он завязывал в спальне, прежде чем спуститься к завтраку. Кукла на полке выглядела в точности так, как он сейчас, если не считать неаккуратно торчащего галстука.

(Странно, но он не помнил, завтракал или нет.)

Глядя на гомункулуса, он начал постепенно осознавать, что за мертвая тишина царит в комнате. Он обратил на нее внимания и раньше, когда входил в комнату, но потом его внимание переключилось на предметы из прошлого, и тишина отступила на второй план; а во время прослушивания записей он и вовсе забыл о ней. Но теперь она смыкалась вокруг него почти осязаемо. И это была первая истинная тишина в его жизни. Он даже не слышал собственного дыхания...

Внезапно он вспомнил боль — сильнейшую острую боль, пронзившую грудь и левую руку, когда он спускался завтракать. А потом перед ним появилась странная дверь, ведущая в прошлое.

Хейверс не удивился. На самом деле, он уже давно понял, что умер.

Он огляделся по сторонам. Посмотрел на главный округлый стенд и вещи на нем, на предметы, выставленные на стеллажах, на музыкальный автомат, чье многоголосье затихло навсегда. И наконец его взгляд остановился на двери с табличкой «Выход».

Да. Бороться с любой администрацией так же бессмысленно, как с ветряными мельницами.

Удивительно, что приближение смерти он принял так легко. Возможно, потому, что никогда не чувствовал себя по-настоящему живым.

Хейверс сделал шаг к выходу, но замешкался: подошел к пьедесталу, перевязал галстук на гомункулусе и аккуратно заправил его под пиджак. Потом пересек комнату, открыл дверь и вышел.

ЛЕТО УПАВШЕЙ ЗВЕЗДЫ

Упавшая звезда лежала на прогалине в лесу за фермой отца, неподалеку от края ущелья, куда ее собирались сбросить, чтобы похоронить навсегда. На первый взгляд звезда напоминала валун, яйцеобразный и местами покрытый мхом. Но при ближайшем рассмотрении становились заметны странные трещины и обугленные пятна: явные свидетельства ее огненного пути сквозь земную атмосферу.

Настоящий метеор, конечно, снес бы часть леса и образовал бы при падении кратер. Но, как известно, дареному коню в зубы не смотрят. Живущие поблизости дети хорошо это знали, а лучше всех знал это Ларкин.

Даже в детстве он был одиночкой и на поляну, где лежала звезда, приходил один. Тем летом, когда ему было десять, он навещался на поляну особенно часто. Тогда он еще не знал, что звезда обречена, что следующей весной окрестные леса вырубят и расчистят место для строительства жилого комплекса.

Долгими летними днями он сидел на поляне, грелся на солнышке, смотрел на звезду и придумывал разные истории. В одной из них звезда была космическим кораблем инопланетян. Где-то на просторах Солнечной системы у корабля вышла из строя система управления, и ему пришлось

совершить вынужденную посадку на Землю. Пилот или погиб при прохождении через атмосферу, или получил серьезные травмы при посадке. Он не смог выбраться наружу и умер от голода и нехватки кислорода.

В некотором смысле упавшая звезда предопределила будущее Ларкина.

– О, это вы, мистер Ларкин! Тот самый мистер Ларкин! Простите, не узнал вас, сэр. Проходите, пожалуйста.

– Спасибо. – Ларкин застегнул молнию нейлоновой куртки, под которой к карману рубашки крепился его имен- ной бейдж.

– Понимаю, почему вы решили напоследок все проверить, – продолжил охранник. – Будь это мой корабль – в смысле, если бы его создал я, как вы, – я бы тоже хотел убе- диться, что все в порядке. Кстати, сэр, вы не знаете, с чем связана задержка? Почему остановили запуск и распустили народ по домам?

– Понятия не имею, – солгал Ларкин.

Стартовый пусковой комплекс «Брунгильда-Валькирия» (в последнее время в космических кругах вошла в моду скандинавская мифология) навевал воспоминания о его предшественнике, «Аполло-Сатурне» (иначе СПК-39), ны- не отправленном на дальний склад. Рядом с высоченным монтажно-испытательным корпусом ютилось длинное пря- моугольное здание Центра управления запуском: на фоне монтажного гиганта оно выглядело как грубый строитель- ный блок, еще не установленный на свое место. Саму по себе стартовую платформу – в отличие от СПК-39 всего од-

ну — с монтажно-испытательным комплексом связывал широкий пятикилометровый пандус. Именно по нему три дня назад мобильная платформа привезла на стартовую площадку носитель «Валькирия» и корабль «Брунгильда-2».

Ларкин подошел к пьедесталу, куда водрузили ракету и корабль. Проезжая по новому шоссе, проложенному рядом с пандусом, и паркуя машину, он постоянно ощущал странное притяжение возвышающегося над комплексом корабля. Когда он вступил в озеро света, под яркие лучи прожекторов, это ощущение только усилилось. Корабль с прикрепленной к командному модулю изящной вышкой аварийной эвакуации как будто касался изножья небес. Рядом вздымалась пусковая сервисная башня, и, хотя все технические пристройки уже успели убрать, оставив только трап, при взгляде снизу уходящая в небо конструкция ассоциировалась с образом мирового ясеня — Игдрасиля.

Корабль «Брунгильда-2», венчающий третью ступень ракеты «Валькирия», стал вторым детищем двадцатипятилетнего союза Ларкина с его вечной мечтой. Их чуть менее совершенный первенец, «Брунгильда-1», совершил полет вокруг Нептуна с тремя астронавтами на борту и продемонстрировал жизнеспособность космического двигателя Ларкина и его полный потенциал: 0,99 скорости света. «Брунгильде-2» тоже предстояло взять на борт троих астронавтов, но на сей раз корабль отправлялся в путешествие в систему звезды Барнарда, находящуюся на расстоянии более шести световых лет от Солнца.

В 1963 году была открыта планета, вращающаяся вокруг звезды Барнарда. Об этом говорило гравитационное воздей-

ствие, которое планета на нее оказывала. Размерами звезда Барнарда в несколько раз превышала Юпитер. Официально система считалась непригодной для жизни, но открытие одной планеты фактически гарантировало наличие и других планет. Ларкин с успехом доказал это в жарком споре с НАСА, которое настаивало на полете к Альфе Центавра. Одна из планет системы Барнарда, говорил он, возможно, решит проблему перенаселенности Земли.

Абсолютно уверенный в своем двигателе Ларкин настаивал на ненужности пробного полета. «Брунгильду-1» следует отправить не вокруг Нептуна, говорил он, а сразу к звезде Барнарда. Но НАСА не устраивал такой подход. Даже после успешного полета и возвращения «Брунгильды-1», даже несмотря на то, что аэрокосмическая компания Ларкина создала еще более совершенный аппарат, в НАСА по-прежнему настаивали на еще одном пробном полете к Нептуну и более тщательном изучении звезды Барнарда. На это ушло бы еще много лет, чего Ларкин не мог позволить. Ему уже за сорок, а к завершению миссии исполнится шестьдесят, даже если начать прямо сейчас! В отчаянии он пригрозил, что оставит пост главного подрядчика, закроет свою компанию и устроит вдобавок жесткие судебные разбирательства. В НАСА пошли на попятный. Они, как и сам Ларкин, прекрасно понимали: без его гения новая космическая программа превратится в пшик, в череду неудач наподобие тех, что преследовали ракету-носитель «Авангард».

Корабль нависал теперь прямо над Ларкиным – величественная богиня из давнего мифологического прошлого. Он представил себе вспышку первой ступени, и у него в голове

возник образ взметнувшейся юбки великанши из Бробдингега.

Скоро срок, на который отложили старт, истечет, и на площадке снова засуетятся техники. Но сейчас здесь тихо, только охранники и сам Ларкин. Пусть НАСА и является чисто формально его хозяином, но в их системе он фигура номер один и у него хватает прав остановить запуск, дать себе время попрощаться. Завтра его корабль вольется в круговорот звезд и стремительно понесется со скоростью, близкой к скорости света.

Идея двигателя пришла в голову Ларкина еще в молодости. Это случилось ночью, по крайней мере так ему помнилось. Тогда в его воображении возник сложный аппарат, похожий на многогранный отражатель, который замедляет световые волны, посылая их обратно. Скорость замедления зависела от количества граней. Грубо говоря, это все равно что бросить гаечный ключ в работающий механизм Вселенной. Вселенная, вынужденная компенсировать торможение, заставит двигатель работать, она будет направлять корабль к источнику света со скоростью, уравнивающей замедление.

В теории, если бы световые волны удалось остановить вообще, двигатель мог бы развить скорость света. На практике вышло иначе. Неведомые космические силы работали так как надо лишь при замедлении света, но не при остановке, и космический двигатель Ларкина достигал скорости 0.99 от световой, но не самой скорости света. Существовало еще одно ограничение: по самой своей природе двигатель работал на полную мощность лишь в далеком космосе, так

что движение корабля отчасти зависело от тех самых систем действия и противодействия, которые идея двигателя, по сути, перечеркивала.

Идеи приходят просто так, но вот за их осуществление надо платить. Ларкин заплатил за свой двигатель в полной мере: годами изнуряющего труда, душевной болью, одиночеством, невозможностью продлить свою жизнь в сыне или дочери, бессонными ночами, иногда горьким отчаянием. Но игра стоила свеч – он проложил дорогу к звездам. Учитывая время набора скорости и торможения, грядущая миссия займет около пятнадцати лет, но, благодаря сжатию Лоренца-Фицджеральда, для астронавтов на борту пройдет всего три года. И если подтвердится, что в системе звезды Барнарда существует планета земного типа, безлюдная или населенная существами, стоящими на более низкой ступени развития, можно будет начать ее колонизацию.

Становилось холодно, ночная сырость подкрадывалась со стороны моря. Ларкин поднял воротник куртки и в несколько шагов преодолел оставшиеся до платформы метры. Сердце с каждым ударом словно распластывалось по грудной клетке; горло то и дело сжималось. Он чувствовал себя астронавтом накануне свидания со звездами, а не бизнесменом-инженером, готовящимся сказать «прощай» воплощению своей мечты. Инженер-бизнесмен не летит на крыльях, созданных им самим из света, к звездам, о которых всегда мечтал. За него это делают другие.

Однажды Ларкин в очередной раз отправился на лесную поляну, и тогда случилось странное. Из нанесенного ветром

вороха палой листвы и валежника у изножья звезды высунулась длинноухая головка кролика, затем зверек целиком выбрался на свет и ускакал в кусты.

Кроличья нора под валуном – вроде бы ничего необычного. Но именно под этим валуном? Внезапное появление зверька открывало волнующие перспективы. И самая интригующая их них – пилот-инопланетянин, созданный в воображении Ларкина, на самом деле не умер от голода или удушья, а выбрался наружу через центральный люк, а затем прокопал путь на свободу.

Наверное, за годы, прошедшие с тех пор, вырытый им туннель местами осыпался, и ветер нанес в него листья и ветки. А кролик будто по заказу получил себе уютную норку.

А если попробовать расширить лаз? Возможно, тогда удастся проникнуть внутрь корабля или, по крайней мере, добраться до люка или замка. Ларкин немедленно начал копать. Сперва руками, потом, когда на смену листьям и веткам пришла земля, лопаткой – сбегал домой и взял ее в сарае, заодно прихватив фонарик из отцовского пикапа. Тогда он еще не был инженером, но все же сообразил: если раскопать нору слишком сильно, корабль рухнет прямо на него; поэтому, несмотря на волнение, он увеличивал диаметр туннеля только на ширину своих плеч.

Кроличий лаз (Ларкин по-прежнему называл его так, хотя понимал, что кролик – всего лишь последний зверек в длинной череде обитателей норы) шел вниз на метр и затем выравнивался. Копать стало труднее, работать лопаткой в узкой норе рискованно, и он снова начал вгрызаться

в землю руками. Наконец пальцы наткнулись на осколки металла. Теперь Ларкин точно знал: он на верном пути.

Раскапывая туннель, он складывал в уме картину произошедшего, пересматривая и подправляя то, что воображал раньше. На расстоянии световых лет от дома корабль пришельца вышел из строя (возможно, столкнулся с метеоритом), пилоту удалось дотянуть до Солнечной системы и запланировать посадку на единственной планете, где был шанс выжить – на Земле. Но в последний момент аппаратура отказала, и корабль приземлился на бок, так что единственный люк оказался заблокирован. (Или другой вариант: корабль приземлился ровно, но после посадки завалился набок). Понимая, что неизбежно погибнет от голода и/или удушья, пилот достал лучевую пушку, прожег в люке дыру и прокопал ход.

Возможно, инопланетянин был не один. Возможно, их двое или трое. Да, корабль маленький, но ведь и члены экипажа могли быть миниатюрными существами.

Но нет. Пилот был один. И размером с человека среднего роста. Ларкин увидел это сразу, как только просунул голову и плечи сквозь дыру в люке и осветил пространство фонариком. Инопланетянин не выбрался из корабля. А если ему это и удалось, он вернулся обратно умирать. Факт его смерти неоспорим: луч фонарика наткнулся на кости.

Если смотреть с выхода на посадку, кажется, что три ступени «Валькирии» уменьшаются в размерах книзу: третья – наименьшая – казалась самой большой, первая – наибольшая – самой маленькой. Человек, стоящий на стартовой

платформе, выглядит отсюда крошечным, как мышонок. Но, конечно, сейчас внизу никого не было. Ларкин объявил задержку старта в 23:00 сразу после того, как корабль и ракету заправили горючим. Бригаду второй смены, которая должна была уйти в полночь, отправили по домам на час раньше. Задержка продлится до часа ночи, тогда на дежурство – на час позже – выйдет вторая смена, и отсчет возобновится. Три астронавта миссии «Звезда Барнарда» – Кливз, Барнс и Уэллмэн – поднимутся на борт корабля ровно в шесть утра. Взволнованные фанаты космических полетов столпятся по периметру комплекса, и телевизионщики включают свои камеры. Если все пойдет как надо, старт произойдет незадолго до полудня.

Свет прожекторов слепил глаза, и, ступая по посадочному трапу, Ларкин не видел ничего ни справа, ни слева. Но этого и не требовалось.

«Мистер Ларкин, – спросила его бойкая журналистка на пресс-конференции после успешного возвращения «Брунгильды-1» с орбиты Нептуна. – Что еще, кроме суперсовременных космических технологий, интересует вас в жизни? Чем планируете заниматься, когда окончательно докажете, что ваш космический двигатель способен унести человека к звездам?» – «Ничего не интересует, – ответил Ларкин, равнодушно глядя на журналистку. – А чем буду заниматься, не знаю».

Сотрудники дежурной бригады в Центре управления запуском уже наверняка заметили его на мониторах и позвонили охране. Ларкин не предупредил их о своем визите. Неважно: они установят его личность и успокоятся.

Он подошел к боковому люку командного модуля, открыл его, вошел внутрь и закрыл за собой. Нашел центральный выключатель света, повернул его, и модуль ожил, наполняясь флуоресцентными огнями. Следом Ларкин активировал автоматический атмосферный контроль.

Новый командный модуль, который Кливс, Барнс и Уэллмэн окрестили «Кондором», а Ларкин не называл никак, был куда совершеннее, чем его предшественник с миссии «Аполло». А как же иначе? Он просто обязан быть лучше. Кроме приборного отсека здесь были отдельные жилые комнаты и небольшая гостиная с библиотекой. Баки с гидропоникой располагались в отдельном помещении, как и устройство, перерабатывающее отходы. Бортовой компьютер встроен в приборную панель, а космический двигатель Ларкина установили в носу корабля, за прозрачным пылесборником. Генератор гравитации, модернизированный компанией Ларкина после возвращения «Брунгильды-1», прячется в корпусе корабля, а провизия, медикаменты и запасные детали хранятся в сервисном модуле.

Большой обзорный экран, установленный над приборной панелью, дополнял центральный и боковые иллюминаторы.

Во время полета палуба, на которой стоял Ларкин, станет кормовой переборкой. К ней под передвижной приборной панелью крепились три кушетки, на которых астронавты будут лежать во время ускорения. Каждая кушетка оснащена микрофоном и подлокотниками со встроенным ручным управлением.

Повинуясь внезапному импульсу, Ларкин подошел и вытянулся на ближайшей кушетке.

Первоначальный страх отступил, юный Ларкин забрался внутрь инопланетного корабля и встал на ноги. Насчет приземления он оказался прав: летательный аппарат приземлился — или завалился позже — на бок. Прямо над головой он видел множество датчиков, циферблатов, заржавевших рычагов. Это, конечно же, панель управления. И расположение люка указывает на то, что догадка верна. Но Ларкин ошибся в другом: это не корабль. Летательный аппарат слишком мал; скорее всего, это эвакуационная капсула или спасательный шлюп. Сам же корабль, видимо, уничтожило излучение солнца.

Рядом с панелью управления он заметил небольшой треснувший монитор, похожий на телевизор. Обзорный экран?

Твердая, как камень, внешняя обшивка корпуса, по всей видимости, сделана из специального огнеупорного материала, а внутренняя часть капсулы и палуба — из стали или сходного металла. Ларкин сейчас стоял на стенке корпуса, так что палуба вздымалась перед ним вертикально. Наверное, двигатель скрыт за ней, больше его нигде не видно.

Он направил луч фонарика на кости пришельца. И снова ощутил страх. Усилием воли он заставил себя не отвернуться. Скелет лежал возле люка, вытянувшись во всю длину — или, точнее, высоту — капсулы. Ларкин видел раньше изображения скелетов, и в школе у них был один такой. Насколько он мог судить, этот не сильно отличался от человеческого.

Полуистлевшие остатки одежды цеплялись за ребра, а на плюсовых костях и фалангах пальцев виднелось нечто наподобие кожи. Все вокруг было засыпано высохшим звериным пометом, а в грудной клетке скелета неизвестный предшественник кролика свил гнездышко из сухих листьев, травы и кусков ткани; там он долго обитал и даже вырастил потомство. Ларкин решил, что это из-за следов жизнедеятельности животных – по крайней мере, отчасти – в капсуле стоит невыносимый запах, из-за которого его едва не стошнило.

Люк, который астронавт-инопланетянин прожег своим оружием, находился рядом с большой бедренной костью скелета. А неподалеку обнаружилась и «лучевая пушка»: полусгнивший кабель соединял ее с небольшим насквозь проржавевшим цилиндром.

Только теперь Ларкин осознал, что в капсуле невероятно тесно. Пожалуй, это больше похоже на скафандр, нежели на спасательный шлюп. Скафандр, из которого его владелец не мог выбраться, защитный костюм, перечеркнувший свое главное предназначение. Конечно, совсем другая, но все же броня, наподобие доспехов конкистадоров – тех, что носил Бальбоа, переходя Панамский перешеек в стремлении увидеть Тихий океан, пока, наконец, не...

...Вгляделся вдаль с Дарьенского хребта,
А там, о Бог! Его орлиный взгляд
Узрел простор, где царствует вода¹.

¹ Джон Китс «Написано после прочтения Гомера в переводе Чапмена» (пер. на русский язык Петра Гуреева). *Прим. переводчика:* в стихотворении Китса речь идет не о Бальбоа, а о Кортесе.

А если бы Бальбоа так и не удалось увидеть гладь Тихого океана? Какая горькая ирония! Если бы, как этот инопланетный «Бальбоа», конкистадор прошел свой мучительный путь лишь для того, чтобы погибнуть из-за доспехов, призванных служить защитой!

Но оставим лирику. Ларкин понимал, что сделал величайшее открытие, которое наверняка переполюшит научную общественность, все еще решительно отрицающую саму идею существования жизни на других планетах. Дело было в пятидесятые, кругом только и разговоров что об НЛО. Небо, по слухам, так и кишело летающими тарелками, с которых спрыгивают зеленые марсиане. Готовя воскресные популярные приложения к газетам, журналисты сбивались с ног. Но, стоя возле костей погибшего пилота, Ларкин осознал еще одну истину: эта находка бесценна, и он никогда не отдаст ее на растерзание собакам. Фонарик в его руке мигнул. Ларкин никогда не испытывал теплых чувств к людям, к приятелям детских лет. Нет, он не расскажет никому. Даже родителям. Особенно родителям. Простые фермеры, они оба с грехом пополам окончили восемь классов. Увидев скелет собственными глазами, они нипочем не поверят, что это инопланетянин; более того, наверняка разозлятся, что Ларкин допустил такую мысль. Отец точно выйдет из себя. Он не любил Ларкина, постоянно обзывал обидными прозвищами. «Ты, незаконнорожденный ублюдок, а ну-ка, займись делом, принеси мне вон то! Или вот это!» Мать же относилась к сыну равнодушно. Ее вообще интересовал только телевизор.

Родители сошлись еще в школе, но от прежних чувств не осталось и следа. Они даже не разговаривали друг с другом. Отец, если не обрабатывал землю и не собирал урожай, почти все время проводил в сарае; мать постоянно сидела в кресле, не поворачивая головы ни вправо, ни влево; она смотрела только вперед, на телеэкран. Но, в отличие от отца, никогда не называла Ларкина ублюдком. Однажды ему захотелось выяснить, почему отец так часто зовет его незаконнорожденным. В поисках истины, пока родителей не было дома, он залез на чердак, нашел пыльную коробку с документами, извлек свидетельство о браке и сравнил дату бракосочетания с датой своего рождения. Безусловно, отцу пришлось жениться на матери. Само по себе это не делало его незаконнорожденным, хотя фактически так оно и было.

Ларкин выбрался наружу и, чтобы другие ребята ненароком не раскрыли истинное происхождение упавшей звезды, подтащил ко входу в кроличью нору бревно, а сверху набросал веток и листьев. Кролику это не мешает залезать в логово, но теперь нору вряд ли кто заметит, а если и заметит, то ничего не заподозрит.

Все лето почти каждый день Ларкин приходил к упавшей звезде, пока остальные ребята играли в бейсбол или купались в реке. Перед уходом он аккуратно возвращал бревно на место. Постепенно инопланетного астронавта он начал воспринимать как конкистадора Бальбоа, так и называл его про себя. Бальбоа, который преодолел Панамский перешеек, но не увидел Тихий океан. Совершил восхождение на Дарьенский пик только затем, чтобы его доспехи стали его могилой.

– Мистер Ларкин? Это Центр управления. У вас все в порядке?

Он вспомнил, что встроенная в панель управления камера сейчас включена, а значит, передает картинку на мониторы в Центре управления запуском. Протянув руку, он выключил видео.

– Мистер Ларкин, мы настоятельно рекомендуем не трогать приборы. «Брунгильда-2» готова к запуску, и любое неверное действие с вашей стороны может поставить миссию под удар.

Кретины, подумал Ларкин. Да он знает об этом корабле столько, сколько им не постичь за всю жизнь! Он может прямо сейчас разобрать его по винтику и собрать обратно.

Словно бросая им вызов, он пробежался пальцами по панели управления. Нашупал главный рычаг и перевел его в позицию «включено».

Потом подтянул панель ближе к груди.

Значит, вот так чувствуют себя астронавты?

Значит, вот так чувствовал себя инопланетный Бальбоа?

Ларкин горько усмехнулся. Конечно, история про инопланетянина была это иллюзия. Выдумка. Теперь он явно это понимал. Сидя на лесной поляне и разглядывая яйцеобразный валун, он вообразил головку кролика, и то, как потом раскопал туннель и нашел кости. Словно Алиса в стране чудес, забрался в кроличью нору. И залезал в нее снова и снова.

Или... или... или все же не выдумка? Никогда Ларкин не мог ответить на этот вопрос. И, наверное, уже не сможет. Да и зачем отвечать? Выдумка или нет, но именно лето

упавшей звезды направило его туда, куда ему следовало идти. Годами позже, когда отец вышвырнул его из дома, именно оно заставило его окончить старшие классы и поступить на инженерный факультет университета. Оно дало импульс основать собственную аэрокосмическую компанию, изобрести Двигатель и построить первый межзвездный корабль. Именно то самое лето вдохновило простого деревенского паренька взойти на Дарьенские высоты и подарить человечеству звезды.

С легким удивлением он понял, что пристегнулся ремнями к кушетке.

А потом, будто не отдавая себе отчет, нажал кнопку зажигания двигателей первой ступени.

Как только это произошло, переданные по наследству данные, закодированные в его генах, запустили цепную реакцию в мозгу. В яркой вспышке озарения Ларкин осознал, кто он на самом деле, почему он создал космический двигатель, почему построил корабли, почему выбрал звезду Барнарда и, наконец, почему отменил запуск корабля...

Инопланетный Бальбоа все же выбрался из своих «доспехов». Он отыскал поблизости деревенскую девушку, с чьей помощью – в лице своего наследника – мог бы когда-нибудь вернуться домой.

Несмотря на удивительное сходство с людьми, пилот предполагал, что союз с земной женщиной не гарантирует ему потомства. Но то была единственная соломинка, за которую он ухватился.

Позже, не зная, что девушка будет слишком напугана, чтобы выдать его, он заполз обратно в свою могилу – уми-

рать. А может, умирать он начал сразу после приземления. Этого Ларкин никогда не узнает. Да и к чему?

Первая ступень успешно отошла. Он улыбнулся и произнес последние слова, обращенные к Земле:

– Центр управления? Это Ларкин. Я возвращаюсь домой!

Б
Ы
Т
И
Е

5
0
0

Охота за сверхсуществами чем-то сродни гонкам на древних сверхколесницах, получившим название «Индианаполис 500». Возницы по-настоящему оживали, только слышав команду «На старт!». Вот и мы дышим полной грудью, только когда преследуем людоеда, дракона или божество.

Гарри Вествуд

Воздухолет почти горизонтально скользил чуть ниже самых высоких крон и вскоре плавно опустился на живописный луг неподалеку от южной границы Плоскогорья. Поскольку Г(. / не ждал гостей, он вряд ли наблюдал за небом. Однако Старбрук хорошо усвоил: охотясь на сверхсуществ, лучше понапрасну не рисковать.

Солнце клонилось к закату, но еще не село, и луг купался в его золотистых лучах. Старбрук уведомил планетарно-подготовительную бригаду, что доберется до Плоскогорья еще засветло; так и вышло.

До заката он успел переделать уйму дел: активировал защитное отражающее поле, поставил палатку и разгрузил провиант. Сумерки тоже прошли с пользой: Старбрук вскрыл термос-банку бобов, термический контейнер с кофе и перекусил, сидя на корточках перед палаткой, параллельно исследуя пространство между лугом и раскинувшейся за ним чащей.

Когда с едой было покончено, последние лучи погасли и наступила крошечная тьма. Выпрямившись, Старбрук забросил обе банки в высокую траву. Ночной лик усыпали звезды, из них Старбрук знал лишь одну. Впрочем, и та бы-

ла ненастоящей – сестра планеты, куда сегодня ступила его нога. Обе сестрицы носили непроезжие имена; для удобства в планетарно-подготовительной бригаде окрестили ту, на которую приземлился Старбрук, Любовью, а вторую – Лаской.

Небесные светила разгорались все ярче, и в их сиянии Старбрук вернулся к воздухолету, достал из багажного отсека проектор-передатчик и водрузил на голову специальные V/ii5 очки. После их активации свечение с небес приобрело мутноватый оттенок, а сами звезды окрасились в апельсиновый цвет. Однако серая мгла не скрывала и одной десятой того, что таили небесные светила. Для пущей точности Старбрук сверялся с эйдетической картой – копией увеличенного орбитального снимка из архива планетарно-подготовительной бригады.

Защитный отражающий прибор висел на поясе, оставалось лишь перевести его в рабочий режим. Отражатель генерировал поле, коконом обволакивающее своего владельца, и служил мини-версией устройства, защищавшего лагерь. Хотя оба поля гарантировали спасение от прямых атак, главной их задачей было нейтрализовывать удары молнии. Примитивные боги частенько прибегали к оружию такого рода, и Г(. / вряд ли станет исключением, поскольку: 1) молнии – штука надежная, в одно мгновение обратит незваного гостя в кучку золы; 2) божественная сущность налагала определенные ограничения, высшие существа брезговали контактировать с человеком.

От соприкосновения поля с нервными окончаниями Старбрук поморщился. Впрочем, неприятные ощущения

быстро прошли. С проектором под мышкой Старбрук пересек луг – меньшее поле нейтрализовало большее, чтобы дать ему возможность выйти из-под защитного купола, – и углубился в чащу. Слева равнина перетекала в пологий склон, справа, наоборот, круто брала вверх. Стараясь придерживаться прямого курса, насколько позволяли деревья, Старбрук вскоре очутился на усыпанной гравием площадке, за которой простиралась горная гряда.

Пару минут он постоял на опушке, обозревая окрестности и прислушиваясь к ночным звукам, однако ничего нового не увидел. Шум тоже не настораживал – обычная лесная возня, мелкие зверушки гоняются за добычей или убегают от преследователей.

Стоило выйти на каменистую площадку, как горы сами собой обозначились из серой мглы, точно приветствуя гостя. За грядой, если верить карте, раскинулся огромный сад, а за садом, поросшим на севере густым лесом, лежали владения Г(.(/. Благодаря эйдетической технике, Старбрук видел божество так же отчетливо, как и его вотчину. Подобно Иегове, бог возлежал на травянистом холме, его огромная взлохмаченная голова покоилась на исполинской ладони, венчавшей колоннообразную руку.

До гор удалось добраться без приключений. Вблизи хребет напоминал руины старинного замка. Одна из каменных стен примыкала вплотную к саду, оставалось лишь найти проход. Тот вскоре обнаружился – широкое ущелье полностью соответствовало габаритам божества и вело прямоком в его владения. Поднявшись до середины восточного склона, Старбрук вытесал нишу под проектор, для надеж-

ности закрепил его двумя скобами-саморезами и активировал устройство.

Прибор генерировал и транслировал в ущелье незримое трансмиссионное поле. Факт его работы подтверждался тем, что сам проектор тоже стал невидим. Буквально через пару минут трансмиссионное поле состыкуется с приемным полем на Ласке. Попадая под действие поля передатчика, объект расщеплялся на атомы и переправлялся на планету-приемник, где возрождался вновь.

Итак, ловушка готова. Приманку он организует утром.

Ночное задание выполнено, можно идти назад, но Старбрук почему-то медлил. По-хорошему, надо вернуться в лагерь и как следует выспаться, ибо выработанная после встречи с Бригадой стратегия потребует солидных физических усилий. Однако Старбруку не терпелось посмотреть на сад, раскинувшийся по ту сторону гряды. Горные уступы на вершине не внушали доверия, карабкаться выше опасно. Как вариант, можно спуститься и поискать лазейку ближе к востоку.

Спустя четверть часа лазейка нашлась. Правда, она оказалась на порядок уже первой и располагалась над скалистым уступом. Преодолев препятствие, Старбрук спустился по противоположной стороне холма. Внизу расстилался сад. Среди цветов и деревьев змеились тропинки, достойные размашистой поступи бога. В воздухе витали ароматы яблок или их инопланетных аналогов – груш, персиков, винограда... Проникнувшись очарованием пейзажа, Старбрук вдруг вспомнил о женщинах, к которым его влекло, – три таких увлечения даже закончились свадьбой, – но с которыми он так и не познал любовь.

Внезапно его внимание привлек загадочный массив где-то на периферии зрения. Повернув голову, Старбрук увидел две серые колонны – казалось, их надломили посередине и прислонили к горе. Из стыка выросла гранитный монолит, увенчанный огромным валуном. Два гранитных столба, чуть уступавшие размером колоннам, привалились к монолиту с обеих сторон и тоже, казалось, были надломлены посередине. Валун по всей окружности обрамляли спутанные лианы. Сквозь заросли просматривалось устрашающее скалообразное лицо. В темных провалах пещер горели два слюдяных глаза.

Ошарашенный открытием Старбрук наблюдал, как левый столб начал подниматься вверх. Потом с кончиков пальцев слетели ослепительные молнии. По меньшей мере, с десятков. Они достигли цели, но не причинили вреда, благополучно уйдя в землю. Повисла напряженная тишина.

Старбрук застыл, не в силах двинуться с места. В следующий миг он ощутил укол в грудь. От боли потемнело в глазах. Сквозь мглу проступали очертания Г(.(/. Гигант выпрямился во весь рост, сжимая в правой руке подобие скипетра, потом повернулся и раздосадованно зашагал прочь. От грозной поступи содрогалась земля, апельсиновые звезды норовили осыпаться с неба. Борясь с приступом боли, Старбрук упал на колени. Потом с трудом поднялся и, шатаясь, побрел к лагерю. Первый раунд закончился.

Знакомясь с цивилизацией аборигенов планеты Любовь, быстро понимаешь, что их история буквально слово в слово повторяет историю коренного населения Соломоновых

островов. Сначала явились торговцы безделушками, потом миссионеры с проповедями. Неоторговцы, несмотря на университетское образование, в целом мало отличались от своих предшественников. Неомиссионеры действовали учтиво и ненавязчиво, но божество в их «дипломатах» было копией того, что их предки продавали дремучим обитателям Меланезии. За время пребывания на Любви им удалось обратить в свою веру все ключевые расы, однако в контексте данной истории нас интересует только один конкретный народ – 70L. Его представители – земледельцы, застрявшие в бронзовом веке, – не владели устным языком и общались посредством телепатических идеограмм.

Подобно большинству примитивных рас, 70L обладали примечательной способностью: силой коллективного разума создавать и подсознательно воскрешать объект своих верований. Предоставленные сами себе, они наверняка сотворили бы пару Гренделей, а космогонию приноровили бы к пантеону. Миссионеры пресекли подобное развитие событий, вложив в умы дикарей иного бога – своего. Как итог, отпала надобность в пантеоне, объяснявшем необъяснимое, исчезла потребность в злых великанах, сеющих хаос и разрушение. Но миссионеры не подозревали о талантах 70L, поскольку в тот период пространственно-временные путешествия выявили лишь малую толику сверхсуществ, а исследовательская программа «Взгляд в прошлое», позже установившая, что таким умением обладают не только внеземные цивилизации, но и примитивные народы Терры, еще не набрала силу.

*Не успели миссионеры отчалить, как коллективное бес-
сознательное 70L произвело на свет божество по образу и
подобию чужеземного бога. Дикари наделили его всеведе-
нием и всемогуществом, напичкали Книгами Бытия, Иско-
да и Второзаконием и поселили в уединенной долине. В от-
местку спекулянтам, успевшим основательно разорить
местное население, 70L внушили Г(.(/ ненависть к чужа-
кам. Впрочем, вопреки своей кровожадной натуре (а мо-
жет и благодаря ей), Г(.(/ стал подлинным благом для
местных жителей. Он не спускался с Плоскогорья (и во-
обще редко покидал свои владения), но уже самим фактом
своего существования помогал adeptам не сбиваться с пу-
ти истинного.*

*Долго ли, коротко – на планету нагрянула планетарно-
подготовительная бригада, чтобы подготовить Любовь к
приезду свежей партии терранских колонистов. Было ре-
шено переселить местный народец на соседнюю планету
Ласка, а вместе с ним и его кумира. Божество, как водит-
ся, оставили напоследок. По факту никто не знал, как
управляться со сверхсозданиями. Приказам они не подчи-
нялись, физической силы не боялись – наоборот, сами могли
кого угодно уговорить. После продолжительных консуль-
таций обратились в отдел галактического совета с прось-
бой пригласить профессионального охотника – беовульф-
ера. Так появился Старбрук.*

Невидимая наковальня давила на грудь. Старбрук по-
пытался спихнуть ее, но ощутил ладонями пустоту. Пере-
вернувшись на живот, он выполз из палатки на луг, залитый

утренним светом. В лесу щебетали птицы, на небе было ни облачка. Преодолевая боль, Старбрук выпрямился, однако с каждым вздохом левое легкое вспыхивало огнем. Вся левая половина туловища опухла и посинела, а по чувствительности напоминала оголенный нерв.

Старбрук тщательно осмотрел тело на предмет ран или порезов, но не нашел даже царапины. Очевидно, Г(.(/ обладал оружием из неведомого Бригаде арсенала – открытие, конечно, неприятное, но для опытного охотника вполне предсказуемое. Аэрографическое наблюдение проливало свет на привычки сверхсущества, а вот его потенциал по-прежнему оставался тайной за семью печатями.

Перед сном Старбрук вколол себе антибиотик саморегенерации, чтобы предупредить проникновение инфекции, и принял боленейтрализаторы. К утру действие последних закончилось, но в аптечке воздухолета имелся их приличный запас. Старбрук вытряхнул из пластикового дозатора пригоршню таблеток и бросил в рот. Эффект не заставил себя ждать, и Старбруку удалось даже сносно позавтракать.

Покончив с едой, он вывел из грузового отсека мула, привязал его к дереву, чтобы не отнесло ветром, и принялся навьючивать «животное» всем необходимым для утренней экспедиции. Поклажи набралось изрядно – пришлось обмотать все веревкой и увеличить давление в подъемных камерах.

Потом он отключил защитно-отталкивающее поле, перенес мула за периметр и снова активировал систему – лагерь опять накрыло невидимым куполом. Для порядка охотник проверил, нет ли поблизости исполинских следов –

но ничего не нашел, да, собственно, и не рассчитывал, что они будут. Среди привычек, выявленных с помощью аэрографического наблюдения, выделялось категорическое нежелание Г(.(/ покидать свои владения. Была и другая причина, почему Старбрук не сомневался в отсутствии следов у лагеря: реши бог расправиться с ним, то сделал бы это еще ночью на горе. А поскольку этого не случилось, Г(.(/ либо не смог, либо не захотел.

Старбрук направился через луг к чаще; таща мула на веревке. В воздухе разливались птичьи трели, солнечные лучи проникали сквозь густые кроны. Но вот впереди замаячила равнина. Коричневатые в свете дня горы расступились, приветствуя путника. Выбрав укромное местечко в пятидесяти метрах южнее ловушки (как раз на стыке с полем-приемником), Старбрук приступил к разгрузке багажа.

Больше всего хлопот доставила плавильная печь. Кое-как справившись с установкой, Старбрук бросил в ее нутро три пятикилограммовых бруска свинцовистой полукрасной латуни, вставил в отсек для подогрева дуло огнемёта и запалил пламя. Проверив, охватил ли огонь тигель по всему периметру, закрыл заслонку.

Рев огнемёта нарушил утреннюю идиллию. Заинтригованный Г(.(/ мог объявиться с минуты на минуту. Не сводя глаз с ущелья, Старбрук занялся последними приготовлениями. Примыкавший к печи ровный каменистый участок годился под литейную площадку. Старбрук поместил модель для литья между полуформами опоки – нижней камерой вверх. Достал две упаковки непересыхающего формовочного песка, заполнил им камеру, утрамбовал раствор че-

ренком лопаты и разравнял поверхность. После приладил подоночный щиток и перевернул форму, ни на секунду не теряя бдительности. На периферии зрения к трансмиссионному полю приближалась огромная тень. Губы охотника расплылись в улыбке. Ё(.(/ клюнул на удочку и приближался к ловушке под нужным углом.

Укомплектовав верхнюю полуформу и вставив литник, Старбрук проверил накал в печи. От пламени огнемета бруски почти расплавились. Наклонившись, Старбрук под аккомпанемент пронзительного щелканья в спине поднял верхнюю камеру. Опока и песок весили не то чтобы много, но все равно требовалась физическая сила. Сняв крышку, Старбрук достал модель – благодаря особому составу, слепки получились безукоризненными. Специальным стержнем охотник проделал в верхней камере с полдюжины выпускных отверстий, соединил обе полуформы и придавил конструкцию здоровенным булыжником килограммов на сорок.

В ожидании, пока металл нагреется до необходимых тысячи ста градусов, Старбрук нетерпеливо расхаживал по площадке и примерялся к противнику. Ё(.(/ застыл в шаге от трансмиссионного поля и с любопытством посматривал то на печь, то на форму. При свете дня бог выглядел хоть и гигантом, но вполне заурядным. Одет он был в подобие саронга, правда размером с парус. Седая борода спускалась до середины груди, взлохмаченные волосы ниспадали на плечи. Худошавые руки и кривоватые ноги дополняли картину. Лишь глаза, пылающие как два пульсара, не позволяли ни на секунду усомниться в его божественной природе.

В ладони Г(.(/ по-прежнему сжимал замеченный накануне аналог скипетра, никак не соответствовавший ни его образу, ни происхождению. Герою с иудейско-христианскими корнями больше пристал посох.

Спрашивается, зачем столько мороки – расставлять ловушки ради телепортации божества на Ласку. Сверхсоздания существуют, пока не иссякла вера самих их творцов. По статистике, убеждений хватает на два-три поколения, а после реальность берет свое. После этого дни бога сочтены. Г(.(/ не был исключением. Неважно, перенесется ли он на соседнюю планету или останется здесь, исход заранее определен.

Старбрук склонился над печью. Судя по желтовато-белому цвету, металл достиг нужной кондиции. Охотник выключил огнемёт, наклонил горн и подставил под литейное отверстие тигель с длинной ручкой. Отражатель великолепно спасал от жары. Когда нутро печи опустело, Старбрук окинул оценивающим взглядом расплавленную массу и вылил содержимое ковша в форму.

Отложив тигель, Старбрук убрал каменный груз. Пот градом катился по его лицу, боль в груди нарастала.

Г(.(/ сделал шаг в ущелье и опять замер, теперь буквально в метре от трансмиссионного поля. Довольный своей удачно выбранной стратегией Старбрук на мгновение забыл о боли.

Теперь, пока металл остывает, нужно выбрать пьедестал. Для этой цели вполне годился лежащий в паре метров от площадки плоский валун. Обустраивать алтарь совсем обязательно – копия может и уступать оригиналу в нюан-

сах. От нечего делать Старбрук бродил между пьедесталом и формой и вдруг заметил, что горный хребет в действительности состоит из двух параллельных цепочек скал, и их разделяет широкий овраг, а мини литейный цех находится как раз посередине.

Выждав еще сорок минут, Старбрук снял верхнюю камеру, орудуя тиглем как рычагом, извлек отлитое изделие из нижней полуформы и стряхнул налипший песок. Получилось просто загляденье. Вооружившись автоматической пилой и портативным шлифовальным станком, Старбрук спилил литник, путь, газоотводы и отшлифовал поверхность литья до блеска. А после основательно зачистил все металлической щеткой. Затвердевший металл сиял и переливался на солнце – конечно, не так ярко, как золото, но золота на всех не напасешься. Да и потом, Г(.(/ в любом случае не заметит разницы.

Ухмыльнувшись, Старбрук водрузил «золотого» тельца на заранее выбранный пьедестал. Размерами наспех отлитый идол уступал оригиналу, но в целом не придерешься. Охотник с довольной улыбкой попятился и упал перед статуей ниц. Потом поднялся и деликатно отступил в сторону, дабы продемонстрировать божеству объект своего поклонения.

Глыбообразное лицо Г(.(/ посерело. Между раздутыми ноздрями и уголками похожего на каменоломню рта разверзлись впадины. Темные глаза почернели. Старбрук только потирал руки. В отсутствии Моисея, призванного исполнить его волю, великан попытается растоптать идола, неизбежно угодит в трансмиссионное поле – и перенесется за миллионы миль отсюда, на Ласку.

Так бы оно и случилось, не забудь Г(.(/ в порыве сокрушительного гнева, что молнии не причиняют Старбруку никакого вреда. Он выпустил их десяток в ненавистного чужака, а когда разряды рассеялись в миллиметре от его ног, великан недоумевающе заморгал. Потом устремил долгий задумчивый взгляд в землю, куда переключались молнии – и вдруг улыбнулся хитрой улыбкой. И воздел руки.

И хлынул дождь. Над плавильной печью взвился дымок. Капли с шипением падали на «золотого» тельца. Отражатель расщеплял воду на мельчайшие атомы, однако те все равно проникали внутрь.

Сначала дождь просто моросил. Но с каждой секундой он усиливался, небо прорезали вспышки, загромыхал гром, и вскоре ливень превратился в потоп.

Овраг быстро наполнялся водой. Вскоре между гор заструилась бойкая, стремительная река. Напрасно Старбрук надеялся добраться до мула – тот отвязался и его унесло вслед за течением. Охотник попытался залезть на пригорок, но вода уже доходила до пояса. Метра через три он поскользнулся и упал.

Его, словно былинку, подхватило и понесло. Отражатель худо-бедно защищал брэнное тело от камней, но не от воды, заливавшей легкие. Старбрук лихорадочно цеплялся за валуны, о которые стучался, за каменные выступы – все тщетно. Наконец его пальцы впились в корни какого-то деревца; цепляясь за них, он выбрался из водоворота и вскарабкался на более гостеприимный склон.

Внезапно, как по волшебству, дождь кончился, засияло солнце. Старбрук с тоской обернулся. От боли в груди пе-

рехватило дыхание, вода, которой он наглотался, подкатила к горлу. Старбрук с трудом поднялся и уныло побрел в лагерь. Так закончился второй раунд.

Надо сказать, всеведение и всемогущество – понятия весьма относительные. Хоть 70L и наделили Г(.(/ обоими качествами, обладал он ими в довольно усеченной мере. И вот еще немаловажный аспект – в теории Г(.(/ представлялся творцом всего живого, однако на практике эта его функция хромала. Реальность, доведенная до абсурда самим фактом наличия божества, ограничивала его способности чем только могла. Творения Г(.(/ существовали лишь до тех пор, пока ему удавалось поддерживать их силой воли. Но стоит воле пошатнуться или богу исчезнуть с лица земли, как реальность возобладает над суеверием, упразднит все внесенные им изменения и быстро восстановит естественный порядок вещей.

В лагерь удалось добраться только после полудня. Пригоршня таблеток утихомирила боль, но усталость после долгой прогулки и утомительного плавания взяла свое – просочившись сквозь защитное поле, Старбрук двинулся напрямик в палатку.

Поражение в двух раундах разозлило охотника, но не обескуражило. Проектор-передатчик не боялся воды, а благодаря продуманному расположению его не смыло потоком. Напрасно Г(.(/ надеется, что выиграл войну. Правда, в нынешнюю ловушку его уже не заманишь, следовательно, нужно перенести проектор в другое место.

Впрочем, временно устранить божество не трудно, куда труднее подыскать новую локацию. Постепенно в голове созрел план, однако его выполнение пришлось отложить до темноты. Старбрук откинулся на подушку и расслабился. Несмотря на нахлынувшую боль и свинцовую усталость, он испытывал небывалый душевный подъем. Вспомнилась фраза Гарри Вествуда, сказанная в период совместной операции. «Охота за сверхсуществами чем-то сродни гонкам на древних сверхколесницах, получившим название «Индианаполис 500». Возницы по-настоящему оживали, только заслышав команду «На старт!». Вот и мы дышим полной грудью, только когда преследуем людоеда, дракона или божество».

Памятный разговор состоялся в сотне метров от пещеры, где обитала добыча – самый настоящий огнедышащий дракон по имени Шшш. Зенди с планеты Лишений придумали чудовище, чтобы пугать малышню, а после и сами уверовали в него, и оно воплотилось в жизнь. Сам факт того, что Галактический совет направил сразу двоих беовульферов для расправы над монстром, свидетельствовал о степени угрозы.

– В общем, так, – безмятежно заявил Гарри, – сейчас я прищемлю ему хвост и выкурю наружу.

Старбрук не стал перечить, какой смысл. Ему не нравилось работать в связке с Гарри Вествудом. Уж слишком тот отчаянный. И искусственная рука тому доказательство. Сам Гарри не распространялся о той истории, да и пресс-служба Галактического совета вопреки обыкновению трезвонить о подвигах беовульферов на сей счет хранила молчание. Од-

нако достоверный источник нашептал Старбруку, мол, протез у Вествуда появился после того, как людоедка откусила ему руку.

В общем, Вествуд отправился выкуривать дракона, а Старбрук остался ждать в ста метрах от логова с «даммерангом» наизготовку. К несчастью, плохая осведомленность сыграла с охотниками злую шутку, и минуту спустя Вествуд выкатился из пещеры, ослепленный ядовитой струей. В тридцати метрах от логова Гарри споткнулся и упал, растянув лодыжку. Не мешкая, Старбрук бросился на подмогу. Не успел он добраться до лежащего напарника, как из пещеры, словно локомотив на полном ходу, вынесся Шшш. Заслонив собой Гарри, Старбрук хладнокровно прострелил монстру все четыре глаза и контрольным залпом вышиб ему мозги. Отвратительная тварь рухнула буквально в сантиметре от ботинка охотника.

Под занавес драмы к Вествуду вернулось зрение.

— Какого черта, Барни! — ругнулся он. — Ты зачем это сделал?

— Я решил, что протез головы будет тебе не к лицу.

— Ты мог прикончить его оттуда, где ты стоял. Без всякого риска.

— Думаю, я пытался доказать, что у моей третьей жены было не больше оснований для развода, чем у моей первой и второй.

— Ты доказал только то, — возразил Вествуд, — что у нас были все основания для развода. Будь ты все еще женат, ты поступил бы точно так же, не думая о том, какое горе принесет ей твоя смерть.

Старбрук молча помог напарнику подняться. Мужчины оглядели исполинскую гору плоти. Совсем скоро зенди расчленят тушу на лакомые – и не очень – кусочки, устроят пир и будут чествовать охотников. Старбрук поежился.

– Перестань страдать, Барни, – усмехнулся Вествуд. – Сколько ты уже таких отправил на тот свет. Пора бы привыкнуть.

– Меня смущает не убийство, а то, что движет людьми вроде нас с тобой.

– На это тем более забей. Тобой руководит то же самое, что заставило Чарльза Линдберга на своем драндулете лететь через Атлантический океан; что заставило Хардинга и Колдвелла отказаться от эвакуации с пика Эль-Капитан; что заставило Ганнибала совершить переход через Альпы, а Кеннеди – сыграть роль подсадной утки в Далласе. Уж если эти парни не заморачивались, то тебе грех и подавно.

В сумерках, после неспешного ужина Старбрук зажег фонарь и принялся изучать карту Плоскогорья, позаимствованную у планетарно-подготовительной бригады. Карта полностью повторяла многократно увеличенный орбитальный снимок, хранившийся у охотника в голове, однако в отличие от эйдетического аналога, бумажная версия включала в себя масштаб.

Высчитав расстояние до объекта, Старбрук отрегулировал пушку воздухолета и ввел соответствующие координаты в бортовой компьютер. После обработки информации на панели загорелся зеленый огонек, и три разрывных снаряда взметнулись в воздух. Их полет закончился в чаще, обрам-

лявшей северные владения Г(.(/. Грянул взрыв. Небо на севере окрасилось кровью.

Теперь нужно торопиться. Пожар, вспыхнувший столь внезапно и охвативший такую большую территорию, обязательно привлечет внимание Г(.(/, но не задержит его надолго, учитывая способность бога вызывать дождь. Нацепив V/ii5 очки, Старбрук бросился бежать со всех ног. Небо над равниной пламенело, но не успел охотник поздравить себя с победой, как зарево прорезали молнии, загромыхал гром – Г(.(/ уже купировал проблему.

Но вот впереди замаячили горы. Лишь редкие лужи напоминали о бушевавшей в овраге реке. Поток схлынул, не оставив и следа от провальной операции «золотой телец». Опасливо поглядывая по сторонам, Старбрук взобрался на восточный склон к нише, где был спрятан проектор, и осторожно выключил устройство.

С проектором под мышкой, он спустился вниз, миновал ущелье и юркнул в сад – установить ловушку где-нибудь среди садовых троп. Вскоре он нашел подходящую – широкую и хорошо утопанную. На сей раз ловушка точно сработает.

Внезапно из сени деревьев на залитую звездным светом поляну шагнула девушка. Старбрук застыл как вкопанный.

На севере грохотал гром, однако над садом не было ни облачка.

Девушка преградила Старбруку путь – прекрасная, ослепительная в своей наготе. Прядь черных как смоль волос падала ей на лицо. Темные глаза мерцали во мраке.

Старбрук снял очки – без них незнакомка смотрелась еще краше. Недолго думая, она спроецировала в его сознание свое имя – (*L*). Охотник попытался представиться, но без особого успеха, ибо «Старбрук» не имело соответствующего эквивалента в языке 70L.

Красавица ничуть не походила на местных аборигенов. Во-первых, она явно принадлежала к европеоидной расе, а во-вторых, всех 70L давно переправили на Ласку. Впрочем, все это не имело значения. Какая разница, кто она и как здесь оказалась.

(*L*) протянула руку, чтобы погладить Старбрука по щеке, и отпрянула, наткнувшись на невидимую преграду отражателя. Охотник поспешно выключил прибор и ощутил прикосновение нежных пальцев. Красавица пылко увлекла его за собой в густую тень, на мягкое ложе из цветов. Казалось, он был первым мужчиной, которого она увидела...

В воздухе разливался упоительный аромат яблок. Яблоками веяло и от ее дыхания. Стук сердца барабанной дробью отдавался в ушах. С каждой секундой он нарастал, проникая в каждую клеточку тела, и передавался земле. Планетарная твердь содрогалась от сейсмических толчков, похожих на поступь великана...

Великана... или бога.

Осознание истины вынудило Старбрука вскочить. Пальцы нащупали кнопку отражателя, и мгновение спустя его окутало защитное поле.

Лесной пожар спас охотнику жизнь. Не случись его, Г(.(/ затаился бы в саду, поджидая человека. Убедившись, что его выманили из засады хитростью, бог поспешил обрат-

но – проверить силки в надежде, что Старбрук заглотил приманку и теперь уязвим.

Отыскав проектор среди цветов, Старбрук сунул его под мышку, схватил (*L*) за руку и помчался к горам. Еще не все потеряно. Если повезет, он сумеет не только уцелеть, но и выполнить задание.

Таща за собой спутницу и не обращая внимания на боль в груди, Старбрук добрался до гор. За спиной трещали сучья – это Г(. ./ вломился в сад, стремясь настигнуть чужака. Старбрук петлял среди каменных стен, высматривая высокий уступ, куда нельзя взобраться напрямую, только в обход. Процесс стопорился из-за отсутствия очков, забытых где-то под кронами.

К счастью, уступов хватало, и он быстро подобрал подходящий. Тем временем Г(. ./ поравнялся с хребтом, рассудив, что Старбрука с девушкой в саду уже нет. Земля дрожала под тяжестью исполинских шагов. С гор, грохоча, валялись камни. Слева от уступа склон полого поднимался, а после резко уходил вверх. По нему можно было забраться на уступ. Оставив спутницу на склоне возле уступа, Старбрук спустился вниз. Там он установил проектор так, чтобы его поле было направлено на уступ, и активировал.

Вернувшись к (*L*), которая зачарованно наблюдала за его действиями, Старбрук взял ее за руку, помог вскарабкаться на уступ и взобрался сам. Едва в поле зрения появился Г(. ./, охотник заключил в объятия женщину, сотворенную из его ребра.

Девушка вздрогнула, ощутив покалывание отражателя, пока тот невидимым плащом обволакивал ее тело. Старбрук

лишь крепче прижал ее к себе. Заметив их, Г(.(/ решит, что чужеземец в порыве страсти выключил свою защиту от молний. Разумеется, бог не знал, что при тесном контакте с другим телом прибор удваивает защитное поле.

Бог замер в тридцати метрах от уступа. «Скипетра» в руках у него уже не было. На глыбообразной физиономии отражалась странная смесь самодовольства и праведного негодования. Его аналогия тоже не была безупречной, но послужила своей цели. Прямо у него на глазах происходила реконструкция первородного греха. Естественно, он не усомнился в отсутствии «щита».

Самодовольная гримаса исчезла, когда в Старбрука улетела первая партия разрядов. После второй партии самодовольство сменилось негодованием, а негодование переросло в гнев. В приступе ярости бог явно забыл о своей божественной сущности и, полыхая взглядом, устремился вперед. Однако как ни старался, не мог ни вскарабкаться на уступ, где обнимались мужчина и женщина, ни дотянуться до его края.

Заметив склон, он проследил за ним взглядом и осклабился. Один исполинский шаг перенес Г(.(/ к началу склона. Второй телепортировал его напрямик на Ласку.

Старбрук посмотрел вниз, где незримо пульсировало трансмиссионное поле. Склон был пуст. Героическое спасение Гарри Вествуда прославило охотника, а успешное переселение бога 70L сделает его легендой.

Внимание Старбрука переключилось на девушку рядом, тепло ее обнаженного тела, ее восхищенный взгляд. По необходимости он только что изображал любовные ласки. Те-

перь же страсть, которую он познал в саду, вернулась неведомым, доселе неиспытанным чувством.

Он с нежностью всматривался в невинное, как у ребенка, личико, и вдруг сквозь него проступили очертания серой каменистой почвы. В этот же момент, когда ребро, изъятое богом у него психирургическим способом, начало рематериализовываться, боль в груди стала утихать.

– Нет, – шептал Старбрук. – Нет!

(*L*) стала совсем прозрачной. Охотник беспомощно наблюдал, как она растворяется в воздухе. Только когда девушка полностью исчезла, он с ужасом осознал, что обрел – и потерял – единственную женщину в мире, которую мог любить... которую любил всю жизнь.

В оцепенении он поднялся на ноги.

Кость от костей моих, плоть от плоти моей¹...

Он пересек горы, миновал равнину и выбрался из чащи на поляну, где его ждал воздухолет, который, подобно Харону, переправит его через Стикс. В гонках «Индианаполис 500» Старбрук неизменно финишировал первым, но так и не познал вкус победы.

¹ Бытие 2:23: «И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа».

АРЕНА РЕШЕНИЙ

Дева Бри-лейт славилась красотой на всю планетарную сатрапию Ингселла, где заправлял ее отец, Фейдлих Свирепый. Красавица утверждала, будто по линии покойной матушки ее генеалогическое древо уходит корнями в Твердь, и именно предкам она обязана своей сногшибательной красотой. Но поскольку число древних твердинианских колонистов, поселившихся на Ингселле и ассимилировавшихся в среде коренного населения, близилось к нулю, заявление девы Бри-лейт часто подвергалось сомнению.

К сомневающимся с недавних пор примкнул и ревизор-факснадзор Яскар Прелл, независимый твердинианский аудитор, нагрянувший на Ингселл с проверкой налоговых факснадзорных экранов за фискальный период с первого июля 2340 года по первое июля 2350 года. Сомнения Прелла возросли после непосредственного знакомства с девой Бри-лейт на банкете, организованном ее отцом в честь гостя, и окончательно укрепились, пока пара кружила в танце по необъятному бальному залу.

– Как в ухе мавра яркая серьга, она для Тверди слишком дорога, – продекламировал Прелл, едва музыка стихла. – Не вы, несравненная дева, должны доказываться родство с Твердью, – добавил он, шагнув вместе со спутницей через

автоматическое французское окно в знаменитый сатрапов сад, – а Твердь должна благодарить богов за возможность породниться с вами.

Летнее небо Ингселла являло все свое звездное великолепие, с юга дул теплый ветерок, доносивший слабый, но осязаемый аромат далеких рогейновых ферм, где роботы возвращали ярко-синие цветы, прославившие планету на всю галактику и сделавшие ее экономикой одной из ведущих в Терранской империи. В саду все было как в сказке – фонтаны, прелестные клумбы, статуи, извилистые тропинки. Красота девы Бри-лейт в таком антураже расцветала еще сильнее. С плавными, но вместе с тем выдающимися изгибами тела, неординарными, но классическими чертами лица она чудилась воплощением ингселлианской богини. Добавьте сюда огромные сверкающие глаза цвета золотой пшеницы, копну блестящих волос оттенка ночи, и вы поймете, почему Яскарот Преллом, циником по отношению ко всему, в общем, и к любви, в частности, вдруг овладело неведомое, непостижимое доселе чувство.

Дева Бри-лейт опустилась на мраморную скамью с двумя мраморными ингселлианскими львами по бокам и шпалерой, увитой ингселлианскими розами вместо спинки. Красавица подобрала подол голубого парчового платья, выставляя свою фигуру в самом выгодном свете и попутно приглашая аудитора присесть настолько близко, насколько позволял протокол.

– Доказательство моей потомственной принадлежности к Тверди, – провозгласила она, как только Прелл восполь-

зовался приглашением, — заключено не в моем внешнем облике, а в сердце. Впервые узрев географическую панораму планеты, ее горы, моря, мегаполисы, я испытала острую ностальгию, убившую всякую любовь к Ингселлу. Здешние пейзажи видятся мне столь же пресными и тусклыми, как выдохшееся вино.

— И вы мечтаете отправиться на Твердь, моя несравненная дева?

— Нет, Яскар Прелл, я мечтаю там жить. И моя мечта осуществилась бы, не будь обитатели Тверди закоренелыми эгоистами.

— Наш иммиграционный закон обусловлен не эгоизмом, дева Бри-лейт. Равно как и сопутствующий ему запрет на смешанные браки. Оба они — результат сложившейся на Тверди демографической ситуации, не допускающей натурализации подданных сатрапии вне зависимости от его — или ее — достоинств. Но наши лазурные двери всегда открыты для гостей, и если особа вашего положения изволит попросить, ей незамедлительно выдадут паспорт сроком на один год.

Дева Бри-лейт презрительно щелкнула большим и указательным пальцем.

— Всего лишь год! А дальше, Яскар Прелл? Опять возвращаться на родную, осточертевшую до чертиков планету? Увольте. Если мне не суждено вкусить пирог целиком, я не стану довольствоваться жалкими крохами.

На этой ноте французские двери распахнулись, впустив в сад отголоски национального ингселлианского вальса, и к скамейке приблизился высокий молодой человек в расшитом

серебром белом костюме, выдававшем в нем статс-секретаря. Юношу звали Донн Деска, он был уполномоченный по связям с общественностью, именно ему сатрап поручил холить, лелеять и развлекать независимого аудитора. Судачили, что Деска был главным претендентом на руку девы Бри-лейт. Даже не обладая Прелл подобными сведениями, он бы заподозрил неладное по тому, как исказились черты сурового, но при этом чувственного лица уполномоченного при виде девы Бри-лейн, сидевшей практически в объятиях другого мужчины.

– Приношу свои глубочайшие извинения за столь бесцеремонное вторжение, достопочтимый Прелл, – начал Деска, остановившись в двух метрах от скамьи. – Однако по распоряжению Его Преосвященства сатрапа Ингселла я подготовил программу на период вашего пребывания на планете и готов озвучить ее в любой удобный для вас момент.

– Слушаю, Донн Деска, – милостиво кивнул аудитор.

Уполномоченный по связям с общественностью достал из нагрудного кармана расшитого серебром плаща записную книжку.

– Утром, достопочтимый Прелл, мне предстоит сопровождать вас по зданию налогового факснадзора – будем надеяться, налоговые экраны Ингселла полностью подтвердят ваши эйдетические данные. После инспекции экранов, ближе к обеду, предлагаю вам посетить Арену решений, где состоится суд над убийцей и вы сможете оценить эффективность и простоту нашей правовой системы. Далее, мы от-

правимся на турбо-поезде в южную провинцию Тейшид – на механическое сафари по джунглям, а на следующий день профессиональные загонщики соберут столько антилоп, сколько вы пожелаете подстрелить. После охоты мы вернемся в столицу, где последующая программа будет расширена и скорректирована в случае, если вы захотите продлить свой двухдневный срок пребывания в сатрапии, указанный портовыми властями в сопроводительных документах на ваше имя. Устраивают ли вас озвученные мероприятия, достопочтимый Прелл?

– Вполне, если вы внесете в программу две поправки. Во-первых, я бы предпочел, чтобы дева Бри-лейт составила нам компанию на Арене решений, а также на последующей экскурсии в Тейшид. Разумеется, при условии, – тут аудитор повернулся к даме, – что очаровательная дева не возражает.

Золотистые зрачки на мгновение скрылись за пушистыми ресницами.

– Ни в коей мере не возражает, Яскар Прелл.

– Во-вторых, – продолжил почетный гость, устремив взгляд на Деску, – аудит налоговых факснадзорных экранов состоится сегодня, а не завтра. – Он встал и, обхватив изящную ладонь девы Бри-лейт руками, притянул красавицу к себе. – Посему, моя несравненная дева, позвольте откланяться. Хочу поскорее завершить официальную часть визита, дабы отрешиться от дел насущных и заняться вопросами сердечными.

Легонько сжав его руку, красавица поспешила высвободиться. В глубине души Прелл торжествовал – половина битвы выиграна.

– Как вам будет угодно, достопочтимый Прелл, – сказала она. – Пожалуй, вернусь в бальный зал и велю музыкантам заканчивать, а после отправлюсь спать в предвкушении завтрашнего дня.

Едва французские двери за ней захлопнулись, аудитор повернулся к уполномоченному, в срочном порядке поднимавшему с пола упавшую челюсть.

– Окажите любезность, Донн Деска, проводите меня к пункту назначения.

– Прошу за мной, достопочтимый Прелл. Воспользуемся моим турбокаром.

Управление налогового факснадзора считалось вторым по величине зданием в сатрапии, уступая лишь дворцу сатрапа, занимавшего шесть акров некогда плодородной земли. Основная часть пространства отводилась под экраны, но в целом налоговое ведомство могло поспорить габаритами с межпланетным терминалом. Экраны метровой ширины простирались от пола до потолка и покрывали собой все стены, за исключением двух проемов, отведенных под двери. Через первые, именуемые царскими вратами, вошел Прелл с сопровождающим, вторые же предназначались для обслуживающего персонала.

На каждого компьютерщика приходилось по шесть экранов. Большинство работников сонно моргали – по прихоти гостя их выдернули из дома, когда они уже мирно спали. Впрочем, несмотря на сонливость, все компьютерщики были начеку и дрожали как осиновый лист. Прелл ни капли не удивился – слава о нем гремела на всю галактику, причем

не только благодаря репутации, но и кровожадному лимерику, сочиненному неоцененным придворным поэтом. Стишок моментально подхватили и, подобно галактической виноградской лозе, разнесли по всем уголкам Терранской империи.

Жил-был аудитор по имени Прелл,
Налоги прекрасно считать он умел.
Он так надрывался,
Чрезмерно старался
И на работе сгорел.

Прелла лимерик не покоробил, напротив, народная молва льстила его самолюбию. Ревизора забавляли перекошенные физиономии ингселлианских компьютерщиков – наверняка многие из них цитировали пресловутый стишок буквально накануне проверки. Стоило Преллу поравняться с экраном, компьютерщик выводил на монитор факс и цифры, аудитор окидывал их пристальным взглядом и двигался дальше. Лишь высококвалифицированный представитель налогового факснадзорного ведомства мог разобраться в хитросплетениях цифровых сводок, и лишь ревизору уровня Прелла было под силу сопоставить их с данными, предоставленными ингселлианской сатрапией в главное налоговое факснадзорное управление Тверди. За годы практики Прелл при всем желании не мог упустить ни малейшего расхождения, и вскоре обнаружил таковое: цифры на мониторе рогейна не соответствовали официальному финотчету. Не соответствовали на без малого двадцать миллионов кредитов. При налоговой ставке в девяносто процентов это

составляло восемнадцать миллионов кредитов, а с учетом неустойки в тысячу процентов, восемнадцать миллионов превращались в восемнадцать миллиардов. Значит, Фейд-лих Свирепый положил себе в карман сумму в восемнадцать миллионов кредитов.

Прелл ни на секунду не усомнился в случайности допущенной ошибки. Обычно подобные недочеты влекли за собой настолько суровые последствия, что совершать их не отваживался ни один самый отчаянный сатрап. Впрочем, это неважно, целенаправленно ли Фейдлих пытался обворовать Терранскую империю или нет, он попался с поличным и будет болтаться на виселице, не успев доказать свою правоту.

Судьба сатрапа не волновала бы Прелла, не влюбись он без памяти в деву Бри-лейт.

Деска дышал ревизору в затылок и нервно переминался с ноги на ногу. Помучив его лишние десять минут, Прелл объявил:

– Аудит закончен, Донн Деска. Можем идти.

– Надеюсь, все в полном порядке, достопочтимый Прелл?

– Исчерпывающий отчет я предоставляю лично Его Пресвященству по возвращении из Тейшида. Предупредите его в любое удобное вам время.

– Разумеется, достопочтимый Прелл. А пока позвольте сопроводить вас в апартаменты.

Аудитор последовал за уполномоченным на улицу и ни капли не удивился, когда Деска вдруг замер под чугунным фонарем и, обернувшись к гостю, выпалил:

– Достопочтимый Прелл, дабы в будущем между нами не возникло недоразумений, возьму на себя смелость посвятить вас в чувства, какие я испытываю к деве Бри-лейт.

Прелл окинул соперника пронизательным взглядом. На лице уполномоченного отражалась смесь горечи, упорства и отчаяния.

– Ладно, Деска, излагайте.

Юноша расправил плечи и набрал полную в грудь воздуха.

– Как вы наверняка догадались, я страстно влюблен в упомянутую особу. Но, боюсь, вы не догадываетесь о серьезности моих намерений. Поверьте, я готов принять любые необходимые меры, чтобы добиться взаимности упомянутой особы. А посему должен предупредить, если вы и впредь намерены проявлять симпатию к деве Бри-лейт, мне придется посредством видео-радиофона уведомить власти Тверди о недопустимости вашего поведения, идущего вразрез с запретом на смешанные браки. Иными словами, не надейтесь реализовать свои намерения по отношению к деве Бри-лейт, какими бы благородными они ни были. Уверен, вы понимаете: назвав их благородными, – а при нынешних обстоятельствах они таковыми не являются, – я сильно погрешил против истины.

– Ясно, – процедил аудитор.

– Рад слышать, достопочтимый Прелл.

Деска дунул в маленький электронный свисток. Турбокар спустился с воздушной парковки и распахнул дверцы. По дороге спутники не обменялись ни словом.

– Заеду за вами завтра после полудня, – произнес Деска, едва турбокар приземлился на крышу гостиницы. – Арена решений ждет. Вы по-прежнему настаиваете, чтобы дева Бри-лейт сопровождала нас в поездке?

– Разумеется, – отозвался Прелл. – Тем более, дама уже приглашена. Мы ведь не станем ее огорчать?

– Ни в коем случае, – вздохнул Деска. – Доброй ночи, достопочтимый Прелл.

– Доброй ночи, – пожелал ревизор и, захлопнув дверцу, прибормотал себе под нос: – Придунок!

Архитектурой Арена решений во многом повторяла римский Колизей, а ультрасовременные материалы, используемые для ее постройки, внешне почти не отличались от карьерных камней оригинала. Сама арена состояла из асфальтированного манежа, обнесенного стеной из полированного зонита. На гладкой поверхности не было ничего, кроме трех автоматических дверей. Первая располагалась с одной стороны манежа, а две другие, отстоящие на полметра друг от друга – с противоположной. Одиночная дверь, хоть и выделялась более крупными габаритами, смотрелась вполне обыденно, зато две другие, значительно ниже и уже, венчались каждая пятью огромными круглыми фонарями, похожими на фары. Все три створки, как и положено электронным дверям, были прозрачные настолько, насколько позволяли цвайг-полярные панели.

Деска, Прелл и дева Бри-лейт появились, когда на часах было три минуты второго по восточному ингселлианскому времени, и застали в амфитеатре основную массу взрослых

обитателей столицы. Объяснялось такое скопление народа довольно просто: сатрап всегда устраивал национальный праздник в честь поимки маститого преступника. Помимо коренного населения, на арену съехались жители соседних регионов; для миллионов же телезрителей с огромного крана над манежем свисал 3V-передатчик, улавливавший каждую мелочь своим всевидящим, надменным мультифасеточным оком. Подобострастный билетер сопровождал гостей в королевскую ложу и усадил по левую руку от сатрапа, рядом с премьер-министром и префектом полиции. В ожидании начала представления дева Бри-лейт поочередно с Деской посвятили Прелла в тонкости ингселлианской системы правосудия.

Система основывалась на старинной твердинианской «легенде», а обвиняемый выступал сразу в трех ипостасях — судьи, совета присяжных и палача. Этой процедуре подвергались лишь те, кто совершил убийство первой-второй степени, казнокрады и государственные изменники — но при условии, что существовала хотя бы тень сомнения в их виновности.

Правосудие вершилось посредством двух соседствующих дверей. За одной из них скрывалась дева, выбранная преступником в доказательство своей непричастности, а за второй — свирепый ингселлианский тигр. Если публика видела содержимое дверей как на ладони, то обвиняемый, появлявшийся на манеже в герметичном мобильном механизме под названием «Торжество справедливости» (ТС), наблюдал обе створки через крохотный отражающий экран, а поскольку прозрачность цвайг-полярных панелей сильно

искажалась в отражении, действовал узник ТС, без преувеличения, вслепую. Более того, в отражающем мониторе картинки менялись местами – левая дверь представлялась правой, а правая – левой.

Тыльная часть ТС была изготовлена из особого металла с односторонней прозрачностью – в данном случае, можно было видеть внутренности кабины, – передний же корпус целиком состоял из эрзац-материала, по плотности равного картону. Ниже монитора помещалась приборная панель, посредством которой обвиняемый управлял машиной и открывал выбранную дверь. Для открытия створки требовалось активировать все пять фонарей над одной из дверей – такая схема давала преступнику возможность восемь раз изменить свое решение, прежде чем сделать окончательный выбор, а также приносила элемент напряженности – весьма значимый нюанс для платного мероприятия. Если обвиняемый активировал дверь, где скрывалась девушка, его автоматически признавали невиновным и устраивали пышную свадьбу прямо на манеже – при условии, что обозначенная дева уже не приходилась ему супругой (в нынешнем случае подобный вариант исключался, поскольку мужчину судили именно за женоубийство). При активации двери с тигром преступника автоматически провозглашали виновным. Впрочем, благодаря ТС осужденный еще мог спасти свою шкуру и тогда его отпускали на свободу.

– А вот и он! – шепнула дева Бри-лейт на ухо Преллу.

Аудитор взглянул в указанном направлении, отметив про себя воцарившуюся в амфитеатре тишину. ТС выехал на манеж через одиночную дверь и покатил к заветным створ-

кам. Вкупе с грушевидной кабиной, увенчанной круглым сканнером, зрачками антенны и клешнями рук, устройство смотрелось гротескной карикатурой на человека. К выступающей гиро-оси крепились бочкообразные «ноги», оканчивающиеся огромными подшипниками, которые гладко и бесшумно скользили по арене. Агрегат поравнялся с королевской ложей, и Прелл различил «водителя». Над приборной панелью, не сводя глаз с отражающего экрана, склонился брюнет лет тридцати; его пальцы зависли в сантиметре от клавиш, призванных определить его судьбу.

Внимание аудитора переключилось на двери. За правой полупрозрачной панелью вырисовывались очертания совсем юной девушки с коричневато-рыжими волосами. За левой притаился огромный ингселлианский тигр. Внезапно над комнатой девы загорелся первый фонарь.

Зрители затаили дыхание.

И не успев перевести дух, затаили его снова, когда два фонаря вспыхнули над логовом тигра.

ТС притормозил в паре метров от мерцающих створок. Обвиняемый замер и, казалось, погрузился в глубокую задумчивость. Однако Прелл понимал: причина остановки крылась в неуверенности. В неуверенности и паническом страхе.

Неподвижность вдруг сменилась исступленными манипуляциями, и над комнатой девы вспыхнул второй фонарь. И еще два – над клеткой с тигром.

Публика в третий раз затаила дыхание.

Но, как выяснилось, преждевременно – фонарь загорелся над дверью девушки. А в следующий миг осужденный,

не в силах совладать с гнетущим напряжением, поддался сиюминутному порыву – и над клеткой с тигром вспыхнул последний, пятый огонек.

Едва ступив на арену, хищник моментально отразился в мониторе. Леденящий кровью рык смешался с оглушительным ревом толпы и устремился в поднебесье. Оттолкнувшись от манежа, тигр ринулся в атаку.

Лихорадочно барабанил по клавишам, осужденный сумел увернуться от разящих когтей и разодрать полосатый бок хищника механическими клешнями. Не дав узнику ТС

опомниться, тигр предпринял новую молниеносную атаку и нанес сокрушительный удар по сканнеру, прежде чем обвиняемый успел среагировать. Качнувшись, сканер отделился от шееобразного крепления и покатила по земле.

Монитор в кабине погас, отняв у обвиняемого не только способность видеть, но единственный шанс на спасение. Ему оставалось лишь исступленно метаться по арене, чем он и занялся. На первых порах ему удавалось ускользать от разъяренного палача, но таким образом он просто оттягивал неизбежное. Развязка наступила, когда ТС врезался в зонитную стену и опрокинулся навзничь. Зверь моментально бросился на добычу, одним рывком разодрал хрупкий корпус агрегата и, не успев приговоренный издать предсмертный крик, как все было кончено.

Со своего трона Фейдлх Свирепый улыбался довольной улыбкой основателя и вершителя правосудия.

– Воистину, неотвратимы законы Ингселла, – объявил сатрап, перекрывая восторженный рев публики. Оба его подбородка колыхались, на заплывшем жиром лице застыла суровая гримаса. – Нигде в Терранской империи правосудие не торжествует столь же эффективно и исчерпывающе. – Правитель посмотрел мимо префекта полиции, премьер-министра и девы Бри-лейт на Прелла. – Вы согласны со мной, досточтимый аудитор?

– Абсолютно, – отвечал Прелл. – Простота и действенность вашего метода достойна восхищения.

Вскоре, спускаясь под руку с девой Бри-лейт по внешней рампе, Прелл непринужденно спросил:

– Ваш отец заранее знал, какая дверь ведет к тигру, а какая – к деве?

– Естественно, Яскар Прелл. Именно он и распределяет тайники.

– Ясно. – Аудитор немного помолчал и, убедившись, что Деска их не слышит, задал новый вопрос: – А чужестранцы, совершившие тяжкое преступление на Ингселле, подвергаются аналогичной процедуре? Разумеется, моя несравненная дева, мне известно, что дипломатический иммунитет ценится здесь не больше, чем в других уголках Терранской империи. Просто любопытно, неужели иноземному подданному тоже предстоит суровое судилище на Арене решений?

– Верно ли я понимаю, Яскар Прелл, вы желаете знать, отправят ли вас на Арену, соверши вы тяжкое преступление?

– Вы весьма проницательны, моя несравненная дева.

– Тогда мой ответ – да, хотя подобных прецедентов еще не было.

– А мне позволят выбрать деву по собственному усмотрению? И позволят жениться на ней, если меня признают невиновным?

– Именно так, уважаемый Прелл.

– Любую деву в стране?

– Любую.

– Хмм, – задумался аудитор.

Турбопоездка до Тейшида прошла гладко, за исключением одного инцидента. Когда до фермерских угодий, где произрастал рогейн, оставалось рукой подать, в спальный вагон заглянул проводник и раздал трем пассажирам противогазы.

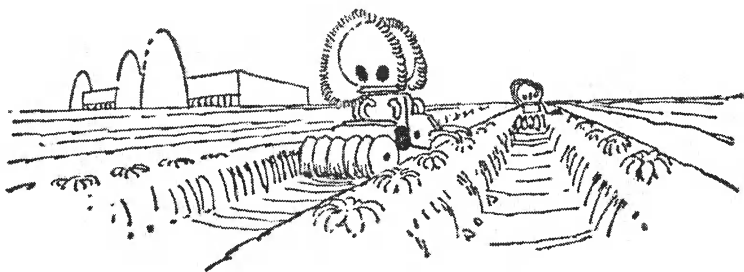
– Рекомендую надеть и не снимать, пока поезд не удалится на приличное расстояние от рогейновых полей. Сами понимаете, сезон в разгаре, а система очистки воздуха в поезде иногда сбоят.

Едва проводник откланялся, Прелл повернулся к Деске, устроившемуся между ним и девой Бри-лет на роскошном диванчике.

– О каком сезоне речь, Донн Деска?

– О сезоне рогейна, разумеется, – отозвался уполномоченный. – Цветы достигли пика цветения, а все ингселлианцы должны избегать чрезмерного воздействия их аромата. Вам, как уроженцу Тверди, опасность наверняка не грозит, однако в ваших интересах принять меры предосторожности.

– Предосторожности от чего? – допытывался аудитор.

– Этого я не могу сказать, достопочтимый Прелл. Есть некоторые вещи, которые одна раса, из справедливости к себе, никогда не сможет открыть другой расе.

Прелл надел противогаз и больше не проронил ни слова, хотя маска снабжалась специальной звуковой диафрагмой. Фраза Дески разворошила остывшие угли костра давних воспоминаний. Инспектор досадовал, что истратил весь эйдетический потенциал на налоги, не оставив ни крупницы розжига для углей. Скрытая под пеплом информация имела прямое отношение к рогейну, однако восстановить ее не было никакой возможности, не воскресив давно забытые воспоминания.

Покинув пепелище, Прелл переметнулся к другому костру, который с каждой секундой разгорался все ярче. Он подкинул в него дров и затаил дыхание – не погаснет ли? К счастью, опасения не оправдались. Аудитор приблизил ладони к огню, упиваясь его теплом. Но прежде чем осуществить воплощенный костром план, нужно заручиться благословением девы Бри-лейт.

Знаменательный разговор состоялся глубокой ночью, после того, как арендованная Деской сафари-капсула доставила троицу в недра джунглей и трансформировалась в ультрасовременный, роскошный лагерь, окруженный силовым полем и укомплектованный водопроводом, семью высококлассными роботизированными поварами, а также запасом шампанского на целый год. Донн Деска предпочел лечь пораньше. Из палатки девы Бри-лейт пробивался тусклый свет ночника. Прелл подумал, что красавица уже спит, как вдруг пластиковая створка распахнулась.

– Входите, Яскар Прелл, – пригласила дева Бри-лейт, посторонившись. – Не выпьете со мной на сон грядущий?

– С удовольствием, – откликнулся инспектор.

Она наполнила узорчатые бокалы и вручила один гостю. В приглушенном розоватом мерцании ночника они пригубили вино. Сквозь полупрозрачный пеньюар хозяйки просматривалась черная кружевная сорочка, соблазнительно подчеркивавшая ослепительно белую кожу. В висках у Прелла стучало, легким не хватало кислорода. Да, он добьется ее, добьется любой ценой. Во всей Терранской империи нет женщины равной ей – по крайней мере, из тех, кого знал Прелл, а знал он немало.

– О несравненная дева Бри-лейт, – начал он, – вчера вы поведали о своем желании поселиться на Тверди. Скажите, как далеко вы готовы пойти ради своей мечты?

– Выразайтесь конкретнее, Яскар Прелл.

– Как вариант, не согласитесь ли вы стать моей женой?

В блестящих глазах вспыхнули искры – и сразу померкли.

– Яскар Прелл, нам обоим доподлинно известно, что законодательная система, воспрещающая мне стать гражданкой Тверди, также лишает меня чести стать вашей супругой.

– Законы, о несравненная дева, созданы, чтобы их нарушать.

На сей раз пламя в глазах красавицы не погасло.

– Продолжайте, Яскар Прелл.

– Запрет на смешанные браки можно легко обойти, противопоставив его местному законодательству. Обойдя запрет, мы устраним законодательное препятствие к вашей

натурализации, поскольку в качестве моей супруги вы автоматически становитесь твердинианской подданной. Но прежде чем исполнить задуманное, о несравненная дева, мне нужно заручиться вашим согласием. – Прелл вкратце посвятил девушку в свой план. – Так вы согласны?

Дева Бри-лейт мешкала с ответом.

– Послушайте, – принялся увещевать Прелл с мастерством, отточенным в ходе бесчисленных факснадзорных переговоров, – нам обоим известно, что на Ингселле вы так и останетесь второсортной принцессой, по крайней мере, по меркам Терранской империи. На Тверди же вы займете достойное себя положение. Помимо стандартных комплиментов и лести, вам окажут почести и более практичного характера. Миллионеры будут наперебой выполнять ваши прихоти, главы синдикатов будут ползать у ваших ног; первая леди и первый джентльмен из королевской семьи будут принимать вас во дворце из слоновой кости; коммерсанты завалят вас дарами: соболями и горностаями, ладаном и миром. А посему снова спрашиваю, одобряете ли вы мой план?

Дева Бри-лейт придвинулась к аудитору вплотную, ее соблазнительный аромат пьянил, обволакивал. До самого утра в ушах звучал шепот: «Да, Яскар Прелл, я согласна».

Утром на охоте дева Бри-лейт стреляла первой и убила трех антилоп. Донн Деска стрелял вторым и убил четверых. Яскар Прелл стрелял последним. Он убил пять антилоп и Донна Деску, выстрелив тому в затылок с пятидесяти шагов. По странному стечению обстоятельств, загонщики в

тот момент отлучились, и единственным свидетелем преступления стала дева Бри-Лейт.

Как Прелл и рассчитывал, Фейдлх Свирепый навестил его накануне суда.

– Сдается мне, достопочтимый Прелл, что в самом обозримом будущем у меня появится либо зять, либо пренеприятная обязанность транспортировать ваши бранные останки на Твердь, – заметил сатрап. – Похоже, вы безумно любите мою дочь, если готовы ради нее полезть в пасть тигра.

– Да, Ваше Преосвященство, я действительно люблю вашу дочь, но не настолько, чтобы лезть ради нее в пасть тигру.

Сатрап недоуменно нахмурился.

– Тогда зачем все это? Ведь вы специально убили Донна Деску так, чтобы мы усомнились в вашей виновности и подвергли вас испытанию на Арене решений.

– Тем не менее, смерть от когтей тигра мне не грозит. Вы сами расскажете, за какой дверью скрывается хищник, а в благодарность за вашу доброту я, в свою очередь, не уведомя налоговое факснадзорное ведомство о недостатке рогейна на восемнадцать миллионов кредитов и вашей общей задолженности перед Империей на сумму восемнадцать миллиардов восемнадцать миллионов кредитов.

Фейдлих позеленел, посинел, а после сделался бледным как полотно.

– Вы блефуете, достопочтимый Прелл. Отчеты составляли лучшие налоговые инспекторы в сатрапии.

– Даже профессионалы иногда ошибаются, Ваше Преосвященство. Однако платить за их ошибки придется вам – как говорится, незнание не освобождает от ответственности. Ваша собственность принадлежит Терранской империи, а собственность Империи – ей одной. Я уже подгото-

вил отчет, – продолжал Прелл, пристально наблюдая за сатрапом, – и поместил его в самом надежном хранилище Ингселла вкупе с подробными инструкциями, скрепленными ведомственной печатью. В случае моей смерти документы лягут на стол непосредственному руководителю Ведомства.

Реакцию Фейдлиха выдали глаза. Ореховая радужка вспыхнула недобрым огнем и снова вернулась к первоначальному цвету.

– Позвольте выразить мое восхищение, достопочтимый Прелл, вы превосходно разыграли свои карты. Тигр будет за левой дверью, а дева Бри-лейт за правой.

– Премного благодарен, Ваше Преосвященство.

После ухода сатрапа аудитор с довольной улыбкой устоялся в потолок. Как ни странно, Фейдлих оказался еще большим дураком, чем Деска, а чем больше дурак, тем выше с него спрос.

Обитателям Ингселла редко выпадала возможность увидеть преступника – налогового инспектора. Собственно, ничего подобного прежде не случалось, а посему все половозрелое население сатрапии не поленилось приехать в столицу. Никогда еще на Арене решений не было такого аншлага.

Не успев выкатиться на манеж в отремонтированном ТС, Прелл догадался, что будет гвоздем программы. А не догадался бы сам, оглушительный рев, с каким толпа встретила появление устройства, поставил бы его перед фактом.

Персонал арены подробно объяснил аудитору, как управляться с машиной; незадолго до начала представления Прелл

даже успел потренироваться в технике, а посему ему не составило особого труда пересечь манеж и подкатить к двум заветным дверям. В нескольких метрах от двойного пункта назначения он активировал тормоз и прислушался к гробовой тишине. Прелл мрачно ухмыльнулся. Он обеспечит публике напряжение, компенсирует затраченные кредиты, однако в финале их ждет горькое разочарование. Вместо того чтобы плясать на обглоданных костях инспектора, ингселлианцы повеселятся на его свадьбе.

Прелл сосредоточился на изображении дверей в мониторе. Фейдлих сказал, дева Бри-лейт будет за створкой справа, а если смотреть в отражающий экран, то слева. Разумеется, сатрап солгал – солгал без риска разоблачения, ведь ни одно самое надежное хранилище не откажет главе государства в доступе, – следовательно, дева Бри-лейт в действительности сокрыта за левой дверью, представленной в отражающем мониторе как правая. Преллу нужно лишь активировать лампочки над правым изображением, и его признают невиновным. Аудитор вновь не сдержал улыбки. Солгав, Фейдлих только облегчил будущему зятю работу.

Но погодите! А вдруг под «правой дверью» сатрап под-
разумевал картинку на мониторе?

Инспектора бросило в пот.

Разумеется, сатрап в любом случае солгал. Однако обманывая, он мог невольно сказать правду.

Впрочем, велика вероятность, что Фейдлих указал верную дверь. Взяв вероятность за основу, Прелл принял окончательное решение.

Активировав лампочку над левым изображением, он услышал, как публика сдавленно ахнула. Вспыхнул второй фонарь, третий, четвертый. Внезапно в амфитеатре воцарилась гробовая тишина. Зрители затаили дыхание – то ли в предвкушении, то ли от разочарования. Как понять, кто скрывается за створкой – тигр или дева Бри-лейт?

Тут не угадаешь.

Обливаясь холодным потом, Прелл активировал три лампочки над изображением правой двери. Потом активировал четвертую. Толпа безмолвствовала – Прелл слышал, как колотится пульс в висках.

Его указательный палец завис над кнопкой включения последнего фонаря левой двери.

Впервые в жизни аудитор заглянул в свою душу.

Верно ли он поступил, натравив налоговый спецотряд на бакалейщика с Йонакара, чтобы те вытрясли из старика правду?

Не погрешил ли против морали, обустроив свое гнездышко за счет полномочного посла с Гемлинга, а после предъявив тому обвинение в уклонении от уплаты налогов?

Не переступил ли черту, приняв в качестве компенсации от сатрапа Безанкона четырех кентавров женского пола и продав их за баснословную цену молодчикам из «Нью-Хайалиа энтерпрайзис»?

Стоил ли брак с девой Бри-лейт убийства Донна Дески?

Неужели сейчас, на пороге судьбоносного решения, в нем вдруг пробудилась совесть?

Немыслимо! Совесть – удел дураков, а Прелла при всех его недостатках нельзя назвать дураком.

Его указательный палец вдавил кнопку.

На экране загорелся правый прямоугольник, и в мониторе возникла дева Бри-лейт. Прелл победил.

Поздравляя новоиспеченного зятя, сатрап, казалось, постарел лет на десять.

— Мне бы хотелось переговорить с вами наедине, — шепнул счастливый новобрачный.

— Как пожелаете, достопочтимый Прелл. Но учтите, отныне мы с вами родственники, предай вы огласке мой позор, он падет и на вашу голову... Встретимся в моих покоях через час.

Фейдлих оказался верен своему слову, и ровно час спустя Прелл обнаружил тестя за столом в дворцовой библиотеке. Налоговый инспектор не стал ходить вокруг да около.

— В обмен на мое молчание и в качестве компенсации за ваше вероломство я забираю с собой на Твердь партию самого дорогостоящего ингселлианского товара.

— Самое дорогое у нас рогейн, но его нельзя... — начал было сатрап.

— Нельзя перевозить иначе, чем в специальных рефрижераторах, верно? — перебил аудитор. — К вашему сведению, в моем распоряжении имеется ультрасовременный ведомственный корабль, оснащенный морозильным отсеком. Ваше Преосвященство, вы удивитесь, узнав, чем только не откупается Терранская империя, и чем только не располагают аудиторы, умеющие держать рот на замке.

— Но рогейн, достопочтимый Прелл... Вы даже не представляете...

– За партию цветов рогейна я выручу солидное состояние на твердинианском рынке, поэтому перестаньте торговаться. Распорядитесь, чтобы груз доставили на борт немедленно. Мы с девой Бри-лейт улетаем сегодня вечером.

Теперь Лицо Фейдлиха смотрелось не столько обрюзгшим, сколько суровым, в карих глазах вспыхнули золотые искорки.

– Как угодно, достопочтимый Прелл. Вы не оставляете мне выбора.

Турбопогрузчик доставил цветы на борт, а вечером вся высшая знать собралась в космопорте проводить молодоженов. Новобрачные помахали всем рукой. Едва трап отъехал, Прелл задраил шлюзы и включил автопилот. Минуту спустя корабль уже парил в открытом космосе.

Переступив порог кают-компаний, дева Бри-лейт с наслаждением перевела дух и озадаченно повернулась к Преллу.

– Похоже, у меня развились обонятельные галлюцинации. До сих пор ощущаю аромат рогейна.

– Это не галлюцинации, моя несравненная дева. Твой отец солгал мне про двери, поэтому в наказание я вытребовал у него партию легендарных ингселлианских цветов. Груз спрятан в морозильном отсеке, а вентиляционная система разносит аромат по кораблю.

Дева Бри-лейт побелела как полотно.

– Глупец! – закричала она. – Немедленно деактивируй систему!

– Нельзя, она управляется автоматически.

– Тогда поворачивай на Ингселл, пока не поздно.

Аудитор с трудом подавил закипавший в нем гнев.

– Давайте не будем портить наш медовый месяц ссорой, моя несравненная супруга. Уверен, в такой знаменательный день можно и пренебречь вашей аллергией.

Он попытался заключить девушку в объятия, но та вдруг вырвалась и опрометью бросилась в каюту. Прелл помчался следом, но опоздал – дверь захлопнулась прямо у него перед носом. В ярости он принялся дергать ручку, молотить кулаком по панели. Безрезультатно. Аудитор отступил на несколько шагов и с разбега протаранил дверь плечом. Замок вылетел из пазов, и Прелл вломился в каюту. Тут же в голове затеплились угольки фактов о рогейне, и на эйдети-ческой сетчатке на мгновение вспыхнули слова:

РОГЕЙН – уникальная разновидность волчьего корня. Произрастает на Ингселле и культивируется в коммерческих целях. Местное население избегает прямых контактов с рогейном в силу эзотерических причин, уходящих корнями в фольклор.

Даже если Яскар Прелл имел гипотетическую возможность справиться с тигром, то против тигрицы у него не было ни единого шанса.

РЕВОЛЮЦИЯ 20

— Я вышел из машины, перетащил ее в рощицу неподалеку и замаскировал срезанными ветками, — начал свой рассказ путешественник во времени. — Через несколько дней листва на них засохнет и опадет, и моя машина откроется досужим взглядам. Но я не собирался задерживаться в будущем больше чем на сутки.

Я не представлял, в каком году оказался, но, поскольку лично программировал машину, точно знал, что в пространстве, по крайней мере относительно Земли, не сдвинулся ни на дюйм. Мой дом исчез, меня окружала роща, которой раньше не было. И все же мне не верилось, что я запрыгнул дальше, чем на полвека.

Покинув рощу, я осмотрел равнину вокруг холма, на котором когда-то стоял мой дом. Еще утром из окна спальни я наблюдал отрадную картину — широко раскинувшиеся ухоженные поля. Теперь же вместо них я видел кладбище. Оно простиралось во все стороны насколько хватало глаз, и ряды могил заканчивались лишь далеко впереди, у города, которого там раньше не было. Большинство надгробных плит выглядели, как таблички, установленные вровень с землей, хотя иногда встречались и старомодные надгробия.

Город вдалеке на вид ничем не отличался от любого другого, если не считать того, что его окружала стена. В любом случае, он скрашивал зрелище бесконечного кладбища. Я спустился с холма, решив нанести визит горожанам.

С собой у меня ничего не было, только то, что в карманах. Я отправился в путешествие налегке, потому что не планировал оставаться в будущем больше суток. Хотя, если честно, я приготовил в дорогу обед и упаковал его, но в предстартовой суете забыл захватить.

Возможно, если бы меня не заинтриговало это бескрайнее кладбище и манящий вдалеке город, я бы после короткого осмотра вернулся в машину и без промедления вернулся в свое время.

Позже я пожалел, что не сделал так.

Был полдень — солнце стояло в зените. Лицо оведал теплый ветерок. Судя по листве и траве, был июнь или июль. Я поздравил себя с удачей, ведь временной прыжок мог закончиться и посреди зимы. Не забывайте, моя машина времени еще далека от совершенства. Я могу более-менее точно программировать пространственные координаты, но поток времени для меня — по-прежнему непознанная река, и я плыву по ней, как древние финикийцы по морю. Я даже не был до конца уверен, что сумею вернуться точно в то время, когда отправился в путешествие.

Кладбище и не подумали огородить забором. Таблички и надгробья просто начинались там, где кончалась дикая трава. Они располагались в строгом геометрическом порядке и довольно близко друг к другу, но свободного пространства между ними было достаточно, чтобы я шел, не оскверняя мо-

гил. Трава аккуратно пострижена – значит, за могилами ухаживают. И как раз сейчас ей требуется очередная стрижка.

Таблички были не новые, но и не старые. Это наводило на мысль, что мертвые похоронены в одно время. Почему так много людей погибло в этом городе в один час? А в других городах? Там тоже сотни, тысячи могил? Что произошло в этом времени? Чума? Протонный шторм? Самой вероятной причиной представлялась война. Но определенно не ядерная, иначе бы город лежал в руинах. Если, конечно, не использовались кобальтовые бомбы. Но будь это так, то некому было бы хоронить мертвых.

Я наклонился к одной из табличек прочитывать надпись и не обнаружил ни имени, ни дат. Посмотрел на десяток других – тот же самое. На старомодных надгробиях тоже ничего не было. Дальше я не смотрел. И так ясно, что ни одна из табличек не несет информации.

Наверное, все-таки это была война – война, где погибло так много людей, что на похоронах не представлялось возможным идентифицировать каждое тело. В мое время люди, столкнувшись с большим количеством мертвых, просто похоронили бы их в одной братской могиле. История знает много таких примеров. Во мне проснулось уважение к жителям будущего, в которое я попал, и я с удвоенной энергией зашагал в город.

Он оказался дальше, чем я думал. Судя по карманным часам, я шел уже час, но город не приближался. Почему-то подумалось о замке Кафки. Хотя аналогия не совсем точная: при внимательном рассмотрении здания и стена все же обретали более отчетливые очертания.

Стена выглядела очень высокой. Непонятно, почему современный с виду город потребовалось окружать высоченной стеной.

Но вскоре мое удивление сменилось благоговением, которое с каждым шагом только росло. Это как с космонавтом: находясь на Земле, он понимает, что космос огромен, но не осознает насколько, пока не окажется среди звезд.

Вдруг откуда-то донесся слабый отдаленный гул. Звук нарастал и вскоре я смог определить, откуда он исходит. Сначала далеко впереди появилось темное пятнышко, потом оно приблизилось, и я увидел, что это машина. Я остановился и уставился на нее. Около шести метров в ширину и двух метров в высоту, на огромных колесах. Машина не только редела, но и подвывала, и я наконец разглядел вращающиеся лопасти перед ней. Тогда я понял, что это огромная газонокосилка. И она неслась прямо на меня!

Я бросился в сторону, чтобы убраться с ее пути, но споткнулся о могильный камень, который немного выступал из земли, и упал лицом вниз. Не поднимаясь, откатился еще на несколько метров, освобождая путь многотонной машине. Колеса прошли в нескольких сантиметрах от меня, вращающиеся лезвия обрызгали ошметками травы.

Я вскочил на ноги, намереваясь погрозить водителю кулаком, но никакого водителя там не было. Еще минуту я следил за машиной, приходя в себя: ведь только что я едва не попал под вращающиеся лезвия, которые посекали бы меня на кусочки.

На пути машины стояло надгробие. Машина подъехала вплотную к нему, остановилась, скосила траву вокруг кам-

ня и двинулась прежним курсом.

Поскольку машина явно не собиралась останавливаться передо мной, я сделал вывод, что ее компьютер запрограммирован распознавать только камень и не знает о существовании человеческой плоти. Я следил за машиной, пока она не затерялась вдаль, затем снял частички травы с рубашки и брюк, отряхнул волосы и продолжил путь в город.

Трава под ногами была теперь подстрижена; газонокосилка шла со стороны города. Наверное, к тому времени как она закончит обрабатывать все кладбище, участок, с которого она начала, вновь зарастет травой, и машина начнет все сначала.

Солнце уже прошло полпути от зенита до горизонта. Горло мое иссохло, как старый кожаный башмак, и я проклинал себя за то, что не захватил баклагу с водой. Одновременно подступил голод, и я еще раз упрекнул себя за то, что забыл обед.

Захотелось повернуть назад, но не из-за голода или жажды, а из-за самого кладбища. Мысль о миллионах мертвых, лежащих у меня под ногами, действовала на меня угнетающе. Более того, накатило тревожное ощущение нереальности происходящего. Почему я один живой на этой обширной равнине?

Но есть еще город, сказал я себе. Он уже достаточно близок, можно даже различить окна в зданиях. Солнечные лучи отражались от стекол и били мне в лицо — словно шпильки вонзались в сетчатку.

В окружающей город стене тоже оказались окна. Значит, это не стена, а жилой комплекс, который наверняка

построили для растущего населения. Вероятно, прямо сейчас он пустует, потому что выживших не может быть много. Если только война, протонный шторм или чума не случились гораздо раньше, чем я предполагал, – тогда у людей было время размножиться.

Подойдя ближе, я стал различать звуки города. Совсем не такие, как у других городов: нет привычного дорожного шума, только бормотание множества голосов, и некоторые как будто пели. Я не заметил ни одной автострады или проселочной дороги – неужели здесь нет дорожного движения? С другой стороны, отсутствие дорог в пределах видимости еще не означает, что их нет совсем, а транспортные средства могли вполне стать бесшумными.

Рев газонокосилки, однако, противоречил последнему заключению.

Потом я услышал другой звук – приятный ностальгический звук где-то совсем рядом. Чик-чик. Чик-чик. Чик-чик. И увидел девушку. Она стояла на коленях возле надгробия и ножницами для стрижки травы подравнивала то, что пропустила косилка. Мы посмотрели друг на друга одновременно. Она улыбнулась, встала и пошла ко мне.

На ней было платье с ярким узором, чуть ниже колен, на ногах сандалии. Волосы длинные и черные, в их обрамлении румянец на щеках играл еще ярче. Нос тонковат и с легкой горбинкой, но полные губы с ним вполне гармонизировали. Глубокие темные глаза светились теплотой.

Подойдя ближе, она сказала:

– Добро пожаловать в наш город.

С годами языки могут радикально меняться, и я боялся,

что окажусь в положении иностранца в чужой стране. Но язык не изменился вообще.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я.

– Кажется, вы сбиты с толку?

Наверное, меня выдали глаза.

– Вы правы, – ответил я. – Никогда в жизни не видел столько могил.

– Да, их не счесть. Меня зовут Элизабет.

– Кит, – представился я. Поскольку она не добавила фамилию, то и я не назвал свою. Потом я задал вопрос, на который уже предположил ответ: – Почему на могилах нет имен?

– Пришлось одновременно хоронить так много людей, что нам было не до имен. Пойдемте со мной в город, я как раз закончила работу. По дороге я вам все расскажу.

Интересно, догадалась ли она по моему вопросу и недоумению, которое увидела в моих глазах, что я из другого века? Не похоже. И тем не менее, она определенно поняла, что я не местный.

Элизабет выбрала один проход между могильными табличками, я соседний, и мы пошли в город.

– Все это подробно описано в Апокалипсисе, – говорила она мне через могилы, – хотя отнюдь не все произошло именно так. Святой Иоанн Богослов ошибся насчет битвы при Армагеддоне. Сражение происходило не между силами добра и зла, а между живыми и мертвыми.

– При Армагеддоне?

– Да. Но это была не просто битва. Это была война.

– Откуда взялись мертвые? Восстали из могил?

– Восстали только те, кто умер в тысячелетие с 1914 по 2914 год. Большинство восстали за одну ночь двадцать с небольшим лет назад.

– Как же они могли восстать?

– Вы не читали Откровение Иоанна Богослова?

– Конечно, читал.

– Тогда вы знаете ответ. Живые были потрясены воскресением мертвых. «Здесь нет больше места! – кричали они. – Возвращайтесь в могилы!» Но, конечно, мертвые не послушались. Тогда-то и произошла битва при Армагеддоне. – Она обвела рукой могилы. – Проигравшие покоятся с миром.

Будучи ученым, я всегда рассматривал Откровение Иоанна Богослова как бред сумасшедшего. По моему убеждению, слова Суинберна – «мертвецы никогда не восстанут» – неоспоримая истина. Естественно, я не поверил словам Элизабет о мертвых, восставших из могил. Хотя, должен сказать, ее жуткая история объясняла существование кладбища.

По крайней мере, теперь я приблизительно знал, как далеко меня забросило во времени – если только она не солгала насчет дат.

– Общій Совет, – заметила она, – обсуждает вопрос об удалении вертикальных надгробий или замене их обычными плитками, как на других могилах. Думаю, это хорошая идея. – Она подняла свои ножницы. – Тогда газонокосилка могла бы подстригать всю траву и ножницы больше не понадобились бы. Все мертвые похоронены на равных условиях, и то, что у одних установлены высокие надгробия – просто нелепость.

Да. Нелепость. Как и ее рассказ.

Потом я увидел других людей. Они занимались тем же самым, что и Элизабет до того, как увидела меня, – подрезали траву. Там были дети, они играли в проходах между могилами. Среди взрослых встречались пожилые. Но все люди как один были розовощекие. Некоторые помахали мне, я помахал в ответ. Пестрое разнообразие их одежд заинтриговало меня: что-то вроде стиля «детей цветов», как в шестидесятые годы.

Жажда стала почти невыносимой, и я решил, что первым делом в городе направлюсь к ближайшему киоску с газированной водой. Но когда мы, наконец, нырнули в просвет между зданиями и оказались на городской улице, я не увидел ни одного киоска.

Зато увидел людей. Много людей: сотни, тысячи. Они толпились на улице, стояли в дверях домов, высовывались из окон. Неудивительно! Если предположить, что Элизабет говорит правду, здесь и впрямь не было места для мертвых!

Здания пребывали в плачевном состоянии: многие из окон разбиты, фасады – словно лица старцев. И нет привычных для двадцатого века высоток.

Теперь я понял, почему не слышал шума уличного движения. Нечего было слышать. И это несмотря на то, что улица, по которой Элизабет меня вела, вместила бы четыре ряда машин. Я не стал спрашивать, почему здесь нет автомобилей и вообще какого-либо транспорта. Хватит с меня лжи.

Внезапно ко мне подошел старик и заглянул в лицо. На нем были брюки, рубашка и кроссовки. Я уставился на него, потрясенный ощущением дежавю. Могу поклясться,

раньше я уже видел это лицо, но где, хоть убей, не помню...

Он секунду смотрел на меня, затем улыбнулся и зашагал дальше. Конечно, я не сомневался, что на самом деле не знаю его. Но откуда тогда чувство дежавю? И зачем вообще этот старик подходил?

Наконец Элизабет провела меня сквозь толпу к широкому входу в одно из зданий. Мы вошли в огромный замусоренный вестибюль. На противоположной стороне его виднелись входы в лифты – их было три, – но, по-видимому, они не работали, потому что Элизабет повела меня по лестнице. На ступеньках сидело множество людей, и нам пришлось буквально протискиваться между ними. Я следовал за Элизабет, как бездомная собака. А что еще мне оставалось делать?

– В городе нет свободных комнат, – объяснила она на одной из площадок, – поэтому вам придется поселиться со мной.

На языке вертелся вопрос, есть ли в здании ресторан, но ее слова и то, как она их произнесла, заставили меня промолчать. Я не сторонник мировоззрений Пруфрока¹, но я всегда полагал, что сексуальная свобода – эта примета моего времени – лишь веха эволюции на пути к более цивилизованной форме поведения. Факт, что она все еще популярна почти тысячелетие спустя, застал меня врасплох.

Не знаю, на какой по счету этаж мы поднялись, могу

¹ Пруфрок – герой поэмы Т. С. Элиота «Любовная песнь Альфреда Пруфрока». Образ Пруфрока в литературоведении считается символом «маленького человека», чей мир обставлен разнообразными запретами и табу.

только сказать, что комната Элизабет была на последнем из них. Она повела меня по пыльному коридору к своей двери. Тут пахло пылью и плесенью. Впрочем, как и во всем здании. Комнаты, мимо которых мы проходили, казались обитаемыми; по крайней мере, оттуда доносились голоса.

Ее комната мало отличалась от остального. Я ожидал увидеть жилище, хотя бы временное. Но обнаружил заплеванные стены, свисающую с потолка паутину и навешанные унылые три предмета мебели: деревянный стул с прямой спинкой, обшарпанный туалетный столик с треснутым зеркалом и нечто настолько поломанное и трухлявое, что лишь матрас выдавал в этом предмете кровать. В единственное окно напротив двери заглядывало вечернее небо.

Элизабет отступила в сторону, пропуская меня в комнату. Я вошел, и она сказала из коридора:

— Побудьте пока один. Я извещу членов Совета о вашем прибытии. Они должны вас осмотреть.

— На предмет чего?

Она улыбнулась, обнажив ровные ряды белых зубов, которые светились даже в полутьме.

— Нужно официально установить, живой вы или мертвый.

Я вспомнил ее слова о том, что большинство мертвых восстали из могил за одну ночь. Видимо, процесс еще не закончился. О боже... неужели она допускает, что я недавно восстал из мертвых?

Потрясенный, я сказал:

— Я думал, вы уже разобрались.

– Насчет вас у меня нет никаких сомнений, – она снова улыбнулась. – Но решение должно быть официальным. Я скоро вернусь, Кит.

И не успел я ее остановить, как она закрыла дверь и щелкнула замком.

Я прошел по пыльному полу и сел на стул. Пусть даже ее ужасная история – правда, мне нечего бояться, потому что я живой. Мой взгляд упал на кровать. Не похоже, чтобы ей пользовались. Матрац тоже зарос плесенью и испускал запах разложения. И как она на нем спит?

Потом мне захотелось заглянуть в ящики туалетного столика, но воспитание не позволило мне это сделать. Ладно, скоро придут члены Совета. Кто-нибудь из них прижмет пальцы к моей сонной артерии, проверит пульс, и все убедятся, что я живой!

Я отогнал эту мысль. Я трезвый, здравомыслящий и благоразумный человек, а трезвые, здравомыслящие и благоразумные люди не верят в воскрешение. Особенно в мировом масштабе.

Мало ли что болтает какая-то сумасшедшая.

Я пододвинул стул к открытому окну и сел, сложив локти на подоконник. Окно было на восточной стороне здания, но выходило не во двор, а на еще одну улицу, которую тоже заполняли люди. Тень от здания сгущала ранние сумерки, и люди внизу блуждали в призрачном сумеречном свете.

Почему никто из них не идет домой ужинать?

Мысль о еде пробудила аппетит и напомнила о жажде. Элизабет вернется с членами совета, и я тут же потребую еды и воды.

Здания через улицу были не такие высокие, как то, в котором находился я. В окнах я разглядел людей. Некоторые просто стояли у окна, другие перегибались через подоконник и смотрели на улицу.

Интересно, люди здесь чем-нибудь занимаются?

Я поднял взгляд. Оказалось, отсюда была видна часть равнины. Я ожидал, что увижу еще одно кладбище или продолжение первого, но нет. Там было море палаток, тысячи и тысячи. Они тянулись до самого горизонта. Возле ближних палаток сновали люди.

Я долго сидел и смотрел на темнеющую равнину. Когда я снова опустил взгляд, оказалось, на улице уже темно и люди там зажгли факелы. В окнах через дорогу мерцали свечи. Невозможно поверить, что в городе, даже полуразрушенном, нет электричества! Я наощупь подошел ко входу и пошарил по стене по обе стороны от двери. Выключателя не было.

Тогда я вспомнил, что не видел ни одного уличного фонаря, а в комнате – ни одного светильника. Значит, электричество заменила более продвинутая форма освещения. Но почему она не работает?

Окно из-за света уличных факелов вырисовывалось бледным прямоугольником в темноте. Я вернулся к нему, снова сел на стул и стал смотреть на людей на улице. Иногда кто-нибудь из них задирает голову. Несмотря на большое расстояние и слабое освещение, я стал замечать, что их лица выглядят как-то странно. Потом мой взгляд снова вернулся к дому напротив. Один из тех, кто маячил в окне, наверное, почувствовал, что я гляжу на него, и посмотрел на меня. Его глаза горели дырами в черепе, лица у него не было.

Часть людей на улице затянула песню. Я узнал мелодию. Слова, которые они пели с таким ярким остервенением, я помнил с детства:

Завидя катафалк, ты думал ли хоть раз,
Что день последний грянет, и он пробьет, твой час?
И то, что когда-то считалось тобой,
Закутают в саван, засыпят землей?

Наконец все осознав, я учуял запах гниющей плоти.
И услышал шаги в коридоре.

Путешественник во времени помолчал и продолжил:

— Несомненно, если вы до сих пор верили всему, что я рассказал, то вы задаетесь вопросом: как я мог не заметить, что пришел в город мертвых? Или как я мог, если на то пошло, с первого взгляда не понять, что Элизабет по-настоящему не жива? Ответ прост: днем мертвые живы. Только с наступлением ночи их фальшивая плоть исчезает.

Я ошибался. Это не живые похоронили мертвых, как я думал. Это мертвые похоронили живых. Разве могли живые выиграть так называемую битву при Армагеддоне? Ведь враги, которых они пытались убить, уже были мертвы!

Но почему они похоронили людей с такой педантичностью? И почему так заботливо ухаживали за могилами? Почему, избавившись от всех машин, сохранили автоматическую газонокосилку?

Ответ прост: мертвые почитают мертвых.

И ненавидят живых. Члены Совета, которые стояли за дверью, не собирались проверять мой пульс. Им достаточно

будет одного взгляда, чтобы все понять. Обнаружив, что я не мертвый, они сразу избавят меня от этого недостатка.

Дверь открылась, и я увидел четыре фигуры в коридоре. Одна из них – Элизабет: я узнал ее по облегающему платью с широкой юбкой, которое сейчас свисало клочьями. Она держала свечку.

Я отвел взгляд от ее ужасного лица, протолкнулся через три других мешка с костями и побежал вниз по лестнице, протискиваясь между живыми трупами, облепившими ступеньки.

Сквозь толпы ходячих мертвецов я добрался до конца города, стараясь дышать только ртом, чтобы не свихнуться от невыразимого зловония. На этот раз, когда я пересекал кладбище, мне было все равно, наступаю я на могилы или нет. Поскольку вы видите меня перед собой, то вам понятно, что я добрался до своей машины и перенесся домой.

А теперь можете вернуться в свои конторки и написать издевательские статьи для своих газет... или, если хотите, изложить рассказанное мной слово в слово.

Если будете писать от себя, можете добавить, что я снова собираюсь туда. Да-да. Но не сейчас. На этот раз я совершу путешествие на машине времени иного рода.

Почему я собираюсь туда? Ответ тоже прост: в городе мертвых я видел себя. Старик, подошедший ко мне на улице, это был я. Но не стоит завидовать моему воскресению – рано или поздно вы тоже совершите путешествие и восстанете из мертвых. Так что, господа, до скорой встречи.

ЭМИЛИ И ЕЕ ПОЭТЫ

С первого дня работы, едва прибегая в музей, Эмили совершала утренний обход своих владений. Официально ее должность называлась «ассистент куратора», и отвечала она за Зал Поэтов. Но сама считала себя вовсе не простым ассистентом, а счастливейшим существом из смертных. Ведь волею судеб она была приближена к Бессмертным – великим поэтам, про которых один из них написал так: *«чьих шагов далекое эхо все звучит в коридорах времен»*¹.

Поэты в музейном зале располагались не в хронологическом, а в алфавитном порядке. Эмили начинала обход с самого левого пьедестала, от буквы А, и двигалась дальше по плавному полукругу. Альфреда – лорда Теннисона – она оставляла, как сладкое, напоследок. Ну, или почти напоследок. Лорд Альфред был ее любимец.

Каждого она приветствовала, и каждый отвечал в свойственной ему манере. Но для лорда Альфреда Эмили всегда припасала особую фразу, а то и две. Например, «сегодня просто чудесный день для сочинения стихов, не так ли?» или «надеюсь, работа над «Королевскими идиллиями» идет

¹ Из стихотворения Генри Лонгфелло «День окончен» (пер. Самуила Черфаса).

лучше, чем вчера?» Конечно, она знала, что Альфред ничего не собирается писать. Антикварная ручка и стопка желтоватой бумаги на небольшом бюро возле его кресла – всего лишь бутафория. Да и таланты андроида простираются не дальше умения декламировать строки, сочиненные его живым прототипом несколько столетий назад. Но что плохого в том, чтобы немного притворится? Особенно если Теннисон отвечает так: *«По весне кичится голубь блеском радужной каймы, по весне к любовной грезе чутки юные умы»*¹. Или вот так: *«О, волшебница сада, явись на зов! Ночь окончилась - поспеши; в блеске шелка, в мерцании жемчугов по ступеням сойди в тиши, солнцем стань, златокудрая, для цветов, и томленье их разреши»*².

Эмили пришла работать в Зал Поэтов с великими надеждами. Как и совет директоров музея, который, собственно, и выдвинул эту идею, она искренне верила, что поэзия не умерла. Как только люди поймут, что волшебные строки можно просто слушать, а не выискивать среди пыльных страниц, – да к тому же слушать из уст движущейся модели автора в полный рост, – они сразу ринутся в Зал Поэтов. И ни силы ада, ни высокие налоги не встанут на пути их похода в музей.

Но и сама Эмили, и совет директоров просчитались. Среднестатистического жителя двадцать первого века оживший Браунинг волновал настолько же мало, насколько и его стихи в книгах. Что же касается исчезающего вида

¹ Из стихотворения Теннисона «Локсли-Холл» (пер. Г. Кружкова).

² Из поэмы Теннисона «Мод» (пер. Г. Кружкова).

литераторов, то свои поэтические блюда они предпочитали подавать традиционным способом и несколько раз публично заявляли, что вкладывать бессмертные фразы великих поэтов в уста анимированных манекенов – технологическое преступление против человечества.

Годами никто не заходил в Зал Поэтов, но Эмили все так же вдохновенно ждала посетителей за столиком у входа. И, пока не наступило утро, когда небо поэзии обрушилось, она свято верила: однажды кто-нибудь, оказавшись в украшенном фресками фойе, пойдет не налево, в Зал Автомобилей, и не прямо, в Зал Электроприборов, а направо – по коридору, ведущему в ее вотчину. Войдет и спросит: «А что, Ли Хант¹ здесь? Мне всегда хотелось знать, почему Дженни поцеловала его. Может, он расскажет?» Или: «Уилл Шекспир сильно занят? Давно мечтаю поговорить с ним о меланхоличном принце датском». Но годы летели, и кроме самой Эмили по правому коридору ходили только руководители музея, уборщики и ночной сторож. Понятно, что за долгое время она близко узнала каждого из поэтов и глубоко сочувствовала их невестребованности. В некотором смысле, у нее с ними одна судьба...

В то утро, когда небо поэзии рухнуло, Эмили, не подозревая о надвигающемся бедствии, совершала традиционный обход. Роберт Браунинг в ответ на ее приветствие произнес обычное: «*А утро к нам приходит в семь, холм блестит жемчугом-росой*»². Уильям Купер печально восклик-

¹ Джеймс Генри Ли Хант (1784–1859) – английский эссеист, поэт, драматург и литературный критик. Друг и издатель Шелли и Китса.

² Из стихотворения Роберта Браунинга «Песнь Пиппы».

нул: *«Горько, горько все равно вблизи своих идти на дно»*¹. Эдвард Фицджеральд – немного нахально, как сочла Эмили – выпалил: *«Неверный призрак утра в небе гас, когда во сне я внял призывный глас: «В кабаке, друзья! Пусть бьет вино ключом, пока ключ жизни не иссяк для нас»*². Минуту его пьедестал, Эмили ускорила шаг. Она никогда лично не встречалась ни с кем из совета директоров музея и не имела возможности высказать свое мнение о присутствии Эдварда Фицджеральда в Зале Поэтов. Она не верила, что у него есть право считаться бессмертным. Да, это правда, свои пять переводов Хайяма он наделил собственными живыми метафорами, но разве это сделало его истинным поэтом? По крайней мере, не таким, как Мильтон или Байрон. И уж точно не таким, как Теннисон.

При мысли о лорде Альфреде Эмили зашагала еще быстрее, и две хрупкие розы румянца расцвели на ее впалых щеках. Она не могла дожидаться встречи и услышать его сегодняшнее приветствие. Записи, скрытые внутри Альфреда, всегда звучали немного иначе – не так, как у других поэтов. Наверное потому, что лорд Альфред – новая модель. Хотя Эмили не любила думать о своих подопечных как о роботах.

Наконец она достигла священной территории и взглянула в молодое (все андроиды изображали поэтов в возрасте от двадцати до тридцати лет) и одухотворенное лицо.

¹ Из стихотворения Уильяма Купера «Смытый за борт» (пер. Г. Кружкова).

² Из переводов Омара Хайяма Эдварда Фицджеральда, русский перевод А. Данилевского-Александрова.

– Доброе утро, лорд Альфред, – прошептала она.

Чувствительные синтетические губы сложились в почти человеческую улыбку. Неслышно включилась запись, рот приоткрылся, и Альфред заговорил:

Видишь, стало в саду светать,
И звезда любви в вышине
Начинает меркнуть и угасать
На заре, как свеча в окне¹...

Эмили прижала руку к груди. Слова, будто птицы, парили над заброшенным лесом ее разума. Она была настолько очарована, что ей и в голову не пришло выдумывать очередную шутку о нелегком труде поэта. Она стояла молча, смотрела на фигуру андроида, и ее душу переполняло чувство, похожее на трепет. Наконец она заставила себя двинуться дальше, автоматически здороваясь с Уитменом, Уайльдом, Уилсоном...

К удивлению, она обнаружила, что у стенда с технологическими экспонатами ее ожидает куратор музея мистер Брэндон, поручивший ей в свое время управлять Залом Поэтов. Еще больше она удивилась, заметив в его руках толстенную книгу – мистера Брэндона никак нельзя было назвать увлеченным книгочеем.

– Доброе утро, мисс Мередит, – кивнул он. – У меня для вас хорошие новости.

Эмили сразу подумала про Перси Биши Шелли – у него часто случались проблемы с воспроизведением записи. Она

¹ Из поэмы Теннисона «Мод» (пер. Г. Кружкова).

несколько раз сообщала об этом мистеру Брэндону, советовала написать в компанию «49 Андройдс Инкорпорейтед» и заказать механизм на замену. Наверное, он получил ответ.

– Да, мистер Брэндон?

– Как вы знаете, мисс Мередит, Зал Поэтов всегда был нашей головной болью. Лично мне идея с самого начала казалась очень непрактичной, но я всего лишь простой куратор, и не мне принимать решения. Совет директоров пожелал видеть в музее андроидов, бодро декламирующих стихи – что ж, они их получили. Но теперь рад сообщить вам, что совет-таки взялся за ум. Даже они в конце концов поняли, что поэты, как и считают все современные люди, давным-давно мертвы. А Зал Поэтов...

– Но... но я уверена, что у людей скоро вновь проснется интерес к поэзии, – прервала его Эмили, стараясь хоть как-то утихомирить дрогнувшее над ней небо.

– ...Зал Поэтов, – продолжил мистер Брэндон, – постоянно и неоправданно расходует финансовые ресурсы. К тому же он занимает место, которое столь необходимо для растущей экспозиции Зала Автомобилей. И Совет директоров принял верное решение: начиная с завтрашнего утра Зал Поэтов перестает функционировать, а освободившееся место будет передано под экспонаты Эпохи Хрома в истории автомобильного искусства. Это, безусловно, самая важная эпоха...

– Но поэты? – опять перебила его Эмили. – Что станет с ними?

Небо рушилось, и его голубые осколки падали вниз обрывками благородных слов и некогда гордых фраз.

– Естественно, мы уберем их в хранилище, – губы мистера Брэндона тронула сочувственная улыбка. – Ну а если интерес к ним все-таки проснется, нужно будет только распаковать их и...

– Но они же задохнутся! Они умрут!

Мистер Брэндон взглянул на нее сурово:

– Не кажется ли вам, мисс Мередит, что вы говорите... э-э... глупости? Разве андроид может задохнуться? Или умереть?

Щеки у Эмили пылали, но она не сдавалась:

– Стихи... я хотела сказать, стихи лишатся дыхания, если их не читать вслух. Поэзия умрет, если никто не будет ее слушать.

Мистер Брэндон раздраженно поморщился. На его желтоватой коже проступил слабый румянец.

– По-моему, вы оторвались от реальности, мисс Мередит. Я разочарован. Мне казалось, вы обрадуетесь, что вам предстоит руководить залом новых прогрессивных экспонатов, а не скучать в мавзолее мертвых поэтов.

– Вы хотите сказать, я возглавлю отдел Эпохи Хрома?

Мистер Брэндон ошибочно принял ее ужас за благоговейный трепет. Его голос потеплел.

– Ну конечно, – кивнул он. – Вы же не думаете, что мы отдадим этот зал кому-то другому? – Он слегка поежился, словно мысль об этом вызвала у него дискомфорт. Отчасти так и было: человеку со стороны пришлось бы платить более высокую зарплату. – К новым обязанностям приступайте уже завтра, мисс Мередит. Вечером начнет работать команда грузчиков, они уберут экспонаты, а утром придут

декораторы и обновят интерьер вашего зала. Если повезет, послезавтра мы уже примем первых гостей... Вы хорошо знаете Эпоху Хрома, мисс Мередит?

– Нет, – безжизненным голосом ответила Эмили. – Со всем не знаю.

– Я так и подумал, и потому принес вам это, – мистер Брэндон протянул ей толстую книгу. – Называется «Анализ хромированных мотивов в искусстве двадцатого века». Прочитайте очень внимательно, мисс Мередит. Это важная книга нашего столетия.

Небо окончательно рухнуло. Эмили беспомощно стояла среди голубых обломков. Через некоторое время она осознала, что тяжелый предмет в ее руках – толстый том под названием «Анализ хромированных мотивов в искусстве двадцатого века» и что мистер Брэндон давно ушел.

Эмили едва дотянула до конца рабочего дня. Попрощавшись с поэтами, она прошла сквозь электронные двери и оказалась на сентябрьской улице. Она плакала не переставая и не могла унять слезы в аэротакси по дороге домой.

Собственная квартира показалась ей тесной и уродливой – точно такой, как до появления Великих Поэтов в ее жизни. Экран видео смотрел из темноты как бледный безжалостный глаз морского глубоководного чудовища.

Она съела безвкусный ужин и рано легла спать. Но заснуть не удалось. Она лежала и смотрела на большое рекламное табло на другой стороне улицы. Оно подмигивало ей, посылая короткие сообщения. Подмигивание первое: «Принимайте таблетки «Соми». Подмигивание второе: «Зззззззззззззззз».

Сон никак не приходил. Она была леди Шалот и плыла по реке в Камелот в белоснежном платье. Но вдруг оказалось, что она совсем не леди, а несчастная девочка, и прячется в воде от соседских мальчишек, заставших ее за купанием нагишом. Она отчаянно надеялась, что им надоест издевательски над ней хохотать и они убегут прочь – тогда она сможет вылезти из холодного водного плена и взять одежду. Раз шесть подряд ей приходилось опускать в воду пылающее от стыда лицо, и вот, наконец, они ушли. Посиневшая от холода, спотыкаясь и дрожа, она выбралась на берег, долго и яростно сражалась с непокорными рукавами, но все-таки ей удалось спрятаться в своем платьишке из полиэстера. Со всех ног она помчалась домой, в деревню: скорее, скорее, скорее... но опять все изменилось, и она уже не бежала, а плыла в ладье в Камелот, одетая в белоснежное платье. *«В виду альтанов и садов, и древних башен и домов, она, как тень, у берегов, плыла безмолвно в Камелот»*¹. Рыцари и народ Камелота, собравшиеся у реки, прочитали ее имя, начертанное на ладье, и явился сам Ланселот – Ланселот или лорд Альфред, он принимал то один, то другой облик, но в конце концов оказалось, что они оба – один человек. *«Лицом как ангел хороша»*, – прошептал Ланселот-Альфред, и Эмили, леди Шалот, услышала его, хотя и была давно мертва. *«Да упокоится душа волшебницы Шалот...»*

Бригада грузчиков работала всю ночь, и Зал Поэтов полностью преобразился. Андроиды исчезли, им на смену при-

¹ Из поэмы Теннисона «Волшебница Шалот» (пер. К. Бальмонта).

шли сияющие арт-объекты двадцатого столетия. Там, где прежде сидел Роберт Браунинг, погруженный в мечты об Э.Б.Б.¹, теперь стояло нечто с табличкой «Файердом-8». А на священной территории Альфреда, лорда Теннисона, вольготно расположился длинный низкий предмет обтекаемых форм с труднопроизносимым названием «Тандербёрд».

Подошел мистер Брэндон. Его глаза сияли так же ярко, как и столь любимая им хромированная отделка.

– Ну что, мисс Мередит? Как вам новая экспозиция?

Эмили чуть было не высказала все, что об этом думает, но вовремя прикусила язык. Увольнение навсегда лишит ее общества великих поэтов, а оставшись в музее, она, по крайней мере, будет знать, что они где-то рядом.

– Экспозиция? Она... просто... ошеломляет, – нашлась Эмили.

– Точно! А что здесь будет после работы декораторов! – Мистер Брэндон едва сдерживал восторг. – Завидую вам белой завистью, мисс Мередит. У вас самая потрясающая экспозиция во всем музее!

– М-м-м... да, пожалуй, – кивнула Эмили и обвела недоумевающим взглядом своих новых подопечных. – Вот только почему они выкрашены в такие невыносимо яркие цвета?

Искры в глазах мистера Брэндона померкли.

– Похоже, вы даже не открывали «Анализ хромированных мотивов в искусстве двадцатого века», – заметил он с

¹Элизабет Барретт Браунинг, известная английская поэтесса, супруга Роберта Браунинга.

укоризной. – Ведь если бы взглянули хотя бы на отворот суперобложки, то знали бы, что цветовая гамма американских автомобилей той эпохи подбиралась специально для усиления сияния хромированных деталей. Соединение двух этих факторов и положило начало новой эре автомобильного дизайна, которая продолжалась больше века.

– Они похожи на пасхальные яйца, – заметила Эмили. – Неужели люди и правда в них ездили?

Глаза мистера Брэндона обрели свой обычный тусклый оттенок, а его утренняя восторженность лопнула, как мыльный пузырь.

– Конечно, ездили! Как же с вами сложно, мисс Мерedit! Я решительно не приветствую вашу точку зрения! – Он резко повернулся и вышел из зала.

Эмили вовсе не хотела с ним ссориться. Она даже подумала, не стоит ли ей пойти и попросить прощения. Но, как ни силилась, не смогла. «Тандерберд» вместо Теннисона – эта перемена совершенно выбила ее из колеи.

Утро складывалось из рук вон плохо. Она беспомощно наблюдала за работой декораторов. Пастельный оттенок стен постепенно сменили яркие кричащие цвета; оконные створки спрятались за хромированными полосками венецианских жалюзи. Систему непрямого мягкого освещения полностью разрушили, и с потолка теперь свисали флуоресцентные лампы, а деревянный паркет безжалостно выложили синтетической плиткой. К полудню зал стал напоминать огромную сияющую уборную. «Не хватает только хромированных унитазов», – с горьким цинизмом подумала Эмили.

Она тревожилась, удобно ли поэтам в ящиках. После обеда, не выдержав, поднялась по лестнице на чердак, в хранилище, но никаких ящиков не обнаружила. В пыльном просторном помещении под крышей все было как и раньше: те же древние реликвии, пролежавшие там не один год. Внезапно у нее возникло страшное подозрение, и она помчалась вниз, к мистеру Брэндону, который как раз руководил грузчиками, выравнивавшими положение одного из автомобилей.

— Где поэты? — воскликнула Эмили.

Виноватое выражение на лице мистера Брэндона бросалось в глаза так же явно, как пятно ржавчины на хромированном бампере автомобиля, возле которого он стоял.

— Нет, в самом деле, мисс Мередит, — начал он, — вам не кажется, что вы слишком...

— Где они? — повторила Эмили.

— Мы... мы перенесли их в подвал. — Его лицо залилось краской, ярко-алой, как крыло хромированного автомобиля.

— Но почему?

— Мисс Мередит, вы неконструктивно относитесь к нашим нововведениям. Вы просто не...

— Почему их отнесли в подвал?

— Боюсь, мы немного откорректировали наш план, — мистер Брэндон уставился в пол, словно увлекшись дизайном новой плитки. — Поскольку отношение общества к поэзии, по всей видимости, не изменится, и поскольку реконструкция зала потребовала больше затрат, чем мы предполагали, мы...

— Вы решили сдать их в металлолом! — Эмили побледнела. Слезы ярости обожгли ей глаза и хлынули по щекам. — Ненавижу вас! — выкрикнула она. — Вас и ваш совет директоров! Вы как вороны — тащите все блестящее в свое гнездо, то есть в музей, и ради этого выбрасываете бесценные экспонаты. Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

— Пожалуйста, мисс Мередит, перестаньте витать в облаках... — начал мистер Брэндон, но тут же обнаружил, что разговаривает с воздухом: Эмили уже мчалась прочь, издав доносимые ее быстрые шаги и шорох пышного платья в цветочек. Мистер Брэндон пожал плечами, не равнодушно, а с сожалением. Он все еще помнил, как много лет назад в Зале Электроприборов к нему подошла хрупкая большеглазая девушка и с застенчивой улыбкой спросила, не найдется ли для нее работы. Он всегда считал, что проявил редкую сообразительность, предложив ей стать ассистентом куратора. На эту дутую должность никто не претендовал: ассистенту платили меньше, чем уборщице. Но она согласилась, и он, выдохнув, переложил на нее заботу о Зале Поэтов, а сам занялся более интересными вещами. Выходит, сообразительность ему не помогла... И еще он подумал, что за последние годы многое в Эмили изменилось: выражение загнанности постепенно исчезло из глаз, поступь стала уверенной и быстрой, а улыбка радостной и яркой, особенно по утрам. Злясь на себя, мистер Брэндон снова пожал плечами. Ему казалось, что они сделаны из свинца.

Поэтов свалили в самый дальний угол подвала, лучи полуденного солнца проникали сквозь высоко расположенное окно и слабо освещали их лица.

Эмили разрыдалась.

Пришлось повозиться, прежде чем она нашла Альфреда. Усадив его на списанный в утиль стул двадцатого века, она села напротив, лицом к лицу. Глаза андроида смотрели на нее вопросительно.

– «Локсли-холл», – попросила она.

– Здесь останусь я, куда разгорается восток.

Вы ступайте; нужен буду – громко протрубите в рог.

*Всё как встарь: кричат бекасы; темный берег пуст и гол;
Стылый блик дрожит над морем, озаряя Локсли-холл...¹*

Он дочитал поэму до конца, и Эмили попросила «Смерть Артура», а потом – «Вкушающих лотос». Пока он читал, ее сознание словно раздвоилось: одна часть внимала стихам, другая – скорбела о судьбе поэтов.

Где-то на середине поэмы «Мод» Эмили очнулась и поняла, что прошло очень много времени, а значит, пора расставаться с Альфредом. Глянув в оконце, она увидела серые сумерки, поспешно встала и, осторожно ступая, добралась до лестницы. Наощупь нашла выключатель, зажгла свет и поднялась на первый этаж, оставив Альфреда наедине с Мод. Музей был погружен во тьму, только в фойе горела дежурная лампочка.

В ее тусклом свете Эмили остановилась и задумалась. Должно быть, никто не заметил, что она спустилась в подвал, и мистер Брэндон, предполагая, что она пошла домой, отдал ключи от музея ночному сторожу и ушел сам. Но где

¹ Перевод Г. Кружкова.

же сторож? Чтобы выйти на улицу, надо найти его и попросить отпереть дверь.

Другой вопрос, хочет ли она уходить?

Эмили подумала о поэтах, грубо сваленных в кучу в подвале, и о сияющих автомобилях, занявших место на священной территории, по праву принадлежащее великим бардам... Вдруг ее внимание привлек металлический блеск одного из предметов, выставленных в небольшом стенде неподалеку от двери. Там находилась экипировка пожарных прошлого столетия. Огнетушитель, небольшой крюк, лестница, свернутый в спираль шланг, топорик... именно топорик привлек ее внимание отблеском на своем лезвии.

Не совсем понимая, что делает, он подошла к стенду, взялась за рукоятку топора и подняла его. Не такой уж и тяжелый, она с ним управится. Туман в сознании рассеялся, мысли обрели четкость. С топором в руках Эмили двинулась по коридору туда, где раньше был Зал Поэтов. Отыскала в темноте выключатель, повернула его – и новые флуоресцентные лампы взорвались ослепительным сиянием, обрушив свет на каждую деталь того, что называлось «главным вкладом человека в искусство двадцатого столетия».

Автомобили стояли бампер к бамперу, будто мчались в неподвижной гонке по кругу. Рядом с собой Эмили обнаружила серую машину без хромированных деталей – очевидно, более старая модель, нежели ее разноцветные соплеменники. Для начала сойдет, решила Эмили. Осмотрев свою жертву, она подняла топор и уже собиралась обрушить его на лобовое стекло, как внезапно замерла. У нее возникло странное ощущение: здесь что-то не так.

Опустив топорик, она сделала шаг назад и заглянула в открытое окно машины. Чехлы на сидениях из поддельной леопардовой шкуры, приборная панель, рулевое колесо... Кажется, она начала понимать, что здесь неправильно.

Она пошла по кругу, заглядывая в окна автомобилей. Ощущение неправильности нарастало. Машины отличались по размеру, цвету, хромированной отделке, числу лошадиных сил, вместимости — но все их объединяло одно: в них не было водителя. А без водителя автомобиль так же мертв, как и поэты в подвале.

Сердце у Эмили забилося, топор выпал из рук, да так и остался на полу. Она выбежала в коридор, поспешила в фойе и только открыла дверь, ведущую в подвал, как ее остановил оклик. Она узнала голос ночного сторожа и остановилась, с нетерпением ожидая, пока он подойдет поближе и узнает ее.

— А, это вы, мисс Мередит, — сказал сторож. — Мистер Брэндон не предупредил, что кто-то останется работать на ночь.

— Наверное, он просто забыл. — Эмили сама удивилась, с какой легкостью ложь слетела с ее губ. И тут же ее озарила мысль: а зачем останавливаться на одной лжи? Даже несмотря на то, что в подвал ведет грузовой лифт, работа предстоит нелегкая. Что ж, придется соврать еще раз. — Мистер Брэндон сказал, что я могу рассчитывать на вас, если понадобится помощь, — продолжила она. — Боюсь, что помощь мне сейчас очень, очень нужна!

Ночной сторож нахмурился. Он хотел было процитировать пункт из устава профсоюза, гласящий, что ночной

сторож не должен заниматься деятельностью, напрямую не связанной с его профессиональными обязанностями, — а именно работать. Но увидел в глазах Эмили выражение, которого прежде никогда не замечал: холодную и твердую решимость.

— Ну хорошо, мисс Мередит, — вздохнул он. — Уговорили.

— И как они вам? — спросила Эмили.

Мистер Брэндон застыл в оцепенении. Глаза у него вылезли из орбит, а челюсть отпала сантиметров на пять. Но он нашел в себе силы прохрипеть:

— Анахронично.

— О, это только потому, что они одеты в наряды своего времени, — махнула рукой Эмили. — Позже, когда позволит бюджет, мы купим им современную одежду.

Мистер Брэндон бросил взгляд на водителя аквамаринного «Бьюика» и попытался представить себе Бена Джонсона в костюме пастельных тонов, сшитом по моде двадцать первого века. И, к собственному удивлению, понял, что это будет очень и очень неплохо. Его глаза встали на место, и он снова обрел дар речи.

— А знаете, мисс Мередит, возможно, в этом что-то есть. Думаю, совету директоров это понравится. Если честно, мы не горели желанием сдавать поэтов в металлолом, мы просто не могли найти им практического применения. Но теперь...

Сердце Эмили забилося от радости. В конце концов, когда речь идет о жизни и смерти, проявить практичность — не самая высокая цена...

Мистер Брэндон вышел из зала, и она начала свой утренний обход. Роберт Браунинг приветствовал ее традиционно: *«А утро к нам приходит в семь, холм блестит жемчугом-росой»*, хотя его голос звучал немного приглушенно из салона «Паккарда» 1958 года.

Печальные строки Уильяма Купера прозвучали чуть веселее – видимо, ему понравилось новое роскошное обиталища: *«Но горько, горько все равно вблизи своих идти на дно!»*

Эдвард Фицджеральд, казалось, мчался с огромной скоростью на «Крайслере» 1960 года. Эмили, не замедляя шаг, сурово сдвинула брови, услышав, как он громко декламирует Хайяма.

Альфреда, лорда Теннисона, она спасла из подвала последним. Он выглядел очень естественно за рулем «Форда» 1965 года: случайный наблюдатель наверняка решил бы, что водитель полностью поглощен дорогой, и видит перед собой только хромированный задний бампер идущей впереди машины. Но Эмили знала, что это не так. На самом деле сейчас он видит Камелот, и остров Шалот, и Ланселота с будущей королевой Гвиневерой, которые скачут на коне по цветущим полям старой Англии.

Ей очень не хотелось отвлекать его от раздумий, но она верила, что он не рассердится.

– Доброе утро, лорд Альфред, – сказала она.

Благородная голова великого поэта повернулась к Эмили, их взгляды встретились. Его глаза почему-то сияли ярче обычного, и голос звучал необыкновенно живо и весело:

Уходит старое и уступает
Путь новому;
Так Бог устроил мир...¹

¹ Из поэмы Теннисона «Смерть Артура» (пер. Г. Кружкова).

ОБРУЧЕНЫ МЫ ДО ИСХОДА ДНЕЙ¹

Бетти жила ради тех мгновений, которые проводила с Бобом, а он жил ради мгновений, проведенных с ней. Естественно, количество этих мгновений ограничивалось необходимостью выполнять хозяйственные обязанности в имении Уэйдов, но часто именно эти обязанности и сводили их вместе – например, когда Боб помогал Бетти готовить ужин, который они затем вместе подавали в патио. Их с Бетти глаза встречались над жареным ростбифом, или свинными отбивными, или подкопченными сосисками, и Боб говорил: *«Меня еще полюбишь ты, а я смогу дождаться твоей любви, хоть медленный, но рост»*², а Бетти отвечала ему: *«Скажи: люблю – и вымолви опять: люблю»*³.

Иногда они так увлекались, что ростбиф, отбивные или сосиски превращались в уголья даже на микроволновом гриле, который теоретически не способен на такие кулинарные злодеяния. Мистер Уэйд приходил в ярость и грозился извлечь из Боба и Бетти кассеты с памятью. Будучи

¹ Из стихотворения Роберта Браунинга «Двое в Кампанье» (пер. А. Иванова).

² Из стихотворения Роберта Браунинга (пер. Е. Дембицкой).

³ Из португальских сонетов Элизабет Барретт Браунинг (пер. Г. Кружкова).

андроидами, они, конечно, не могли отличить внутренние мотивы поведения человека от внешних и не догадывались, что причины раздражения мистера Уэйда более глубоки и никак не связаны с ростбифом или сосисками. Но Боб и Бетти прекрасно понимали: без кассет они перестанут быть собой и забудут друг друга. Несколько раз после угроз мистера Уэйда они уже почти решались сбежать. И верили, что однажды им это удастся.

Времяпрепровождение на свежем воздухе в семье Уэйдов было своего рода культом. Никто из них – начиная от высокой и стройной миссис Уэйд и заканчивая маленьким, но невероятно активным Дики Уэйдом – и помыслить не мог о том, чтобы летом ужинать в помещении. Помешать им мог разве что проливной дождь с громом и молнией. А ростбиф, приготовленный на гриле, был такой же неотъемлемой частью их каждодневного существования, как портативные телеприемники, установленные на идеально подстриженном газоне, или два изготовленных по спецзаказу «Кадиллака» 2025 года: у мистера Уэйда – золотой, у миссис Уэйд – серебряный. Как миниатюрные космические корабли, автомобили готовились к старту на четырехполосной подъездной дороге, или отдыхали в гараже, покрашенном в золотой и серебряный цвет. Дом в стиле ранчо с обширным внутренним двориком и бассейном располагался на участке в полгектара; из окон открывались чудесные виды на заросшие лесом холмы и цветущие долины.

Свежий воздух, как любил повторять мистер Уэйд, «укрепляет тело и развивает ум». Обычно это замечание он сопровождал демонстрацией своих бицепсов и накачанных

грудных мышц – он был мезоморф и гордился этим. Затем он доставал из кармана говорящий портсигар (собственно, их изготовлением он и зарабатывал на жизнь) и нажимал маленькую кнопчку, которая одновременно выстреливала сигарету и активировала микрокассету с записью его очередного стихотворения – да, он сочинял стихи. Прикуривая, он слушал:

Язычком огня подожги меня,
Затянись разок или два.
Дыма выпустишь колечко –
Будет счастливо сердечко!

Обычно собственные стихи действовали на него умиротворяюще. Но в этот вечер они почему-то раздражали и оставляли ощущение неудовлетворенности. Проанализировав симптомы, он поставил диагноз: рынок ждет новых портсигаров, а значит, ему предстоит много работы.

День на фабрике выдался утомительный. Мистер Уэйд опустил в «шезлонг бизнесмена», который летом выносили в патио, включил массажное устройство и крикнул Бетти, чтобы она принесла бокал ледяного пива. Бетти в этот момент, склонившись над грилем, увлеченно разговаривала с Бобом, так что мистеру Уэйду пришлось звать ее дважды. От этого его настроение, и без того невеселое, испортилось еще больше. Даже холодное пиво, которое Бетти наконец удосужилась подать, не принесло привычной радости.

Чтобы восстановить душевную гармонию, он хозяйским глазом обвел свои владения. Трое сыновей сидят на корточках, скрючившись над портативными телеприемниками.

Сияющий золотой «Кадиллак» поджидает хозяина в гараже, готовый умчать хоть на край света. Красавица жена с объемами 90-60-90 томно возлежит в соседнем шезлонге, впитывая кожей последние лучи заходящего солнца. И наконец, помощники по хозяйству – два не новых, но функционально модернизированных андроида, готовят ужин на микроволновом гриле, и при этом декламируют друг другу древние, давно никому не нужные стихи.

Лицо мистера Уэйда потемнело от гнева. Ну, если они опять сожгут ростбиф...

Он вскочил, бросился к грилю и успел услышать строки – *«но разве нас возможно разделить? Твое, мое, свободу или плен вмещает слово нежное «любить»*¹... Заметив его приближение, Боб сразу умолк. Вот так всегда. В присутствии мистера Уэйда они обрывали разговор. Ну, это как раз не страшно, поспешно успокоил себя мистер Уэйд, все равно я терпеть не могу эту поэзию. Но все же почему-то он почувствовал себя задетым. И тогда он сделал то, до чего никогда прежде не снисходил: прочел им, а точнее, бросил в лицо, свои собственные стихи – из ранних шедевров, написанных в те времена, когда он еще только искал свою Музу:

Мое сердце летит автострадой,
И лежит рука, недвижима,
На руле моей драгоценной,
Моей несравненной машины.

¹ Из стихотворения Роберта Браунинга «Двое в Кампанье» (пер. А. Иванова).

Они смотрели на него без всякого выражения. Конечно, мистер Уэйд понимал, что их лица равнодушны вовсе не из-за отношения к его стихам; просто он упомянул объект, сведений о котором не было в их памяти. Миссис Уолхерст, бывшая владелица Боба и Бетти, не хотела включать понятие «автомобиль» в базу данных своих андроидов. И мистер Уэйд решил не восполнять этот пробел — не столько потому, что дворецкий и горничная не обязаны разбираться в машинах, сколько из-за дополнительных расходов, которые повлекла бы за собой такая модернизация.

И все равно он почему-то чувствовал себя уязвленным.

— Возможно, мои стихи не бессмертны, — агрессивно заговорил он. — Но они современны и воспевают жизненно важную отрасль экономики!

— Да, мистер Уэйд, — кивнула Бетти.

— Конечно, мистер Уэйд, — вторил ей Боб.

— Ваша проблема заключается в том, — продолжал мистер Уэйд, — что вы без всякого уважения относитесь к нашей экономической системе, которая гарантирует людям благосостояние и свободное время для творчества. Каждый творческий человек, в свою очередь, должен выполнять определенные обязательства перед системой, а именно — создавать такие произведения искусства, которые поддерживали бы стабильность нашей экономики. Возможно, после моей смерти никому не придет в голову делать мою анимированную копию в полный рост. Но созданный мной бренд говорящих портсигаров — это тот фундамент, на котором зиждется будущее. Практичный и экономичный фундамент, а не какие-то там бессмысленные сочетания глупых

слов, которых никто уже не хочет слышать!

– Глупых слов?.. – с сомнением переспросила Бетти.

– Да, глупых слов! Вы шепчете их каждый вечер друг другу, хотя должны всего лишь готовить ужин!

Внезапно мистер Уэйд остановился и свирепо принялся. Что-то явно подгорало. И он знал, что именно. Праведный гнев взял вверх над разумной сдержанностью, он вскинул руки и заорал:

– Обещаю! Нет, клянусь! Клянусь, что я вытащу из вас эти чертовы кассеты и уничтожу их! – Он развернулся и пошел прочь.

Но, если честно, он сомневался, что выполнит обещание. Ведь тогда придется покупать новые кассеты, а это влетит в копеечку. Он и так уже достаточно потратился на Бетти и Боба, чтобы теперь вкладывать в них еще больше средств!

Уже сидя в патио, он сменил гнев на милость. В любом случае они обошлись ему значительно дешевле, чем новые, сделанные на заказ помощники-андроиды. Ну и что, что они допотопные поэты: они могут выполнять – и выполняют! – работу по дому. Ну ладно, сожгли пару-тройку кусков мяса, прошептали друг другу несколько бессмысленных стихотворных строк. Все равно он на них здорово сэкономил!

Он, можно сказать, даже ввел новую моду. Теперь все покупают необычных, а порой и эксцентричных андроидов, чтобы потом модернизировать их функционал для выполнения полезных работ. Но первым до этого додумался он. Никто из бизнесменов, присутствовавших на аукционе, ко-

торый проводился после смерти миссис Уолхерст, не оценил потенциала Боба и Бетти. Мистер Уэйд вспомнил, как будущие покупатели топтались на неухоженной лужайке перед дряхлым викторианским особняком миссис Уолхерст и как к аукционной трибуне привели Бетти и Боба. Какой же хохот поднялся! Да и было чему смеяться. Только представьте: старая скрюченная карга Уолхерст заказала двух поэтов-андроидов! Просто удивительно, что «Андроидс Инкорпорейтед» подрядилась на такую работу, и бог знает в какую сумму это старушке обошлось.

Мистер Уэйд тоже посмеялся, но потом, разглядывая поэтов, крепко призадумался. Ну да, выглядят они уныло — длинные волосы, допотопные наряды... Но все это можно исправить. Назвать их сокращенными, а не длинными официальными именами, сводить к хорошему парикмахеру, потом к портному или даже к стилисту, чтобы тот подобрал приличную современную одежду или даже униформу. А потом отдать в руки отличного специалиста по андроидной начинке — пусть переквалифицирует поэтов, скажем... э-э-э... ах да... в дворецкого и горничную. Мистер Уэйд давно мечтал о дворецком и горничной! А тут такая экономия! На сэкономленные деньги он купит нового авто-андроида, о котором тоже давно мечтал, чтобы тот обслуживал «Кадиллаки» его и его жены.

На поэтов никто не претендовал, так что он приобрел их по стартовой цене. Смена функционала обошлась немного дороже, чем он предполагал, но все равно, если сравнивать с покупкой новых андроидов, он явно провернул удачную сделку. Вспоминать об этом было приятно, и мистер Уэйд

почувствовал себя лучше. Он съел три куса ростбифа средней прожарки (Бетти и Боб постарались искупить свою вину), миску зеленого салата и ведерко картошки-фри, запил все это очередным бокалом ледяного пива и наконец вернулся в свое обычное состояние. Встав из-за стола, сработанного в модном сельском стиле, он отправился на вечерний моцион.

Приятно прогуливаться по собственным владениям, особенно если они такие обширные. В свете восходящей луны бассейн сиял, как крышка серебряного портсигара. Огоньки телеприемников расцветали на лужайке яркими хризантемами. Отрывистые выстрелы ковбоев, воюющих с индейцами, гармонично сочетались с отдаленным шумом машин, несущихся по трассе номер 999.

Ноги, как часто случалось по вечерам, сами привели мистера Уэйда к гаражу. Золотой «Кадиллак» висел высоко на гидравлическом подъемнике, Чарли занимался заменой масла. Зачарованный мистер Уэйд присел рядом. Ему не надоедало наблюдать за работой Чарли. Этот андроид обошелся в десять раз дороже, чем Бетти и Боб, но стоил каждого потраченного цента — от козырька синей фуражки работника автосервиса до кончиков маслостойких туфель, начищенных до блеска. И потом, Чарли любил машины. Эта любовь была во всем — в его отношении к работе, в сиянии глаз, в нежных прикосновениях рук к деталям автомобиля. Встроенная любовь, конечно, но все равно искренняя. Когда мистер Уэйд заполнил бланк заказа, вписав туда все свои пожелания, сотрудник компании «Андроидс Инкорпорейтед» в первую очередь обратил внимание на «любь

автомобилям».

— Мы с некоторой осторожностью относимся к таким моментам, мистер Уэйд, — заметил сотрудник. — Чрезмерная привязанность может дестабилизировать андроида.

— Как вы не понимаете? — вспыхнул мистер Уэйд. — Если работник любит автомобили, особенно марки «Кадиллак», он будет выполнять свою работу со всей душой, то есть, простите, гораздо лучше. И не только эту работу. Его ящик в гараже будет всегда открытым, и он станет отличным охранником. Вдруг кто-то задумает угнать мою ласточку?

— В том-то и дело, мистер Уэйд. Видите ли, мы не хотели бы, чтобы наши андроиды производили... э-э-э... определенные манипуляции с человеческими существами, даже с грабителями. Для нас это плохая реклама.

— А по-моему, хорошая реклама, — отрезал мистер Уэйд. — Короче. Если вы хотите продать мне андроида, будьте добры накачать его любовью к моему «Кадиллаку». Точка!

— Разумеется, сэр. Мы накачаем его, чем только захотите. Просто моя обязанность — сказать вам, что любовь непредсказуема даже у людей, а у...

— Вы собираетесь делать то, что я хочу?

— Конечно, сэр. Для «Андроидс Инкорпорейтед» главное — счастливые клиенты. Итак, какие еще личностные характеристики вы хотели бы видеть в вашем экземпляре?

— Ну... — мистер Уэйд откашлялся, — прежде всего...

— Добрый вечер, мистер Уэйд, — приветствовал его Чарли, протирая штучер.

– И тебе добрый вечер, – отозвался мистер Уэйд. – Как делишки?

– Неплохо, сэр. Совсем неплохо, – Чарли взял пистолет с маслом и скормил двигателю точно выверенную дозу.

– Как состояние авто, Чарли? Все в порядке?

– Ну... – Синтетическое лицо Чарли было очередным триумфом компании «Андроидс Инкорпорейтед»: он умел – вот как сейчас – хмурить брови. – Не люблю говорить о неприятностях, сэр, но, думаю, вам не стоит ездить по дорогам со свежеуложенным асфальтом. Вы только взгляните на днище машины!

– Тут ничего не поделаешь, Чарли, дорога есть дорога. Ты сможешь это очистить?

– Со временем, сэр. Постепенно. Я ведь не боюсь работы. Просто сам акт загрязнения автомобиля кажется мне кошмарным. Не лучше ли объезжать такие дороги?

«Может и лучше, да неохота, и вообще это не твое дело!» – собрался было приструнить его мистер Уэйд, но вовремя сдержался. В конце концов, именно такой реакции он ожидал от своего будущего андроида, заполняя бланк заказа. И надо сказать, «Андроидс Инкорпорейтед» четко выполняла указания.

– Извини, Чарли, – сказал он. – В следующий раз буду осторожнее. – И перешел к главной цели своего визита. – Скажи, Чарли, ты любишь поэзию?

– Да, сэр. Особенно вашу!

Теплая волна удовольствия коснулась больших пальцев мистера Уэйда и, приятно щекоча, поднялась к самым корням волос.

– Работаю над новым стихотворением, Чарли. Вот, хотел узнать твое мнение.

– Читайте, сэр.

– Значит, так:

Кури меня ты утром, и вечером кури,
А если хочешь похудеть –
То больше раза в три.
Мой портсигар удобен,
И вкус мой бесподобен.

– Ого, да это просто шедевр, сэр! Вы всех просто сразите наповал! Знаете, мистер Уэйд, вы, наверное, гений, раз такое придумали!

– Ладно уж, какой там гений...

Чарли снова протер штучер и наполнил пистолет маслом:

– Очень даже гений, сэр!

– Ну, не знаю...

Мистер Уэйд возвращался к дому летящей походкой. Обычно он никогда не пел, моясь в душе, но в этот вечер изменил традиции и распевал во всю глотку. Перед его мысленным взором проносились картины: люди в супермаркетах и табачных магазинах сметают с полок его говорящие портсигары: «Будьте добры, портсигар Уэйда, пожалуйста!», и все больше и больше заказов поступает на фабрику. Табачные компании сражаются за то, чтобы первыми урвать продукцию с его новыми стихотворениями, лента конвейера движется все быстрее, и девушки-работницы порхают, как в ускоренной съемке...

– Артур!

Мистер Уэйд включил встроенное в душевую кабину переговорное устройство.

– Да, дорогая?

– Я не могу найти Бетти и Боба! Они пропали!

– А ты смотрела на кухне?

– Я сейчас на кухне, их здесь нет, в раковине полно грязной посуды, и пол не вымыт.

– Сейчас приду, – сказал мистер Уэйд.

Он наспех вытерся полотенцем, надел рубашку, шорты и шлепанцы, представляя себе, что скажет этим мерзавцам, когда найдет их. Прямо так и выложит: или вы прекращаете безобразничать и спокойно работаете, или я уничтожаю ваши кассеты!

Внезапно он вспомнил, что уже несколько раз изрекал подобные угрозы – да что там далеко ходить, прямо сегодня вечером.

Неужели? Неужели его слова как-то связаны с тем, что они...

Ну конечно же нет! Они всего лишь андройды. Какую ценность могут иметь для них эти кассеты?

И все же...

Он встретился с женой на кухне, и вдвоем они обшарили весь дом. Дети со своими телеприемниками разошлись по своим комнатам раньше обычного: они тоже нигде не видели Бетти и Боба. Мистер и миссис Уэйд обыскали участок – опять же безрезультатно. Заглянули в гараж, но обнаружили только Чарли – тот как раз закончил заниматься «Кадиллаком» мистера Уэйда и теперь перешел к машине миссис Уэйд. Нет, ответил Чарли, поглаживая трепещущей рукой се-

ребристый бок автомобиля, он тоже их не видел весь вечер.

— Я думаю, — сказала миссис Уэйд, — они сбежали.

— Глупости. Андроиды не могут сбежать.

— Еще как могут. Многие уже сбежали. Если бы ты хоть раз посмотрел новости вместо того, чтобы разглагольствовать о своем поэтическом даре, ты бы и сам знал это. Совсем недавно сообщали о таком случае — одна из старых моделей вроде твоих, купленных из экономии, сбежала из дома. Механический андроид по имени Келли или Шелли.

— И что, его нашли?

— А как же. То, что от него осталось. Представь себе, он собрался пешком перейти автостраду номер 656!

По сравнению с трассой номер 999, автострада 656 казалась заброшенной проселочной дорогой. Мистера Уэйда начало мутить, его лицо скривилось. Если придется заказывать замену Бобу и Бетти, он вылетит в трубу — ведь он совсем недавно купил Чарли. Какой же он идиот! Надо было их полностью модернизировать.

Отдаленный шум трассы уже не радовал слух, теперь он казался зловещим. Мистер Уэйд встрепенулся и начал действовать.

— Звони в полицию, — велел он жене. — Пусть немедленно приезжают!

Он отправился к своему «Кадиллаку».

— Поедешь со мной, Чарли. Может понадобится твоя помощь.

Конечно, это всего лишь древние дряхлые поэты, но мало ли? В случае чего Чарли с ними справится, он сгибает коленвал голыми руками.

– Залезай! – приказал мистер Уэйд, и Чарли опустился на пассажирское сидение. Двигатель в семьсот пятьдесят лошадиных сил взревел, шины завизжали.

Чарли растерянно заморгал:

– Мистер Уэйд, пожалуйста, не надо!

– Заткнись! – гаркнул мистер Уэйд.

Дорога огибала поросшие лесом холмы, спускалась в долины, дышащие вечерней влагой. Луна озаряла деревья, траву и каменистый путь, воздух был пронизан лунным светом. Но ничего этого мистер Уэйд не замечал. Его вселенная съежилась до куска пространства, освещаемого фарами «Кадиллака».

Его вселенная еще долго оставалась пустой, и он уже начал думать, что андроиды пошли другой дорогой или, возможно, через окрестные деревеньки. Но, миновав последний поворот, заметил впереди две знакомые фигуры.

Они шли метрах в ста от шоссе, взявшись за руки, плечом к плечу. Мистер Уэйд чертыхнулся. Вот же идиоты! Тупоголовые идиоты! Наверное, ведут беседу о лунном свете или еще какой-нибудь ерунде и движутся навстречу неминуемой гибели!

Поравнявшись с ними, он сбросил скорость. Если они и увидели машину, то ничем этого не выдали. Они мечтательно брели под луной и тихо переговаривались. Мистер Уэйд взглянул на них – и едва узнал их лица.

– Бетти! – позвал он. – Боб! Я приехал отвезти вас домой.

Но они не обратили на него внимания. Ни малейшего. Как будто он был пустым местом.

В ярости мистер Уэйд резко затормозил. И тут до него дошло, что он сам ведет себя, как дурак. Они его не видят, потому что он сидит в «Кадиллаке», а в их базах данных нет информации о машинах! Автомобиль для них просто не существует.

Он вытащил из кармана портсигар, собираясь покурить и успокоиться...

Язычком огня подожги меня,
Затянись разок или два.
Дыма выпустишь колечко –
Будет счастливо сердечко!

Почему-то собственные стихи его разозлили. Он сунул портсигар в карман и, в стремлении поскорее схватить Бетти и Боба, рванулся вперед. Внезапно раздался долгий скрежет – острый край портсигара, торчащий из кармана, процертил на сияющей эмали правого переднего крыла длинную уродливую черту. Мистер Уэйд замер. Инстинктивно послюнил палец, провел по рваной царапине и застонал:

– Ты только посмотри, Чарли! Посмотри, это все из-за них!

Чарли вышел из машины и уставился на крыло «Кадиллака». На его на освещенном лунной лице появилось странное выражение.

– Я убью их, – пообещал мистер Уэйд. – Убью собственными руками!

Бетти и Боб удалялись от машины, все так же держась за руки и тихо переговариваясь. Далеко впереди шумела трассы – смертоносная река сияющих огней. Послышался

удаляющийся голос Боба: *«Обручены мы до исхода дней. Ты видишь ли меня, мой друг с небес, с сверкающей надмирной высоты? Твоим ли голосом мне шепчет темный лес? И разве роза на камнях – не ты?»*¹

Внезапно мистера Уэйда осенило. Просто удивительно, как это раньше не приходило ему в голову! Это же так просто и решает все проблемы! Бетти и Боб будут полностью уничтожены – но, вместе тем, продолжат работать в его имени, причем гораздо лучше, чем раньше! Наверное, подсознательно он уже видел это решение, когда грозился уничтожить скрытые в них кассеты. Но это лишь полдела! Вторая половина – заменить их записи его собственными стихами!

Его охватило радостное волнение.

– Отлично, Чарли, – сказал он. – Иди и поймай их. Притащи сюда этих выживших из ума ублюдков! Чарли?

Выражение лица Чарли теперь было не просто странное, а пугающее. И его глаза...

– Чарли! – закричал мистер Уэйд. – Я приказываю! Притащи их сюда!

Чарли молча сделал шаг вперед. Потом еще. Только теперь мистер Уэйд заметил у него в руке тридцатисантиметровый гаечный ключ.

– Чарли! – крикнул он. – Я твой хозяин! Ты что, забыл? Я твой хозяин! – он попытался отступить назад, но уперся в крыло автомобиля. В отчаянии поднял руки, чтобы защи-

¹ Из стихотворения Роберта Браунинга «Двое в Кампанье» (пер. А. Иванова).

тить лицо; но они были из плоти и костей, а гаечный ключ – из закаленной стали, так же, как и держащая его рука. Рука андроида опустилась, не отклонившись ни на миллиметр, прямо на искаженное ужасом лицо мистер Уэйда. Безжизненное тело сползло вниз, скользя по крылу машины, да так и осталось лежать на дороге в растекающейся луже крови.

Чарли достал из багажника фонарик и ремонтный набор, опустился на колени у крыла автомобиля и начал закрашивать длинную царапину – бережно, словно обрабатывая рану.

Заброшенная извилистая дорога называлась Уимпол-стрит¹. Они шли рука об руку, блуждая по миру, который не создавали, и где не было места даже для их призраков.

А перед ними в чужой ночи ревела и дрожала скоростная трасса. Она ждала...

– Как я люблю тебя... – сказала Бетти.

– Год – на пике весны... – отозвался Боб.

И добавил:

Я пожелал быть волею твоей,
Глазами, каждым дюймом существа,
В котором жизнь была бы мне милей,
Чем мыслящая это голова, –
Обручены мы до исхода дней.²

¹ Уимпол-стрит – улица в Лондоне, на которой жила поэтесса Элизабет Барретт, в замужестве Браунинг.

² Из стихотворения Роберта Браунинга «Двое в Кампанье» (пер. А. Иванова).

ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ

Чаще всего Джефф навещался туда летом.

— Ладно, — говорил он матери. — Пойду-ка я, пожалуй, в дом.

Мать точно знала, о каком доме идет речь, ведь ходил туда Джефф едва ли не каждый день. Сама она не видела в этих походах никакого толка и бывала там совсем редко. Даже в те стародавние времена дом выглядел ветхим и обшарпанным. Местные жители судачили, что последний раз кисть маляра касалась его еще до Гражданской войны, но, конечно, они преувеличивали. Хотя дом и в самом деле очень нуждался в покраске. Доски совсем облезли, некоторые покривились, а самые нижние обросли плесенью.

Первоначально дом представлял собой квадратную двухэтажную конструкцию с двускатной крышей. Затем к нему пристроили одноэтажное крыло с крыльцом-террасой по всей длине. С годами дверь, ведущая в пристройку, полностью заменила главный вход, а боковой дворик перешел в ранг главного палисадника. Заросший колокольчиками, затененный буйно разросшимися кустами сирени, двор выглядел необычно — самый необычный на Мейн-стрит.

На террасе стояло несколько стульев и удобное кресло-качалка. В нем любил покачиваться дядя Джордж. Местные

говорили, что кроме этого он вообще ничего не делает. Опять преувеличение. Хотя летом и правда дядя почти все время сидел на крыльце, качался в кресле и через равные промежутки времени сплевывал через перила тонкую струйку сока от жевательного табака.

Внутри дома царил идеальный порядок, если не брать в расчет расставленные по углам коробки со старой домашней утварью. Бабушка Джеффа, пока была жива, ничего не выбрасывала. Главный холл, как впрочем и лестница, ведущая на второй этаж, оставался территорией, недоступной для гостей. И весь был заставлен стопкам старых газет, так что добираться до лестницы приходилось как по лабиринту. В холле возвышались башни не только из связок газет, но и журналов, но которые подписывалась бабушка Джеффа: «Дамское чтение Годи» и «Журнал для истинных леди». Там же стояли коробки со столь любимыми ею викторианскими романами. Все это Джефф обнаружил, прокрававшись однажды в холл, пока дядя возился в сарае, а дедушка дремал в кресле-качалке у камина гостиной. Дед Джеффа в ту пору был еще жив, но уже отошел от дел. Состоятельный фермер, он женился довольно поздно и успел обзавестись недвижимостью по всему городу. Всю собственность он завещал старшему сыну, дяде Джеффа, кроме большого каркасного дома на Элм-Стрит – его получил в наследство отец Джеффа, который там и жил. В этом доме родился и сам Джефф.

Иногда дядя Джордж приносил Джеффу из главного холла «старое забавное чтиво», как он его называл. А однажды притащил со второго этажа игрушку, которую, по его словам,

нашел утром, разбирая кладовую. Никогда Джефф не видал такой удивительной игрушки. Состояла она из двух частей. Первая – выкрашенная в ярко-красный цвет деревянная доска длиной около метра, шириной сантиметров шесть и сантиметра два в толщину. Через каждые пять сантиметров в доску были вбиты гвозди в два ряда. Вертикально они располагались через равные интервалы, вбитые наполовину и согнутые так, что гвозди левого ряда торчали чуть ниже правых.

Вторая часть игрушки – человечек, вырезанный из фанерки, с расставленными в стороны руками, в нарисованной смешной одежке. Его аляповато раскрашенное личико выглядело комично, маленькие губы изгибались в вечной улыбке. Смысл игры заключался в том, чтобы заставить его «сбежать вниз по лестнице» – расположить руки на верхней паре гвоздей, а потом отпустить. Сначала одна рука соскальзывала с гвоздя, потом другая – и человечек устремлялся вниз: щелк-щелк, щелк-щелк, щелк-щелк. Маленькое деревянное тельце наклонялось то в одну, то в другую сторону.

Джефф забавлялся с игрушкой, а дядя Джордж смотрел и почему-то нервничал. Казалось, он принес ее со второго этажа не просто так, а с какой-то целью. А потом забрал ее и больше никогда не приносил. Но Джефф никак не мог забыть эту игрушку. И спустя несколько лет, когда дедушка проснулся и все занялись делами, он прокрался наверх, нашел ее в чулане дяди Джорджа и утащил к себе. Часами он играл с человечком и лестницей в своей спальне – просто удивительно, как у фанерной фигурки не отвалились ручки!

Наконец Джеффу это наскучило, и тогда ради забавы он поднял доску на метр от пола и пустил человечка вниз. Соскользя с последней «ступеньки», тот сделал кульбит в воздухе и врезался головой в пол. Джефф развеселился и поднял доску выше. На этот раз человечек ударился об пол очень сильно и развалился на три части. В приступе ярости Джефф сломал доску и вместе с останками маленького человека бросил в мусорный ящик. Он опасался, что дядя Джордж обнаружит пропажу, поймет, кто ее стащил, и станет ругаться. Но дядя не сказал ни слова. Только посмотрел на Джеффа странным взглядом, когда тот снова пришел в дом.

За домом простирались земли, принадлежавшие сперва дедушке, а затем дяде Джеффа. Минувя амбар, вы оказывались на заросшей травой дороге, по которой когда-то ездили фургоны; по обе ее стороны стояли ветхие навесы, укрывавшие ржавое и грязное сельскохозяйственное оборудование. Дорога приводила к продолговатой глубокой впадине — прежде здесь была мельничная запруда. Ее берега соединял мостик, а после него начинался большой яблоневый сад. Даже во времена детства Джеффа за садом никто не следил, деревья не обрезали, и шагать по нему было все равно что продираться сквозь джунгли. Сразу за садом был обрыв — крутой берег обмелевшей речушки. Там, где раньше бежала вода (порой во время весеннего паводка она возвращалась), теперь росли тополя, ивы и платаны. Прокладывая путь между деревьями, вы в конце концов выходили к ручью; летом Джефф дни напролет возился там на мелководе. Иногда он брал с собой самодельную удочку, но редко ею пользовался. Куда забавней было ловить раков голыми руками.

Ему нравилось отрывать им клешни, бросать обратно в воду и смотреть, как они там корчатся. А однажды он увидел водяную змею. Позже ему говорили, что он ее только вообразил. «Галлюцинация» – так сказал доктор. Но доктор ошибался. Джефф увидел змею еще до того, как упал и сильно разбил колено – не после.

В заднюю дверь снова стали стучать. Джефф поднялся с дивана в гостиной, где пил пиво и смотрел по телевизору «Ангелов Чарли». Прошел на кухню, открыл внутреннюю дверь и взглянул в закаленное стекло наружной двери. Свет на заднем крыльце по-прежнему горел, но Джефф ничего не увидел. В раздражении он закрыл дверь, ежась от холодного ночного воздуха, ворвавшегося в кухню; потом вернулся в гостиную и уселся на диван. Не стоит беспокоиться из-за стука в дверь. Приближается день всех святых, вполне естественно, что соседские дети забавляются. И тем более естественно для них забавляться именно над Джеффом – он первый раз ночует в новом доме, он здесь новичок, а значит, самая подходящая жертва.

Новый дом стоял точно на месте старого. Выстроенный в стиле «кейп-код», с гаражом на две машины: одна – старенький «Шевроле Бискейн», с которым Джефф пока не был готов расстаться, другая – сияющий «Кадиллак Эльдorado».

Джефф взял с журнального столика пиво и собирался сделать глоток, но обнаружил, что бутылка пуста. Пошел на кухню, достал из холодильника новую и вернулся на диван. На большом экране Фарра Фосетт раздвигалась с тре-

мя мускулистыми мужиками: одного поставила на колени, второго вырубил четким приемом карате, а третьего с легкостью бросила через плечо.

Джефф отпил примерно треть свежей бутылки и поставил ее на столик. Он начал больше пить с тех пор, как ушла жена Долорес, назвав причиной развода «жестокое обращение». Посторонний мог бы подумать, что Джефф перестал выпивать в дружеских компаниях и перешел в статус человека, употребляющего что покрепче — то есть в пьяницу, чего Джефф всю жизнь избегал. Но ничего подобного. Свои отношения с алкоголем он строго регламентировал: ни капли спиртного до восьми вечера и ничего кроме пива.

Каждое утро ровно в семь, свежесбривший и аккуратно одетый, он приходил в свой ресторан, шел в зал, где располагалась демократичная закусочная, и заказывал яичницу с ветчиной и кофе. Ресторан был его гордостью и радостью. Джефф всегда мечтал о собственном бизнесе, но его вечно преследовали неудачи, и все попытки оказывались тщетными, пока он не получил наследство. Теперь, наконец, у него появилась возможность раскрыть свой потенциал и занять достойное место в мире предпринимателей.

Джефф приходил по утрам в закусочную, чтобы работники не расслаблялись, но были у него и другие мотивы. Ресторан обслуживал в основном приезжих — въезд в город находился всего в полукилометре, а вот закусочная жила за счет местных посетителей: продавцов, слесарей-сантехников, младших клерков. Ежедневное появление Джеффа, пусть и перешедшего в более высокую лигу, в простецкой

закусочной, его скромный завтрак, какой обычно заказывают рабочие и служащие, то, как он приветствовал завсегдатаев, дружески и по имени, – все это призвано было показать, что он не зазнался, не ставит себя выше других и остается все тем же «старинной Джеффом». К тому же, сидя за завтраком, он впитывал слухи о том, что происходило в городе – кто с кем спит, чья жена или чей муж изменяют своим благоверным. Закусочная с самого открытия стала неофициальным информационным центром, где можно было узнать что угодно и о ком угодно.

В дверь снова постучали. На этот раз Джефф решил не обращать внимания. Некоторое время стук продолжался, затем затих.

Вскоре после кончины дяди Джорджа Джефф снес старый дом. Господи, ну а как иначе? Реконструировать – все равно что строить заново, уж слишком он стар. Безусловно, многие дома на Мейн-стрит тоже очень старые, но за ними ухаживали и каждые три-четыре года обновляли краску. Некоторые были отделаны алюминиевым сайдингом, так что и вовсе выглядели, как новенькие. Но со старым домом о сайдинге не могло быть и речи, овчинка не стоила выделки. Только сносить! Джефф принимал решение не импульсивно, а очень взвешенно: обошел весь дом, тщательно осмотрел фундамент, исследовал несущие балки, простучал все стены. Однажды даже остался ночевать, и этого одного раза хватило. Всю ночь он не сомкнул глаз – из гостиной, столовой, да и вообще из каждой комнаты доносились шорохи, поскрипывания, постукивания, царапанья. Проклятое

место определенно кишело крысами. Как только дядя Джордж такое терпел? Теперь уже не узнать.

Джефф вызвал аукционера и избавился от всего, что было в доме – от мебели, кухонной плиты, столовой посуды, кастрюль и сковородок, романов викторианской эпохи, старых журналов и газет, коробок с древним барахлом. Просто удивительно, какой поднялся ажиотаж, сколько денег люди выкладывали за это старье, купли даже древние газеты. Затем Джефф нанял подрядчика и сравнял дом с землей. Дядя Джордж, вне сомнения, перевернулся в гробу, но Джеффа это не смущало. Старик никогда не шел в ногу со временем, вел праздную жизнь, сидел на крыльце и качался в кресле, а дом ветшал; сирень во дворе разрасталась неукротимо, заполняя собою все, так что с улицы не было видно крыльца; амбар и навесы для оборудования разрушались; мельничная запруда заросла кустарником и деревьями, яблоневый сад превратился в непроходимую чащу, и все ближе к ручью подступал лес – убежище крикливых дроздов и воронья. Но Джефф все исправил. Фермерское оборудование продал старьевщику, пригнал бульдозеры, экскаваторы, нанял бригаду рабочих с бензопилами. Останки амбара и навесов были уничтожены, равно как и яблоневый сад, кустарники и лес; ложбину мельничной запруды засыпали. А потом на обновленной земле выкопали искусственное озеро, проложили живописные каналы, сделали песчаные насыпи и разбили зеленые лужайки... ах, как же красиво получилось! Просто чудесно!

Вот только беда с этими воспоминаниями – приходит одно, а следом целый ворох. И не все они, увы, радужные.

— Ладно, — говорит маленький Джефф матери, — пойду-ка я, пожалуй, в дом.

— Не задерживайся, жду тебя к ужину, — напутствует его мать.

Он хватает самодельную удочку из-под навеса, выбегает на залитую солнцем летнюю улицу, шагает по Элм-Стрит, потом поворачивает на Мейн — и вот уже перед ним дом. Прокладывая путь меж зарослей сирени и полянок с колокольчиками, Джефф добирается до крыльца, где покачивается в кресле дядя Джордж.

— Привет, дядя Джордж!

— Привет, Джефф. Решил порыбачить?

Джефф заходит в дом, здоровается с дедушкой, который сидит у камина в гостиной (зимой к нему присоединится и дядя). Дедушка приветствует Джеффа, улыбается теплой радушной улыбкой, предназначенной исключительно для единственного внука. Полный радостного возбуждения, Джефф идет по дому к задней двери, спускается по ступенькам крылечка, минует амбар, шагает по заросшей травой дороге с ветхими навесами на обочинах, переходит мостик над впадиной мельничной запруды, продирается через яблоневый сад, потом с крутого берега спускается в заросшее платанами, ивами и тополями высохшее русло речушки и наконец добирается до ручья.

Летом здесь совсем мелко, не глубже сантиметров тридцати. Джефф снимает башмаки и чулки, закатывает штаны до колен и входит в воду. Пробует ловить пескарей на крючок, сделанный из булавки, но ничего не выходит. Тогда он бросает это бесполезное занятие и начинает высматривать

раков, чтобы отрывать им клешни. И вдруг замирает: что-то длинное, похожее на веревку, извиваясь, проскальзывает мимо его ног. С восторгом он осознает: это же водяная змея! Джефф пытается догнать ее, шлепая по воде, но успевает сделать всего десяток шагов – а она уже исчезает вдали. В расстроенных чувствах он вылезает на берег. Ну их, раков, лучше пойти в лес. Он будет Даниэлем Буном¹, а удочка – ружьем.

Натянув чулки и ботинки, Джефф вступает в буйные заросли, продвигается вперед от дерева к дереву, чутко прислушиваясь, нет ли поблизости медведя, волка или дикой кошки. Наконец он добирается до крутого берега старого ручья. Здесь он почти отвесный, но рядом есть высокая куча мусора – пустые консервные банки, разбитые бутылки с зазубренными краями. Осторожно Джефф начинает лезть вверх, стараясь избегать острых жестяных крышек и осколков стекла. Почти у вершины он поскальзывается и падает, но быстро встает, еще минута – и он в безопасности. Только в правом колене ощущается странное покалывание. Бросив взгляд вниз, он видит, что правый чулок прямо над коленной чашечкой рассечен по диагонали – ровно, словно разрез сделан опасной бритвой. Джефф сдвигает ткань в стороны и замирает: перед ним вспоротая розовая плоть и что-то серое в открытой ране – кажется, часть кости...

– Дядя Джордж!

Волоча правую ногу, Джефф ковыляет сквозь яблоневый сад.

¹ Даниэль Бун (1734–1820) – американский первопоселенец и охотник, чьи приключения сделали его одним из первых народных героев Соединенных Штатов.

— Дядя Джордж! — он кричит, и слезы ужаса струятся по его щекам. — ДЯДЯ ДЖОРДЖ!

Но дядя слишком далеко, качается в своем кресле и наверняка его не слышит.

Начинает смеркаться. Это странно. Ведь еще день, пусть и вторая половина, но до вечера еще очень далеко. Вместе с сумерками приходит туман, окутывает кривые стволы и ветви яблонь. Джефф не смотрит на свое колено. Боится смотреть. Наверняка сейчас из перерезанных артерий и вен неостановимо хлещет кровь.

Сумерки сгущаются, а вместе с ними и туман. Внезапно слабость охватывает Джеффа; рыдая, он опускается на землю. В траве вокруг слышны таинственные шорохи, тонкие писклявые голоса. Такого не может быть, это всего лишь воображение, говорит себе Джефф. Голоса удаляются, и на него обрушивается чернота.

Потом снова вспыхивает свет дня, и его несут на руках. Вверх по мостику, потом вниз по мостику. По заросшей травой дороге, мимо амбара и дома, по Мейн-стрит к зданию, в котором принимает местный врач. Джефф на руках у дяди Джорджа. Наверное, тот все же услышал его крики, хоть и непонятно как.

— Дядя Джордж!

— Господи, какой ты тяжелый, Джефф! Быстро растешь?

— Дядя Джордж...

— А я думал, ты рыбачишь. Где же твоя удочка?

— Я... наверное, уронил ее. Дядя Джордж, скажи, я умру?

– Глупости! Конечно, нет. Сейчас доктор наложит пару швов, и будешь как новый.

– Я люблю тебя, дядя Джордж.

– Ну вот еще, Джефф!

В дверь снова застучали. Джефф разозлился, вскочил, бросился на кухню, рывком распахнул внутреннюю дверь и выкрикнул:

– Не знаю, кто вы и кем себя считаете, но советую убираться к черту, не то начиню ваши задницы дробью! – И он захлопнул дверь с такой силой, что посуда из нержавеющей стали, подвешенная над плитой на хромированных крючках, задрожала. Джефф вытащил из холодильника еще одну бутылку пива и на ходу откупорил ее.

«Ангелы Чарли» улетели, чтобы вернуться завтрашним вечером. По телевизору шли новости. Джефф смотрел вполглаза и слушал вполуха, потягивая пиво. Пора бы ему уже пить скотч, а не пиво. Черт! Только рабочие пьют пиво. Но он все еще «старина Джефф» и останется таковым навсегда. К тому же, если пьешь скотч, рискуешь стать пьяницей. Пиво – слабоалкогольный напиток. Правильно? Правильно! Кто сказал, что если ты живешь в доме в стиле «кейп-код», а не в каркасной хижине, и едешь на «Кадиллаке», а не на раздолбанном «бискейне», ты должен пить шотландский виски? А потом скажете еще подписаться на «Уолл Стрит Джорнал» и больше не читать «Нэшэнл Инквайрер», «Нэшэнл Экзаминер» и «Миднайт».

Под «каркасной хижинкой» Джефф имел в виду свой родной дом на Элм-стрит, унаследованный им после смерти

матери (отец ушел из жизни пятью годами раньше). В этом доме Джефф жил со своей женой Долорес, детей у них не было. Собственно, он никогда не покидал этот дом, не считая послевоенных лет, когда он служил в Западной Германии. После смерти матери Джефф остался жить в ее доме, только теперь сам оплачивал налоги и коммунальные услуги. «Пойду-ка я, пожалуй, в дом» — эти слова он говорил уже не маме, а жене Долорес.

Дедушка умер, и дядя Джордж жил в доме один. Он так и не женился, а теперь думать об этом было поздно. Дядя вполне сносно готовил, поддерживал на кухне порядок. Не считая коробок со старым хламом и стопок древних журналов, в доме было чисто прибрано. Но Джефф никогда не видел, чтобы дядя Джордж мыл посуду или подметал пол. В теплое время года дядя всегда сидел на крыльце и качался, а в холода тоже качался, только в гостиной у камина в старом дедушкином кресле.

Волосы дяди Джорджа редели, постепенно превращаясь в серую каемку на затылке; он усыхал, сморщивался, скрючивался. Так продолжалось долгие годы. Дядя давно миновал возраст, в котором скончался его отец, и, похоже, собирался прожить вдвое дольше, чем мать Джеффа.

Однажды зимой Джефф зашел навестить дядю. Тот сидел в кресле у камина, но на этот раз впервые в жизни не качался. У Джеффа мелькнула мысль, что дядя Джордж умер, но нет, он просто спал. Его морщинистое лицо совсем съежилось и походило теперь на личико эльфа. Беззубый рот казался маленькой точкой, шея стала тонкой, как у цыпленка, и не держала голову. Во время разговора дяде при-

ходилоь откидываться назад в кресле, чтобы смотреть в глаза собеседника.

– Джефф, – сказал он племяннику. – Как ты, должно быть, знаешь, я хочу оставить дом и земли тебе. Но прежде ты должен кое-что мне пообещать.

– Конечно, дядя Джордж.

– Обещай, что никогда не разрушишь дом и никому его не продашь. Знаю, здесь многое надо подправить, но ты ведь получишь от меня и кучу денег. Делай, что хочешь, но не разрушай дом. Обещаешь, Джефф? Можешь дать слово чести, что не разрушишь дом и никому не позволишь уничтожить?

– Даю слово чести, дядя Джордж.

В последнее время мысли у дяди Джорджа путались, он забывал, о чем говорил, и перескакивал с одной темы на другую. Поэтому Джефф особенно не удивился, хотя и несколько озадачился, когда дядя сказал:

– Знаешь, эти существа... они забавные. Обращайся с ними хорошо, и они все для тебя сделают. А вот ссориться с ними нельзя. Они обладают волшебной силой и на случай, если что-то пойдет не так, держат козырного туза в рукаве. Это мама пустила их в дом. Никогда не любила подметать пол, мыть посуду – только сидела и читала им книжки и журналы. Отец с ними смирился, а потом и я тоже. Малыши и впрямь помогают, а еды много не просят, ну разве чуть-чуть. Правда, в последнее время малость распоясались... Я не хочу, Джефф, чтобы ты рисковал.

– Что еще за существа, дядя Джордж?

Но мысли старика снова перескочили куда-то – точнее, вернулись к прежней теме. Он не ответил на вопрос, но повторил:

– Ты даешь обещание не разрушать и не продавать дом?

– Да, дядя Джордж, – торжественно подтвердил Джефф. – Даю слово.

– Тогда, пожалуй, я вздремну. Рад, что ты заглянул. Приходи еще, Джефф.

Джеффу пришло в голову, что стоит, наверное, отвезти старика в больницу. Он явно при смерти. Но что если дядя не умрет в больничной палате? Тогда его придется поместить в дом престарелых, а это нанесет серьезный удар по бюджету. Да и не согласится дядя Джордж жить в приюте. Так что Джефф попрощался и ушел. В следующий раз, наведавшись в дом, он снова застал старика у камина неподвижно сидящим в кресле. Но на этот раз дядя был мертв.

В телевизоре болтливый синоптик вещал о погоде: ночью дождь, утром в низинах туман, завтра днем переменная облачность с солнечными интервалами. Вероятность осадков ночью шестьдесят процентов, завтра днем – тридцать процентов. Относительная влажность восемьдесят два процента. Самое низкое значение температуры предстоящей ночью – плюс десять градусов, самое высокое завтра днем – двадцать один градус, а сейчас за окнами плюс пятнадцать. Ветер юго-западный, скорость три-шесть метров в секунду.

Джефф прикончил бутылку и отправился на кухню за новой, пообещав себе, что эта последняя: завтра вечером

он собирается праздновать новоселье, так что надо быть в форме.

Едва он дотронулся до холодильника, как в дверь снова застучали.

– Вот же сукины дети! – ругнулся Джефф.

Слегка пошатываясь, он пересек кухню, рывком отворил внутреннюю дверь и широко распахнул внешнюю.

И сразу опустил взгляд вниз, на своих гостей.

– Приветствую, – начал их предводитель. – Теперь, раз уж вы соизволили открыть нам двери, перейдем к делу. Итак, тридцатого числа марта месяца текущего года вы разрушили объект недвижимости, служивший нам местом жительства более полвека. Все это время мы исправно выполняли наши обязанности, что давало нам законное право на долю владения вышеуказанным жильем. В нынешних условиях, с учетом сказанного, мы претендуем на долю владения в новом объекте недвижимости, а именно, в доме, построенном на месте прежнего нашего жилища, и въезжаем в него немедленно, в соответствии с договором, заключенным с вашей бабушкой, а также внесенными в него поправками: «Работы по дому, выполнявшиеся Стороной Один данного договора в Жилище Номер Один, отныне будут выполняться Стороной Один данного договора в Жилище Номер Два, при этом Сторона Два данного договора в качестве оплаты работ обязуется обеспечить Сторону Один достаточным для проживания пространством, теплом и средствами к существованию. А теперь, будьте добры, дайте нам пройти...

– А ну вон из моего дома, вы, чертовы нахлебники! – заорал Джефф и попытался закрыть дверь.

И вдруг все изменилось. Он не узнавал комнату, в которой находился, такая она стала большая. Внезапно он понял: это же его детская спальня. Он лежал неподвижно на полу, а прямо над ним возвышалась ярко-красная устрашающая лестница. Какой-то гигант поднял его и расположил на лестнице так, что жесткие расставленные руки легли на два верхних гвоздя. Джефф попытался закричать, но тщетно – разумеется, ведь он же сделан из дерева. Оставалось только глупо улыбаться нарисованной улыбкой. И он улыбался, спускаясь вниз: щелк-щелк, щелк-щелк, щелк-щелк.

Все с той же неизменной улыбкой он несколько раз преодолел спуск, изо всех сил стараясь закричать и внутренне холодея, когда видел злобное лицо неумолимого гиганта.

Наконец гиганту стало скучно, и он поднял лестницу повыше для забавы. Щелк-щелк, щелк-щелк! Джефф так сильно ударился головой об пол, что искры посыпались из глаз. Лицо гиганта стало совсем свирепым – невыносимо смотреть. Он поднял лестницу еще выше. Щелк-щелк, щелк-щелк!

Этот спуск стал для Джеффа последним.

КОСМИЧЕСКАЯ ПТИЦА РУХ

Корабль делал первый виток вокруг планеты, и внезапно пилот Фрост заметил необычный геологический объект. Сначала он принял его за гору – правда, таких гор он никогда не видал: длинная, не слишком высокая и очень гладкая, словно ее отшлифовали.

На втором облете капитан Бейнс осмотрел объект и пришел к тому же выводу. Навигатор Грим и парамедик Робертс с ним согласились.

Это геологическое образование, чем бы оно ни было, вносило некоторое разнообразие в унылый ландшафт мертвого мира – испещренные бороздами пустыни, выщербленные приземистые возвышенности и бесплодные моря. Капитан Бейнс решил, что объект заслуживает более пристального внимания, и на следующем витке приказал пилоту спускаться. Фрост посадил «Трансстар» почти у основания горы, в ее короткой послеобеденной тени.

«Трансстар» был первым в серии исследовательских кораблей, созданных специально для того, чтобы находить обитаемые миры. Система Веган казалась многообещающей – в общей сложности десять планет. Пять из них трансформировались в какой-то момент своего существования. Из последних четыре оказались неспособны поддерживать

жизнь, а пятая, на которую опустился корабль, даже не имела атмосферы.

Странное образование определенно не было горой. Это выяснилось сразу, как только «Транстар» оказался на поверхности. Конечно, размеры более чем внушительные, но вблизи его поверхность выглядела еще более гладкой – как будто ее не только отшлифовали, но и отполировали. И цвет молочно-белый.

Бейнс, Фрост и Грим натянули скафандры и вышли на разведку, а Грим остался охранять корабль. Не то чтобы в охране была нужда – того требовали правила.

Космонавты подошли ближе к «горе».

– То, что мы видим, лишь верхушка этой штуки, – взволнованно сказал Фрост. – Остальное спрятано в песке.

Капитан Бейнс согласно кивнул:

– Чем бы это ни было, оно восходит к тем временам, когда здесь дули ветра, а значит, была атмосфера. Но сколько времени прошло с тех пор, одному богу известно. – Он повернулся к Гриму. – Джордж, приведи роботов с корабельного склада. Займемся раскопками.

Грим выполнил поручение. Лопаты не понадобились: на этот случай у каждого из шести роботов имелся ковшеобразный придаток. Капитан выбрал три участка на расстоянии тридцати метров друг от друга, сам остался следить за работой на среднем участке, Фроста и Грима распределил на соседние. Робертс наблюдал за процессом из капитанской рубки и время от времени давал советы по четырехсторонней связи. Он очень серьезно относился к своим обязанностям.

Поначалу работа шла медленно, потому что песок стекал обратно в ямы. Но вот роботы достигли более плотного слоя, и процесс ускорился. Бейнс отправил Фроста на «Трансстар» за переносной дрелью. Пилот сломал три сверла, не оставив при этом на боку образования ни малейшей царапины, и Бейнс затею отменил – слишком дорогой ценой достанутся образцы.

Ближе к полудню Грим, наблюдавший за раскопками в западном секторе, буквально взорвал связь:

– Эрни! Я вижу какие-то символы!

Бейнс поспешил к нему. Роботы на участке Грима зарылись куда глубже, чем на его собственном. Два робота быстро расширили яму, и перед людьми предстала надпись на полированном боку. Капитан спустился вниз и изучил ее. Пять горизонтальных цепочек символов – явно какое-то сообщение. Возможно, человечество уже сталкивалось с этим языком или подобным ему.

– Джордж, сфотографируй надпись, – приказал капитан навигатору. – Отнеси на корабль, и пусть киберсистема «Трансстара» попробует сделать перевод. Идиоматический, если возможно.

Десять минут спустя Грим уже зачитывал перевод по четырехсторонней связи:

«Этот огромный, герметично запечатанный город позволит его строителям, при условии максимально бережного сжигания остатков топлива и максимально эффективной рециркуляции веществ, отсрочить на тысячу лет исчезновение нашего вида. Это достойный памятник нашему технологическому таланту, проявленному во время катастрофы.

А когда наступит неизбежный конец, это станет для нас достойной гробницей».

Экипаж сделал массу снимков запечатанного города и надписи на его боку, провел все необходимые измерения, собрал образцы песка и камней, после чего покинул планету. Напоследок Бейнс приказал еще раз облететь ее, чтобы провести аэрофотосъемку.

На душе у капитана было тяжело. Странные мысли одолевали его: глядя вниз на борозды, покрывающие пустыни, он почему-то представлял себе гигантскую птицу, царапающую когтями грунт в поисках еды. Глубокие оспины на возвышенностях напоминали ему следы от клюва.

Бейнс потряс головой, отгоняя видение. «Старею, – подумал он. – Эти шрамы, скорее всего, результат бездумного образа жизни тех несчастных уродов, что гниют в своей самодельной гробнице».

– Набирай скорость, – приказал он Фросту. – Летим домой.

Космическая птица Рух дождалась, пока незваные гости покинут систему, слетела со своего насеста в черной кроне Древа Космоса и последовала за ними, невидимая и неуловимая для судовых датчиков. Она сильно проголодалась, и ей хотелось отложить новое яйцо.

«Трансстар» достиг родной планеты и исчез в ее атмосфере. Космическая птица Рух долго кружила на большой высоте. Потом спустилась ниже, чтобы внимательно рассмотреть планету. И тотчас же другая птица Рух взмыла вверх и атаковала гостью.

– Это моя планета! – крикнула вторая птица Рух. – Убейся! Откладывай яйца в другом месте!

И тут первая птица заметила, что поверхностный слой планеты наполовину съеден, и поняла, что ошиблась: изобилия здесь нет, а если и было, то его безжалостно уничтожили. Покинув атмосферу планеты, она направилась к Малому Магелланову Облаку. Может быть, там найдется еда.

Вторая птица Рух вернулась обратно и продолжила питаться. Чуть позже она наткнулась на месторождение нефти, погрузила клюв глубоко в кору и начала пить: по качеству нефть можно было сравнить с драгоценным выдержанным вином. Птица Рух смаковала каждый глоток, пока не выцедила все до капли.

ЖИЛА-БЫЛА БАБКА В БОЛЬШОМ БАШМАКЕ¹

Альфа Центавра еще не успела разделиться на экране внешнего обзора на две звездочки, когда на табло детектора материи возникло пятнышко, позже получившее название «Знак Мальтуса²». Первый помощник капитана Уэллс в этот момент находился в радиолокационной рубке, и он решил лично доставить сообщение на мостик. Не то чтобы ему не хватало собственных должностных обязанностей – на корабле «Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться»³ по последним данным летело три тысячи четыре

¹ «There was an Old Woman Who Lived in a Shoe» – популярная английская детская потешка:

Жила-была бабка в большом башмаке,
У бабки внучат – что горошин в стручке.
Давала им бабка без хлеба бульон
И шлепала на ночь, чтоб крепче был сон. (Пер. Н.Полянской)

² Томас Мальтус (1766–1834) – английский священник, ученый, демограф, экономист, выдвинувший теорию, согласно которой неконтролируемый рост народонаселения обязательно приведет к голоду на Земле. Как набожный христианин, Мальтус считал, что «самоконтроль» (воздержание) предпочтительнее искусственного ограничения рождаемости. Неомальтузианство – обновленное мальтузианство, пропаганда программ по контролю роста населения ради обеспечения ресурсами нынешнего и будущего поколений. В отличие от приверженцев теории Мальтуса неомальтузианцы выступают за широкое применение контрацепции.

³ Ветхий Завет: Псалтирь: Псалом 22:1.

пассажира и сто два члена экипажа. Просто Уэллс с особым трепетом относился к тем вопросам, которые оправдывали его, Уэллса, пренебрежение «позитивным мышлением» или же давали возможность поставить капитана в неловкое положение. Пятнышко на табло детектора попадало в обе категории. Такой щедрый подарок нельзя было упустить.

Капитан Рам стоял у панели внешнего обзора и смотрел на яркий костер Альфы Центавра в глубине космоса. Крепкий, пропорционально сложенный, с мужественным, выразительным лицом, капитан производил сильное впечатление и знал это. Девушки из корабельной деревни тоже знали это. Глядя, как они ведут себя в его присутствии, можно было подумать, что перед ними не пятидесятилетний женатый мужчина, а один из его одиннадцати красавцев-сыновей.

Помощнику Уэллсу было всего тридцать, и он был холост, но из-за обрюзглого лица и костлявой фигуры производил впечатление настолько же жалкое, насколько сильное – капитан Рам. И девушки из деревни знали это. То, как они вели себя в его присутствии, невольно наталкивало на мысль о некоей субстанции, которую садовник периодически выгребал со дна гидропонного узла.

Навигатор Найлс перепроверял за своим пультом курс корабля. Уэллс обошел панель и вручил капитану сообщение.

– Необычно, правда, сэр? – сказал он.

Голубые глаза капитана Рамы пробежались по короткому тексту.

– И что в этом необычного? Астероид пройдет мимо нас на расстоянии около десяти тысяч километров.

– Это не астероид, сэр. Соотношение массы и скорости указывает на то, что перед нами космический корабль.

Капитан вскинул глаза.

– Этого не может быть, мистер Уэллс! Вы же знаете, «Господь – Пастырь мой» первым из кораблей покинул пределы Солнечной системы. Хорошо, допустим, после нас стартовал другой, более совершенный звездолет. Он развил скорость, значительно превышающую нашу, и незаметно обогнал нас. Но ему не удалось бы развернуться так резко, чтобы теперь лететь нам навстречу!

– Из чего следует вывод, – произнес Уэллс, явно наслаждаясь остротой момента, – что корабль – неземного происхождения.

– Это богохульство, мистер Уэллс!

– Нет, простая логика. Можно без конца повторять, что Земля – избранная планета и только она населена разумными существами. Можно бесконечно отрицать любую альтернативу, но корабль – это корабль. А раз корабль – это корабль, то он откуда-то летит. И если не с Земли, то из другого места.

– Прекратите нести ересь, мистер Уэллс! – Будучи ревностным проповедником, капитан на дух не переносил неомальгузианцев, а когда чувствовал свое превосходство, его нетерпимость удваивалась. – Как только ваш драгоценный астероид окажется в зоне досягаемости глубинного сканера, проследите, чтобы объект был надлежаще обследован и его истинная природа точно установлена. А до тех пор держите свои фантазии при себе!

– Есть, сэр!

Уэллс взял под козырек и покинул мостик. Перед тем как вернуться в радиолокационную рубку, он поднялся на лифте в Маленький рай, сел в патрульный вертолет и совершил ежедневный облет корабельной деревни, которая занимала уже восемьдесят процентов пространства огромной сферы. В деревне имелось все необходимое для жизни. Дома, газоны, деревья, начальная и средняя школы, университет, космическая академия, библиотека, парк, больница, солнце, небо и супермаркет. И пусть супермаркет стоял напротив центра распределения еды, а небо и солнце были ненастоящие, деревня все равно радовала глаз. Удобное место для жизни пассажиров – уже шести их поколений. Пригодное, чтобы растить детей и поклоняться богу своего выбора.

Церковь, где поклонялись богу своего выбора, стояла в центре деревни и называлась, как ни удивительно, Церковью Бога Нашего Выбора. Бог нашего выбора обрел популярность и вытеснил остальных богов еще задолго до старта первого межзвездного корабля. Люди поклонялись новому богу фактически с середины двадцатого века, правда, назывался он тогда по-разному: «Благополучие», «Медпомощь престарелым», «Пенсионное обеспечение», «Федеральные субсидии», «Равные условия», «Две машины в гараже», «Легкие деньги», «Плата за сверхурочные», «Трудовой стаж» и «Доктор Спок». Но потом с этим разобрались – стали называть бога настоящим именем и, ничтоже сумняшеся, вложили ему в уста слова из Доброй Книги.

Уэллс был чужд всему этому. Он относился к тем несчастным, у кого хватало ума не одобрять сложившееся

положение вещей, но не хватало соображения что-то предпринять. Такая дилемма неизбежно превращает людей в циников. Именно цинизм вкупе с непопулярностью среди женщин привел Уэллса в осажденный лагерь неомальтузианцев. И тот же цинизм в сочетании с обременительным и почти угасшим факелом, который Уэллс взялся нести, вдохновил его на игру, которую он называл «Посади капитана в лужу».

Войдя в радиолокационную рубку, Уэллс выслушал доклад дежурного оператора: приближающийся объект еще не вошел в зону действия глубинного сканера, но окажется в ней с минуты на минуту. В ожидании этого события Уэллс занялся составлением вопросов, на которые рассчитывал получить ответ. Потом перенес вопросы на перфокарту и скормил ее сканеру. Наконец, по сигналу оператора, включил устройство.

Пятнадцать минут спустя ликующий первый помощник влетел на мостик. Капитан Рам в этот момент беседовал с навигатором, или, если говорить точнее, читал ему зажигательную проповедь.

– В отличие от неомальтузианцев, – вещал капитан-проповедник, – мы не овцы, бегущие в панике к обрыву и при этом повторяющие, что никакого обрыва нет. Дети – неотъемлемое право человека. Его обязанность – произвести как можно больше потомства. Именно для этого Бог нашего выбора и создал человека, поместил его на лик земли, покрыл этот лик зеленью, наполнил недра нужными элементами, дабы человек мог их выкопать и произвести бле-

стоящие предметы. А на случай оскудения недр и исчезновения зелени Бог нашего выбора создал Альфу Центавра – 3, то место, где человек при необходимости сможет найти приют и продолжить свои проповеди... Вам что-то нужно, мистер Уэллс?

– Я выяснил, что представляет собой приближающийся объект, – смиренно ответил тот. – Вам интересны мои выводы?

Капитан секунду безучастно смотрел на Уэллса.

– Ах да, вы про астероид, – наконец сказал он. – Хорошо, излагайте.

– Как я уже говорил, сэр, это не астероид, а космический корабль, причем очень похожий на наш. Через минуту он достигнет точки максимального сближения с нами, и я решил на этот короткий период организовать сеанс связи между вами и другим капитаном. Очень скоро его лицо появится на вашем экране, а ваше – на его. Языковой коррелятор позаботится о правильном переводе тех исторических слов, которые вы произнесете. – Уэллс передал записку навигатору. – Найлс, вот координаты, настройте экран.

Тот так и сделал. Тем временем грозовое облако, начавшееся собираться на лбу капитана, налилось чернотой.

– Как вы посмели превысить свои полномочия, мистер Уэллс? – требовательно спросил он. – Да вы, не иначе, приспешник дьявола!

– Серьезность ситуации не оставила мне выбора, сэр. Теперь есть и другой капитан.

Несмотря на всю свою необычность, лицо, возникшее на экране, лишь отдаленно напоминало человеческое.

Чрезвычайно высокий лоб, переходящий в прямой нос без переносицы. Сразу под носом – маленький рот. Подбородка почти нет. По обеим сторонам лба – или, возможно, уже носа: трудно сказать, где кончался один и начинался другой, – лепились два круглых выпуклых глаза. Между высоко посаженными заостренными ушами возлежал округлый предмет, поразительно напоминающий офицерскую фуражку.

– Говорит капитан Сквил, – пропищал инопланетянин. – Требую сообщить, куда вы летите!

Капитан Рам оказался в трудном положении. Тем не менее, он нашелся.

– Говорит капитан Рам, – сказал он в ответ. – Требую сообщить, куда вы летите!

– На Сол-3, – ответил капитан Сквил.

– На Альфа Центавра – 3, – в свою очередь сообщил капитан Рам.

Несколько секунд офицеры ошарашенно таращились друг на друга.

– Но вам нельзя лететь на Сол-3! – наконец воскликнул капитан Рам. – Там для вас нет места!

– А вам нельзя лететь на Альфу Центавра – 3! Там для вас нет места! – эхом откликнулся капитан Сквил.

– Требую объяснить цель вашей экспедиции! – гаркнул капитан Рам.

– Требую объяснить цель вашей экспедиции! – взвизгнул капитан Сквил.

– Цель обоих – ослабление демографического давления путем создания новых колоний, – вмешался Уэллс. – Что не понятно, капитан? Они с нами в одной лодке.

– Это невозможно! Две непохожие расы, возникшие на разных планетах, не могут одновременно переживать кризис перенаселения!

– Ну, не то чтобы одновременно, – возразил Уэллс. – Ведь мы преодолели больше половины пути, а их корабль не достиг и середины. А поскольку наши скорости сопоставимы, можно смело утверждать, что мы стартовали за полвека до того, как они покинули свою планету.

Изображение капитана Сквила начало блекнуть – два корабля быстро расходились в пространстве.

– Значит, все это только ради того, чтобы поменяться местами, – с отчаянием пропищал он.

Лицо капитана Рама отражало закат и падение Римской империи.

– Боюсь, именно так, – подтвердил он. Потом, вспомнив о своем призвании, добавил: – Счастливого пути, капитан Сквил.

– Счастливого пути, капитан Рам.

Экран опустел. На мостике стало тихо. Уэллс первым нарушил молчание:

– Есть древний детский стишок о старушке, которая жила в башмаке. У нее было очень много детей, и она не знала, что делать. Она даже не пыталась решить свою проблему. А если бы попыталась, то исходила бы из того, что где-то существует другой башмак, и послала бы лишних детей на его поиски. К счастью, такой попытки она не предприняла, потому что если бы ее дети нашли другую обувь, то обнаружили бы, что там живет другая старушка, у которой тоже много детей и которая точно так же не знает, что делать.

Безответственность в производстве потомства – не тот недостаток, за который, как может ожидать старушка, должна расплачиваться другая старушка, столь же безответственная. И наоборот.

– Но мы не можем повернуть назад, – сказал Найлс.

– Конечно, нет... да и зачем? Цивилизация Альфы Центавра окажет нам радушный прием. Ведь они знают, что если не сделают этого, значит, и цивилизация Сол-3 не примет их лишних детей. Нашим цивилизациям придется взрослеть и поступать соответственно.

Лицо капитана стало задумчивым и печальным.

– Этот инопланетянин напомнил мне крысу, – сказал он.

– А мне морскую свинку, – улыбнулся Уэллс.

Он наслаждался моментом своего триумфа.

ХУДОЖНИКИ

Mel Hunter - с. 6, 7, 24, 25, 38, 39

Kirberger - с. 76

Paul Orban - с. 102, 103

Jean Fawcette - с. 161, 166

Kelly Freas - с. 232, 233

Ed Emshwiller - с. 256

Schelling - с. 270, 273, 277

СОДЕРЖАНИЕ

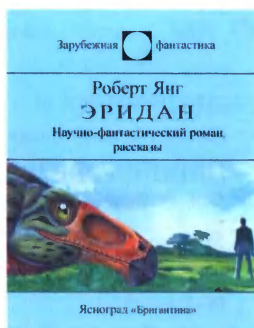
АЛАН НУРС

ЧЕРЕЗ СОЛНЕЧНУЮ СТОРОНУ	6
<i>Пер. Я. Берлина</i>	
ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ	45
<i>Пер. Г. Палагуты</i>	
ХОЛЩОВЫЙ МЕШОК	63
<i>Пер. С. Василевской</i>	
ЭЛИКСИР КОФФИНА	77
<i>Пер. Э. Кабалевской</i>	
ПОДДЕЛКА	102
<i>Пер. Н. Шумакова</i>	
ВОЗЛЮБИ ОВУПА СВОЕГО	131
<i>Пер. В. Федорова, И. Рошалья</i>	
СХВАТИ ТИГРА ЗА ХВОСТ	158
<i>Пер. Н. Никоновой</i>	
ДО ПОЛНОГО СЛИЯНИЯ	169
<i>Пер. В. Мисюченко</i>	
ТЯЖЕЛАЯ СДЕЛКА	177
<i>Пер. М. Нахмансона</i>	
НЕМНОГО ПОДЛЕЧИТЬСЯ	185
<i>Пер. С. Васильевой</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

РОБЕРТ ЯНГ

ОСКОЛКИ ПРОШЛОГО	193
<i>Пер. М. Литвиновой-мл.</i>	
ЛЕТО УПАВШЕЙ ЗВЕЗДЫ	215
<i>Пер. М. Литвиновой-мл.</i>	
БЫТИЕ 500	232
<i>Пер. А. Петрушиной</i>	
АРЕНА РЕШЕНИЙ	257
<i>Пер. А. Петрушиной</i>	
РЕВОЛЮЦИЯ 20	285
<i>Пер. С. Гонtareва</i>	
ЭМИЛИ И ЕЕ ПОЭТЫ	300
<i>Пер. М. Литвиновой-мл.</i>	
ОБРУЧЕНЫ МЫ ДО ИСХОДА ДНЕЙ	319
<i>Пер. М. Литвиновой-мл.</i>	
ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ	336
<i>Пер. М. Литвиновой-мл.</i>	
КОСМИЧЕСКАЯ ПТИЦА РУХ	353
<i>Пер. С. Гонtareва</i>	
ЖИЛА-БЫЛА БАБКА В БОЛЬШОМ БАШМАКЕ	358
<i>Пер. С. Гонtareва</i>	

Литературно-художественное издание

Алан Нурс

Роберт Янг

РЕВОЛЮЦИЯ 20

Фантастика

НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ

Редактор Н. Трубецкой

Художественный редактор А. Борщёв

Корректор Ц. Баджибаев

ИБ № 354-832

Подписано в печать 12.03.17. Формат 70 x 108 1/32.

Бумага полигр. Печать цифровая. Гарнитура Тип Таймс.

Усл.-печ. л. 15,33. Тираж 10 экз. Заказ № 183.

Издательство «Бригантина»

07500, г. Ясноград, ул. Р. Сикорски, 17.

Отпечатано в типографии Института Неточных Наук

01230, г. Орлиноозерск, ул. Придубравная, 18.

Зарубежная

фантастика

Ясноград «Бригантина»